

Высшее профессиональное образование

М. И. Марьин
Ю. Г. Касперович

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Учебное пособие

Психология

УДК 159.91(075.8)
ББК 88.4я73
М903

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *Ю. К. Стрелков*;
кандидат медицинских наук *Г. В. Шутко*

Марьин М. И.

М903 Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. И. Марьин, Ю. Г. Касперович. — М. : Издательский центр «Академия», 2007. — 208 с.
ISBN 978-5-7695-3416-4

В учебном пособии раскрываются истоки, сущность и причины терроризма, показаны стратегии поведения, формы и методы психологического давления на различные управленческие структуры и группы населения со стороны террористов. Рассматриваются вопросы организации психологического обеспечения антитеррористической деятельности, психологической работы с персоналом в зонах локальных конфликтов, социально-психологической реабилитации.

Для студентов высших учебных заведений. Может быть полезно руководителям, практическим психологам, студентам, аспирантам, преподавателям, ведущим подготовку специалистов по управлению в кризисных ситуациях, командирам специальных подразделений, сотрудникам по организации работы с персоналом медико-психологических реабилитационных центров, всем, кто интересуется вопросами психологии безопасности.

УДК 159.91(075.8)
ББК 88.4я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Марьин М. И., Касперович Ю. Г., 2007
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2007
ISBN 978-5-7695-3416-4 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2007

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм — одна из неразрешенных проблем, с которой человечество вошло в XXI столетие. Терроризм в любых формах проявления угрожает безопасности многих стран и их граждан, влечет за собой весьма существенные политические, экономические потери, оказывает сильное психологическое воздействие на большие массы людей, уносит жизни мирных жителей.

Деятельность террористических организаций имеет своей целью не просто обострение и дестабилизацию обстановки в том или ином районе во имя решения каких-либо задач, а захват или передел власти, территориальный передел, насильственное изменение конституционного строя в тех или иных странах.

Международное сообщество еще не выработало общепризнанного определения понятия *терроризм*. Различные подходы в политической науке и практике к определению терроризма обусловлены как сложностью этого опасного социально-политического явления, так и сохраняющимися до сих пор противоречивыми интересами членов международного сообщества, различных социальных групп и отдельных государств.

Современный терроризм можно определить как систему использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов, для избежания реализации угроз по отношению к определенным лицам или группам, объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей или окружающей среды¹.

Понятия «террор» и «терроризм» вошли в политический лексикон чуть более двух столетий назад, но сами эти явления существовали и в глубокой древности. Насилием сопровождалась история человечества, в том числе и в тех формах, которые сегодня характеризуются как террор и терроризм.

На рубеже XX и XXI вв. проблемы терроризма и противодействия ему стали одними из важнейших как для отдельных государств, так и для мирового сообщества в целом. Это объясняется

¹Ланцов С. А. Террор и террористы: словарь. — СПб., 2004.

масштабами и характером террористических акций последнего времени. Если ранее террористы действовали методом индивидуального террора, убивая политических и государственных деятелей, то первичными объектами атак современных террористов все чаще становятся ничем не защищенные группы мирных жителей. Иногда это единицы, но могут быть и сотни, даже тысячи людей. Так было в случаях взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске в 1999 г. и при разрушении зданий Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в 2001 г., при захвате заложников в Беслане в сентябре 2004 г. Террористы прошлого нередко стремились найти этические оправдания своим действиям и направляли их только против тех, на ком, с их точки зрения, лежала ответственность за существующее положение. Современные террористы гораздо чаще демонстрируют цинизм и готовность пренебрегать жизнью большого числа ни в чем не повинных людей.

Терроризм подрывает стабильность в международных отношениях, расшатывает политическую ситуацию внутри отдельных государств. Террористический акт является уголовно наказуемым преступлением по законам любого государства. Политический и уголовный терроризм тесно переплетаются между собой. Уголовники и террористы используют одинаковые или сходные средства и формы деятельности (убийство человека всегда остается убийством, независимо от того, политическими или корыстными мотивами оно объясняется). Можно констатировать, что терроризм и уголовная преступность идут рука об руку. Зоны активной деятельности террористических структур являются и зонами повышенной криминогенности.

На современном этапе проявляется многообразие форм террористической деятельности, которая все больше увязывается с межнациональными и межконфессиональными конфликтами, с деятельностью организованных незаконных формирований, специализирующихся в наркоторговле, нелегальном оружейном бизнесе и в других сферах. Проблемой противодействия терроризму сегодня обеспокоены все международное сообщество и, конечно же, сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие работу по профилактике и непосредственной борьбе с терроризмом.

Необходимо учитывать, что феномен терроризма имеет междисциплинарную природу, и психологическая наука еще должна найти свое место в ряду других наук, изучающих проблемы терроризма и разрабатывающих средства борьбы с ним. Суть социального заказа психологической науке сегодня состоит в том, чтобы объяснить природу терроризма и предложить силовым структурам эффективные средства противостояния террористическому вызову.

До сих пор сохраняется значительный разрыв во взаимодействии между специалистами-теоретиками и специалистами, самой жизнью поставленными перед необходимостью решать со-

вершенно конкретные задачи по борьбе с различного рода проявлениями террористической активности. В такой ситуации важным представляется разработка типовых сценариев психологического воздействия на участников террористического акта. Решать эту задачу можно с использованием двух стратегий: *силовое воздействие* с обязательным психологическим компонентом и *ненасильственные действия* на основе переговорной деятельности. Не примитивно понятые увещевания или угрозы, а именно переговоры, важнейшая цель которых — сохранение жизней заложников и участников операции с соответствующими гарантиями для террористов. В процессе переговоров не только выявляются некоторые «зоны уязвимости» лидера и членов террористической группы и на них оказывается необходимое психологическое воздействие, но и ведется тонкая психологическая борьба, в конечном счете подчиненная задаче минимизации возможных жертв и ликвидации самого террористического акта.

Антитеррористическая деятельность требует глубоких знаний стратегий поведения, форм и методов психологического давления на различные структуры управления и группы населения со стороны террористов и разработки адекватных упреждающих мер. В связи с этим весьма актуальной задачей является изучение истоков, сущности, причин и форм терроризма, основ психологического обеспечения антитеррористической деятельности органов внутренних дел, организации работы с населением, подвергшимся террористической атаке, оказания психологической помощи пострадавшим. Научному обоснованию решения этих и других задач посвящено настоящее пособие.

Разработчики пособия выражают искреннюю благодарность тем, кто способствовал созданию этого пособия, коллегам, чьи работы и исследования использованы в тексте; признательность тем, кто предоставил материалы для отдельных разделов пособия¹.

¹ При подготовке данного раздела использованы научные материалы, предоставленные профессором Академии управления МВД России В.И.Чернениловым.

ГЛАВА 1

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

1.1. История исследования проблемы терроризма

За тысячи лет природа насилия в своей основе практически не изменилась. Разница заключается только в том, что современное насилие стало еще более агрессивным и жестоким. Терроризм как явление во многом традиционен и даже примитивен, он всякий раз меняет свои формы, но «формула» террора остается прежней. Главное в ней — даже не само по себе насилие, а прежде всего запугивание.

Запугивание осуществляемым или планируемым насилием вызывает еще и неадекватные действия, усиливающие первичный страх. Схема действия террористов: выдвижение требований — угроза насилия — отказ — осуществление насильственной акции. Однако на этом «формула террора» не заканчивается. Она имеет свое продолжение: осуществление насильственной акции — ужас — неадекватные действия — новые волны страха — новые террористические акции.

Терроризм исторически развивался от индивидуального к групповому — локальному — массовому террору. Для современного мира характерно все более массовое насилие.

Первоначально террор был почти исключительно индивидуальным феноменом. Главным было ликвидировать некое конкретное лицо. Это было простое физическое уничтожение политического противника, за которым обычно даже не стояло специальной цели оказания ужасающего воздействия на сознание и психологию масс.

Индивидуальный террор служил обычным инструментом политической борьбы — крайним средством устранить заведомо более сильного и могущественного политического оппонента или соперника. Сильные в отношении слабых могли использовать иные средства — опалу, ссылку, тюремное заключение, позднее — отставку, ограничение в правах или иные формы отстранения от активной (прежде всего политической) жизни. Уделом слабых оставались интриги, заговоры и, наконец, физическое устранение тех, против кого никак нельзя было применить иные средства борьбы.

В постоянной борьбе за власть в истории можно найти десятки, если не сотни примеров такого индивидуального террора. Однако уже в Древнем Риме прибегали к групповому и даже локальному террору. Юлий Цезарь наказывал обратившиеся в бегство легионы казнью каждого десятого бежавшего солдата. В результате он породил этим ужас у остальных и как бы вытеснял этим ужасом тот страх, который легионеры испытывали перед неприятелем. Ужас побеждал страх, и после этого легион вновь становился боеспособным.

Практикой локального террора принято считать так называемые проскрипции или проскрипционные списки, введенные в практику одним из наиболее кровавых римских диктаторов. Первоначально он устроил групповой террор, который грозил стать массовым. Здесь проходит тонкое психологическое различие между физическим устранением противников и созданием атмосферы террора, ужаса у всех остальных за счет неопределенности их собственной судьбы, то есть через создание угрозы их спокойствию и безопасности. Убийство человека на улице не внушает ужаса даже жителям ближайшего дома. Обещание же составлять каждый день новые списки и тем самым выносить новые смертные приговоры ужасает сразу все население.

Террор со стороны властителей постепенно приводил к тому, что тяга к террору возникала и в низах, у той самой массы, которую пытались, вслед за элитой, запугать властители.

К террору пришла Великая французская революция — фактически это была первая действительно массовая историческая площадка для социальной диктатуры и связанного с ней террора. Путь этот начался с принятия якобинской конституции. Новая Декларация прав человека и гражданина провозглашала целью «всеобщее счастье». Она объявляла «естественными и неотъемлемыми правами человека» свободу, равенство, безопасность и собственность. В ней была одна небольшая зацепка: «право на сопротивление угнетению», право на восстание, «когда правительство нарушает права народа».

В Париже стали происходить крупные волнения. Рабочие, ремесленники, городская беднота выходили на улицу с оружием в руках. После упразднения обычной законности как неспособной защитить революцию был принят тезис о том, что «если в мирное время народному правительству присуща добродетель, то в революцию народному правительству присущи одновременно *добродетель* и *террор*: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели». Однако якобинский террор завершился трагично для его инициаторов: революция стала стремительно «пожирать своих детей», активно истреблявших друг дру-

га в ходе самими же начатого, но повернутого друг против друга террора, а им на смену пришел император Наполеон Бонапарт.

В российской истории особую роль сыграла террористическая фракция «Народной воли» — революционная народническая организация, существовавшая в России в 1886—1887 гг. Ее основатели пытались возродить «Народную волю» или, по крайней мере, отстаивавшиеся ею методы революционной борьбы. После неудачного покушения 1 марта 1887 г. на императора Александра III «террористическая фракция» была разгромлена, а ее члены сурово наказаны.

Большевики полностью повторяли путь якобинцев: террор стал осуществляться прежде всего против виновников экономического, а не политического хаоса: «расстрел на месте». Известно также указание о проведении беспощадного массового террора против кулаков, попов и белогвардейцев. Так революционный террор впервые в истории был назван *массовым*. 2 сентября 1918 г. была принята резолюция: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»¹.

Главная социально- и политико-психологическая особенность, сущность такого террора в том, что он носил *классовый характер*. Он отбирал своих жертв не на основе определенных преступлений, а на основе принадлежности к определенным классам.

В отличие от революционного массового террора *тотальный террор* вообще никогда не выбирает себе жертв. В рамках такого террора каждый человек, реально или потенциально, является как жертвой террора, так и палачом — участником массового террора. Гитлеровский режим первым в истории человечества сумел превратить массовый террор из исключительной меры в политике в повседневную практику, обыденность политической жизни.

В карательных органах фашистской Германии служили миллионы людей. То есть абсолютное большинство всей нации, ее трудоспособного населения стало исполнителями террора. С другой стороны, сотни тысяч людей стали непосредственными жертвами террора, а остальные были запуганы им настолько, что сами шли в каратели. Подчеркнем важную психологическую особенность: почти единственным способом защититься от массового террора стала собственная принадлежность к органам террора. С особой силой террор проявлялся по отношению к представителям иных наций, государств и народов: все противники нацистского режима, проживавшие на оккупированных немцами территориях, подлежали физическому уничтожению.

Избавление от личной ответственности за любые террористические действия в такой супертоталитарной системе, основанной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50.

на тотальном, всепроникающем «фюрер-принципе», действительно осуществлялось за счет принятия ответственности за все вышестоящим фюрером. За это отвечали уже не карательные органы, а социально-политические структуры, которые не только идейно обосновывали, но и разъясняли правомерность террора, оправдывая его.

Действие психологического механизма *деиндивидуализации* в результате снятия ответственности известно. Самые обычные люди, подчиняясь приказам того, кого считают начальником, «властью», могут спокойно совершать страшные поступки, вплоть до умерщвления на электрическом стуле своих товарищей, и не осознавать этого. Для солдат и работников карательных органов, полицейских обычно в наибольшей степени характерна деиндивидуализация. Снижение чувства собственной уникальности, отличия себя от других людей ведет и к недооценке этих людей, ценности их жизни. Соответственно это ведет и к большей личной жестокости, и к готовности выполнять жестокие приказы. За счет действия таких механизмов террор, первоначально в гитлеровской Германии, постепенно стал массовым и *хроническим*, то есть превратился в повседневность социально-политической жизни.

Террор привлекает прежде всего благодаря своему сильному романтическому ореолу. Несмотря на то, что террор — это всегда страшно, это всегда насилие, смерть и разрушение, то есть во многом античеловеческие или даже бесчеловечные методы, часто он открыто одобряется и приветствуется людьми. Особенно это касается индивидуального террора, как правило, связанного с предварительно сложившимся отрицательным отношением к жертвам террора.

Очевидно, что террор властей всегда демонстративно приветствовался теми слоями населения, которые сами боялись стать его жертвами и стремились послушанием «задобрить» власть. Но столь же очевидно, что террор против властей молчаливо одобрялся всеми, кто имел к властям претензии, но по разным причинам был вынужден терпеть притеснения и скрывать свое недовольство. Те же самые психологические механизмы действуют и в отношении международного, межгосударственного террора. Атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки американцами на исходе Второй мировой войны вызвала ликование в странах антигитлеровской коалиции, хотя этот акт расправы с мирным населением уже не диктовался логикой войны. Акции международного исламского террора против США, начиная от первых попыток взрывов еще в начале 1990-х гг., постоянно вызывали одобрение в мусульманских странах.

Все это говорит о том, что пресловутый «двойной стандарт» имеет очень глубокие корни, которые отнюдь не сводятся к при-

митивным оценкам типа «наш» — «не наш», «выгодный» или «невыгодный» террор. Явное или неявное одобрение террора — очень удобная, психологически мало травмирующая человека форма признания собственной несостоятельности при внутренне скрытом желании быть состоятельным.

Одобрять террор, люди проецируют на совершенное террористом собственные, по различным причинам неосуществимые мотивы, желания и потребности. Террорист — фигура в ореоле борьбы, а глубинная потребность в борьбе свойственна людям хотя бы в силу их животного происхождения. Террор — метод борьбы. Значит, пока есть борьба, будет террор и будет, помимо негативного, еще и достаточно заметное позитивное к нему отношение. А это означает, что террор не только имел, но и долго еще будет иметь под собой определенную психологическую почву. Социально-психологический прогноз, по мнению Д. В. Ольшанского, пессимистичен — ряды террористов еще долго не поредеют. Если же они и поредеют, то явно ненадолго: любая антитеррористическая акция, помимо истребления террористов, будет готовить и новых сочувствующих им людей, которые смогут очень быстро пополнить эти иногда все-таки редкие ряды.

1.2. Общая характеристика терроризма

Латинское значение слова *terror* — страх, ужас. Ужас же психологически иногда определяется как циркулярное (повторяющееся и нарастающее) переживание страха. Значит, террор — такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу.

В начале 1970-х гг. К. Изард¹ исследовал отношение представителей разных стран к различным эмоциям. В ответ на вопрос: «Какой эмоции вы больше всего боитесь?» большинство людей назвали страх. Эмоция страха сама по себе вызывает страх, а переживание страха еще больше его усиливает, доводя до экстремальной стадии ужаса. Ужас — это максимальная степень переживания страха, усиливающего самого себя за счет повторяющейся циркуляции этого переживания в психике. Образно говоря, ужас — это страх страха.

Опрошенные К. Изардом люди гораздо чаще сообщали о переживаниях печали, гнева, отвращения, презрения или даже стыда, чем о переживании страха. «Страх — это эмоция, о которой люди думают с ужасом... И все же страх — реальная часть нашей жизни. Человек может переживать страх в самых разных ситуациях, но все эти ситуации имеют одну общую черту. Они ощуща-

¹ Изард К. Эмоции человека. — М., 1980.

ются, воспринимаются человеком как ситуации, в которых под угрозу поставлено его спокойствие или безопасность»¹. Террор — это и есть возникающий в результате некоторых действий (прежде всего насилия) ужас от утраты человеком спокойствия или безопасности. Таким образом, с точки зрения психологии *террор* — это состояние очень сильного страха (ужаса), возникающее как реакция на некоторые действия, имеющие целью вызвать именно это состояние у тех, в отношении кого они осуществляются или же тех, кто является их свидетелем. Значит, террор есть цель и результат используемых для их достижения действий и методов.

В 1995 г. В. Пирожков писал, что в зависимости от объекта посягательства теракт может быть направлен как против конкретных лиц, так и анонимных жертв, которые не имеют никакого отношения к террористам. В последнем случае террористический акт имеет цель дестабилизировать обстановку в обществе, вызвать панику у людей. Террор в таком случае становится безадресным, его жертвы — случайные рядовые граждане. Террористы в подобных случаях принимают в расчет общественный резонанс, вызванный их действием, за которым следует обвинение в адрес правоохранительных и властных органов, неспособных защитить граждан. Держать население в страхе и неуверенности — это и своеобразное проявление власти над обществом в целом².

Террористические акты осуществляют террористы, которые делятся на инициаторов, организаторов и исполнителей. Чаще всего террористами называются непосредственные исполнители. Террористические методы — это методы осуществления террористических актов и террора в целом. Они могут быть очень разными в зависимости от того, с каким именно видом террора мы имеем дело в тот или иной конкретный момент. Принято говорить в первую очередь о физическом, политическом, идеологическом, экономическом терроре.

Состояние ужаса можно вызвать, лишив человека спокойствия и безопасности практически в любой сфере — все зависит от того, насколько данная сфера значима для него. Чаще всего, естественно, это происходит в сфере физической, когда возникает непосредственная угроза самой жизни и физической безопасности. Исследуя подобный страх в ситуации войны, замечено, что после вступления государства в войну человека захлестывает новая волна страха: перед поражением, неопределенностью, лишениями, убытками, ранением и т.д. Военнообязанный, подлежащий призыву в вооруженные силы, независимо от желания и энтузиазма, с которыми он идет на службу, несет с собой страх перед неизве-

¹ Изард К. Эмоции человека. — М., 1980.

² Психологи о терроризме // Психологический журнал. — Т. 16. — 1995. — № 4.

ственным... И самый великий из всех страхов — останется ли он жив? (Коупленд Н., 1953)¹.

Терроризм — это обобщенное понятие, обозначающее комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий.

В общепринятом понимании терроризм сужается до набора отдельных террористических актов. В ФБР США, например, терроризм понимают как всего лишь «противозаконное применение силы или насилия против граждан или собственности с целью запугать или принудить к чему-либо правительство, население или какую-либо часть того и другого, оправданное политическими или социальными целями». Политический терроризм понимается только лишь как «систематическое применение ничем не ограниченного политического насилия, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников». Это явно сужает смысл данного понятия, лишая его целого ряда важных, существенных характеристик. Психологически терроризм — это еще и способ жизни, мышления и особой деятельности, включая ее мотивы, идеологические обоснования и оправдания тех, кто использует террор как цель (иногда — самоцель) и средство достижения своих потребностей и интересов, то есть — террористов.

Главное в террористической акции не само насилие, а производимый им психологический эффект — запугивание, создание массового психоза в обществе.

Среди особенностей современного террора как особой формы, прежде всего, политического насилия, можно выделить следующие:

- целеустремленность — каждая акция носит конкретный, целенаправленный характер;
- крайняя жестокость и циничность;
- массовость — затрагивает непосредственно и через СМИ огромное количество людей из различных стран;
- внешне достаточно высокая эффективность — о каждом террористическом акте узнает весь мир;
- гибкость и изобретательность;
- отсутствие любых, в том числе и моральных, ограничений;
- приход религиозного терроризма на смену терроризму националистическому и сепаратистскому.

К тому же современные террористические акты — это специально организованная, часто профессиональная деятельность целенаправленно подготавливаемых в течение долгого времени боевиков и агентов.

¹ Коупленд Н. Психология и солдат. — М., 1960.

При подготовке к проведению теракта всегда (осознанно либо неосознанно) организаторами берется в расчет фактор психологического воздействия. С позиции террора нецелесообразно вырезать целую деревню в горах или городской район, если об этом никто не узнает или такой теракт примут за стихийное бедствие. Но жестоко убить одного человека перед десятками телекамер, с трансляцией на весь мир, с выкрикиванием требований и угроз — это уже качественно подготовленный теракт.

Среди особенностей современной международной террористической организации отмечаются:

- децентрализованность организации, когда каждая организация может работать в своем регионе независимо;
- отсутствие единого финансового органа (часто сама организация зарабатывает средства, одно звено может профинансировать акции другого звена);
- связь организации с харизматическими лидерами второго уровня — тактическими лидерами, предстающими перед членами организации как жертвы или мученики, которые уходят через 1–2 акции, истинный же лидер первого плана остается;
- опора в своих действиях на множество разбросанных по разным странам и автономно функционирующих вербовочных и тренировочных лагерей.

Современными средствами и способами борьбы терроризм победить невозможно, так как это комплексное социальное явление, корни которого лежат глубоко в традициях, религии, культуре, психологии как целых народов, так и отдельных индивидов. Выходом из сложившейся ситуации является полный пересмотр подходов к ведению антитеррористической деятельности, а также внутренней и внешней политики крупнейших государств мира.

Любая классификация, разделяющая виды террора на основании предлагаемых самими террористами или пишущими на эти темы журналистами объяснений, принципиально порочна. Умножать число классификаций нет смысла. Выделяются политический, экономический и информационный терроризм (Ольшанский Д., 2000).

Политический терроризм — это террористические действия разного рода, имеющие целью оказание влияния на политических лидеров, власти или проводимую ими политику, с тем чтобы вынудить их на те или иные политические действия или властные решения. В отдельных случаях политический терроризм направлен на устранение неугодных политических лидеров — в том числе и ради изменения политического строя в целом.

Мишенью политического терроризма часто являются символы государства, наиболее значимые общественные нормы и государство как таковое. Чем более политически структурированным и развитым является общество, чем больше у него культурных, ма-

териальных и нравственных ценностей, тем более привлекательным оно оказывается для террористов. В политически организованном обществе воздействие на политическую сферу оказывается намного более эффективным, чем в обществе, политически не организованном.

Наиболее частый в последние годы метод терроризма — захват заложников, жизни которых предлагаются затем в обмен на более или менее серьезные уступки со стороны властей (например, требуя освобождения из тюрем своих сторонников), — имеет шанс на успех только в тех странах, в которых человеческая жизнь действительно является реальной, а не декларируемой ценностью. В таких странах общество не дает возможности правительству спокойно взирать на гибель попавших в руки террористов сограждан. В тоталитарных государствах такого рода акции крайне редки: для диктаторов жизнь человека не представляет особой ценности, и они не склонны менять ее ни на крупные суммы денег, ни тем более на отказ от каких-то своих планов. Захваты заложников — своеобразное свидетельство гуманизации и демократизации общества, становящегося объектом нападения террористов.

Информационный терроризм — прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей. На практике под информационным терроризмом обычно подразумевают такое насильственное пропагандистское воздействие на психику, которое не оставляет для человека возможностей для критической оценки получаемой информации. Как правило, откровенно тенденциозная информация, при помощи которой террористы добиваются поставленной цели, характеризуется качеством манипулятивного воздействия и его объемом. Помимо использования официальных средств массовой информации информационный терроризм опирается на распространение определенного типа слухов. Слухи вообще играют значительную роль в проблеме терроризма. Как правило, они многократно усиливают ту атмосферу страха и ужаса, на создание которой направлены усилия террористов. Среди всех разновидностей слухов наиболее значимыми в рамках информационного терроризма являются два вида: так называемые слухи-пугало и агрессивные слухи¹.

Слух-пугало — это слух, вызывающий выраженные негативные настроения и эмоциональные состояния, отражающий некоторые актуальные нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. Обычно слухи такого типа возникают или откровенно «запускаются» силами, развязывающими информационный террор, в массовое сознание в периоды социального напряжения. Их сюжеты варьируются от просто пес-

¹ *Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. — М., 2002.

симистических до явно панических. Особое распространение такие слухи приобретают в ситуациях сложных социальных и политических реформ, смены власти, режима или социально-политической системы в целом. В подобных случаях появляется ограниченный набор сюжетов, выступающих в качестве стержней пугающих слухов.

Наиболее часто встречаются слухи-пугала, основанные на якобы неизбежном повышении цен на продукты питания, их исчезновении и приближающемся голоде. Принимая такие слухи за истину, доверяя им, часть населения бросается закупать подчас ненужные продукты в неразумных объемах, в результате чего действительно искажается конъюнктура рынка. Товары быстро исчезают с прилавков или стремительно растут в цене, может возникнуть голод.

Аналогичным образом распространяются слухи о близком военном перевороте, «неотвратимом отмщении» лицам, активно сотрудничающим с новой властью, и т.д. В таких ситуациях усиление пессимистичных настроений стимулируется еще и типичными для таких ситуаций слухами о якобы имеющихся разногласиях, борьбе за власть в новом руководстве, безудержной коррупции и т.д. Примерами слухов такого рода полна новейшая история России. Особую роль играют слухи, непосредственно связанные с реальным террором. Как правило, они строятся на ожидании повторения произошедших террористических актов и возникновения новых. Множество слухов такого рода циркулировало в США в течение нескольких месяцев после событий 11 сентября 2001 г. «Сверхзадача» таких слухов — это прямое запугивание населения, усиление атмосферы террора в сфере информационного воздействия, умножение хаоса и неразберихи.

Агрессивный слух — слух, не просто вызывающий негативные настроения и состояния, отражающие нежелательные ожидания аудитории, а конкретно направленный на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и поведенческого «ответа», жесткого агрессивного действия. Слухи такого рода возникают в ситуациях острых противоречий, связанных с социальными межгрупповыми и межэтническими, межнациональными конфликтами. Основная функция агрессивных слухов — не просто запугивание, а прямая провокация агрессивных, террористических действий типа геноцида и массовых убийств. Эти слухи строятся отрывочно, «телеграфно». Короткие, рубленые фразы сообщают о конкретных «фактах», «взывающих к отмщению». Они несут сильный эмоционально-отрицательный заряд, формируя аффективную общность «мы» («нормальных людей») в противовес общности «они» («зверствующих нелюдей»).

Экономический терроризм — это различные дискриминационные экономические действия, имеющие целью оказание влияния

на экономических конкурентов, социальные группы и слои населения, а также целые государства и их лидеров ради достижения конкретных экономических выигрышей или проводимой ими политики, что сводится к осуществлению требуемых действий или принятию нужных решений.

Экономический терроризм осуществляется на различных уровнях. На элементарном уровне в рамках конкурентной борьбы между корпорациями он может заключаться в игре на понижение стоимости акций конкурента, их скупке, в доведении до банкротства и т.д. Создание экономических барьеров, ухудшение условий жизни и снижение ее уровня — проявления экономического терроризма одних социально-экономических групп по отношению к другим. На еще более высоких уровнях экономический терроризм достаточно часто становится инструментом давления в сложных политико-экономических отношениях. Так, достаточно часто используемые на практике экономическая блокада, введение разного рода эмбарго и запретов на ввоз или вывоз тех или иных товаров представляют собой средства экономического насилия, применяемые для устрашения противников и изменения их намерений, в том числе и на межгосударственном уровне.

Социальный (бытовой) терроризм. В данный разряд попадают те обыденные явления, которые в привычном смысле не классифицируются как террористические и вроде бы лишены конкретной цели и целенаправленных исполнителей. Бытовой терроризм — это то повседневное запугивание, с которым мы сталкиваемся на улице, в доме, в бытовом общении. Разгул уличной преступности, нарастающий криминалитет, общая социальная нестабильность и массовая бытовая неустроенность; обилие беженцев и эмигрантов, маргинальных элементов, дестабилизирующих жизнь; шайки подростков, терроризирующих двор; банда «скинхедов», терроризирующих рыночных торговцев; бригада рэкетиров, терроризирующих малые предприятия в округе и вымогающих регулярную плату за «охрану» от самих себя — вот неполный перечень бытового терроризма. Результатом его же является возникновение эпидемий, отравленная вода в водопроводе или колодцах и т.п. В целом это социальная ситуация, держащая всех в страхе и постоянном напряжении. В физическом плане — это постоянная угроза жизни и здоровью. В социальном плане — деструкция управления и общественного самоуправления. В психологическом плане результат такой ситуации — утрата уверенности в завтрашнем дне, хаотизация сознания, иррациональное состояние психики, деструкция привычного, нормативного, «регулярного» поведения.

Выделим особую, физическую, разновидность социально-бытового терроризма. Это реальное воздействие на жизнь и состояние здоровья людей, создание постоянной угрозы для них. Оно

может осуществляться с использованием самых разнообразных средств — от ножа и обрезка трубы до применения взрывчатых веществ и массового биологического или радиационного оружия. Так или иначе, это такое воздействие на людей с помощью физических методов, которое не носит конкретного политического, информационного, экономического или социально-бытового характера, а создает такую массовую угрозу физического уничтожения, которая ведет к широкому распространению страха среди населения.

Описанные основные сферы терроризма тесно связаны между собой. Как правило, терроризм в одной из них отражается на другой. Социально-бытовой терроризм, как и экономический и информационный, влечет за собой политические последствия, которые, в свою очередь, влияют на социальную, экономическую и информационную сферы.

Предварительное выделение сфер, наиболее часто связываемых с терроризмом на основании привычного словоупотребления, позволяет увидеть главное: *основой терроризма является насилие*. Оно может использовать разные инструменты — от политического убийства или захвата заложников до распространения слухов, введения экономических санкций или разгула уличного криминала. Описанные сферы терроризма охватывают практически всю жизнь человека. Они лишают жизни или угрожают ей. Различия в деталях не должны заслонять главного: терроризм — всегда насильственное воздействие на людей, преследующее цель запугать их и добиться от них реализации своих целей. Таким образом, с точки зрения психологии можно сказать, что террор — это прежде всего состояние ужаса, возникающее в результате насилия. Террористические акты — это изначально акты насилия. Занимая важное место в политической истории человечества, с древнейших времен и до наших дней, именно насилие рассматривается субъектами политики как одно из основных, хотя и крайних, но неизбежных, не очень желательных теоретически, но достаточно удобных практически, средств достижения своих целей. Вместе с тем использование насилия влечет за собой серьезные деструктивные последствия: гибель людей, разрушение материальных ценностей, дегуманизацию социальных отношений.

1.3. Некоторые причины и условия терроризма

Современный терроризм затрагивает многие сферы деятельности государства. Динамика зарегистрированной преступности террористического характера на территории Российской Федерации отличается существенным ростом.

Трагические события 2004 г. (теракты в Москве, захват заложников в Беслане, взрыв двух гражданских самолетов) свидетельствуют о террористической войне. Массовая гибель ни в чем не повинных людей, трагедии семей, потерявших своих близких, сотни искалеченных судеб, страх перед будущим — только часть последствий этих событий. Под угрозой в конечном счете оказывается безопасность страны.

Для разработки системы мер борьбы с терроризмом в сегодняшней России важное значение имеет учет факторов, способствующих его распространению на территории нашей страны. По своему источнику и характеру действия эти факторы могут быть подразделены на внешние и внутренние, а также объективные и субъективные.

К числу *внешних факторов*, влияющих на распространение терроризма, следует отнести:

- рост числа террористических проявлений в ближнем и дальнем зарубежье;
- социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах;
- наличие вооруженных конфликтов в отдельных из них, а также территориальных претензий друг к другу;
- стратегические установки некоторых иностранных спецслужб и зарубежных (международных) террористических организаций;
- отсутствие надежного контроля за въездом — выездом из России и сохраняющуюся «прозрачность» ее границ;
- наличие значительного «черного рынка» оружия в некоторых сопредельных государствах.

К числу *внутренних факторов* роста терроризма относятся:

- наличие в стране большого нелегального «рынка» оружия и относительная легкость его приобретения;
- образование новой «российской диаспоры» (расселения граждан РФ за пределами своей страны);
- наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в Афганистане, Приднестровье, Сербии, Чечне, Таджикистане и других «горячих точках», и их недостаточная социальная адаптированность в обществе переходного периода;
- ослабление или отсутствие ряда административно-контрольных правовых режимов;
- наличие ряда экстремистских группировок, квазие военных формирований;
- сплоченность и иерархичность преступной среды;
- утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров;
- обостренное чувство социальной неустроенности, незащищенности у граждан;

– настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, общественная фрустрация, падение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений;

– слабая работа правоохранительных и социальных государственных и общественных органов по защите прав граждан;

– низкий уровень политической культуры в обществе;

– широкая пропаганда культа жестокости и силы.

Для современного состояния российского общества наиболее типичен взаимосвязанный и объективно-обусловленный многоаспектный параметр общих причин, порождающих терроризм. В. Постолюник¹ их представил следующим образом.

1. Отсутствие общепринятой глобальной стратегии развития общества, принимаемые концепции индустриального общества зачастую не согласуются с желаниями общества.

2. Углубляющиеся и усугубляющиеся противоречия в сфере экономики, обусловленные проблемами построения рыночной экономики, отсутствием надежных ее механизмов, неприятием частью населения новых экономических отношений и методов перехода к ней.

3. Растущая социальная дифференциация, дальнейшее расслоение общества на богатых и бедных, неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие «социума благополучия и выживания».

4. Отсутствие достаточного профессионализма, низкая эффективность функционирования системы власти, государственного аппарата и правоохранительных структур, отсутствие эффективных инструментов и средств правовой защиты населения с их стороны, особенно в кризисных ситуациях.

5. Обострение и дальнейшее углубление «грязных технологий» в борьбе за власть политических партий, движений, общественных объединений, преследующих политические цели, либо отдельных групп, лидеры которых преследуют собственные цели, вплоть до устранения конкурентов различными методами.

6. Отсутствие современных и эффективных защитных институтов, функционирующих в сфере нравственности и морали; утрата общечеловеческих установок, мотиваций и ценностей в воспитательной работе, особенно в молодежной среде; жесткое, целенаправленное воздействие и распространение «западной культуры и мифов», формирующих жестокость и вандализм в отношении другой личности и человеческого поведения, общежития и порождающих «фанатизм» в субкультуре поведения.

7. Нарастающие тенденции разрешения возникших противоречий, конфликтов и кризисных ситуаций силовыми способами и методами, вызывающими неадекватную оценку общества и об-

¹ В кн.: *Корман Б. И. и др. Терроризм: история и современность.* — Казань, 2002.

ественный резонанс, выходящий за пределы как отдельной территории, так и государства.

8. Углубление социальных противоречий под влиянием растущей преступности, особенно организованной, вырабатывающей и использующей современные информационные технологии и системы «защиты» на всех уровнях, постоянное обновление и пополнение криминала из числа законопослушных граждан, оказавшихся в безысходном материальном положении и используемых, как правило, для совершения разовых акций (за определенную сумму перевезти взрывоопасные вещества либо оставить в условленном месте).

9. Неразрешенные противоречия либо отсутствие отдельных законодательных актов, четко определяющих как общеправовые, так и уголовно-правовые механизмы мер борьбы с терроризмом.

Интересными представляются результаты социологических опросов, которые проводились среди сотрудников подразделений, занимающихся антитеррористической деятельностью в 1993 и 1998 гг., позволившие выделить факторные блоки, способствующие воспроизводству террора в российском обществе¹.

Прежде всего это социальный блок (общее обнищание масс, обогащение небольшой группки собственников за счет этих масс, передел собственности, которая еще вчера принадлежала всему народу), упадок духовности, нравственности, распространение пропаганды насилия, культа сильной личности.

Следующий блок связан с Северо-Кавказским регионом, где созданы условия для террористической деятельности. Еще один узел факторов, нагнетающих террористическую атмосферу, — громадные масштабы незаконного оборота оружия в стране.

Не являясь прямой детерминантой возникновения и распространения деятельности террористов, эти факторы, безусловно, расширяют ее возможности, способствуют росту криминала в целом как общего неблагоприятного фона, провоцирующего усиление собственно террористической активности.

Содействует террористическим ориентациям и идеологическая деятельность извне, направленная на идейное разложение населения, вытравливание из общественного сознания ценностей патриотизма, интернационализма, преданности своему государству, внедрение чуждой идеологии, часто религиозно-мистического характера. Это не только исламский экстремизм, в первую очередь — ваххабизм, но и иные агрессивные религиозные течения.

Основными социальными факторами, усиливающими террористическую активность и удобряющими для него почву, служат не исходящие со стороны, а внутренние причины: они — не от

¹ Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социс. — 2001. — № 5. — С. 8.

«происков внешних врагов», как еще недавно считалось, а от наших собственных неурядиц и проблем, которые мы или загнали вглубь, или не смогли эффективно разрешить¹.

Причины появления и распространения терроризма можно понять прежде всего посредством анализа политической, экономической, духовно-нравственной сфер отношений в обществе. Состояние власти и собственности — вот, пожалуй, главные сейчас источники роста социального насилия.

Наконец, не может не тревожить и повсеместное усиление политического экстремизма, признания допустимости насильственных способов в решении социальных проблем. Эта традиционная для нашей истории терпимость к насилию, его постоянному «присутствию» во всех формах общественных взаимосвязей, особенно в политике, всемерно дополняется резко возросшим правовым нигилизмом, не только позволяющим чинить произвол в нужном для определенных социальных групп направлении, но и доводить этот последний до стадии «беспредела» под лозунгом быстрейшего слома прежних порядков².

При существующих разногласиях большинство исследователей сходятся во мнении относительно тех условий развития общественных отношений, которые способствуют возникновению терроризма в России. Как правило, при этом выделяются следующие *основные признаки*³:

- рассогласование всех ветвей власти, вызванное появлением новой структуры отношений к собственности, теневых лидеров, обладающих реальной властью и расширяющих сферу своего влияния;

- усиление влияния негативных проявлений, криминирующих общественные отношения, при которых закон перестает обеспечивать необходимый уровень социальной защиты значительной части населения;

- изменение понятий о порядке и справедливости, возрождение принципов поведения, в рамках которых насилие становится «законным» средством достижения политических или иных целей;

- обращение к духовному наследию политических, религиозных и других организаций экстремистского толка, в которых культ силы и оружия является обязательным элементом быта и образа жизни;

- осознание национальной, религиозной общностью людей своего положения как притесняемых, лишенных прав и свобод, ощущение необходимости защиты любыми средствами;

¹ См.: Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социс. — 2001. — № 5. — С. 8.

² Там же.

³ Там же.

– рост вербальной агрессии анонимных угроз в отношении «чужих» (представителей власти, коммерческих структур, лиц другой национальности и т.п.);

– создание образа врага, который становится объединяющим началом для лиц, склонных к экстремистским действиям;

– появление среди широких слоев населения, включающих и демократически настроенную часть общества, благожелательного отношения к необходимости смены власти, введения авторитарных форм правления, способных обеспечить законность и порядок.

Северо-Кавказский регион в последние годы стал основной ареной террористических акций. Чаще всего это было связано с событиями в Чеченской Республике. В настоящее время на ее территории действуют бандформирования, которые используют различные приемы и способы вооруженных действий как в самой республике, так и на приграничных территориях.

В ходе первых лет развития конфликта в Чеченской Республике допущены просчеты из-за слабого знания специфики терроризма, мер противодействия ему; уклада жизни и обычаев местного населения, а также из-за отсутствия современного опыта участия в «партизанской войне», «антиснайперской» подготовки, тактики ведения боя в городских условиях и в горной местности.

Исторические условия развития Кавказа обусловили исключительную для многонационального и многокультурного региона степень конфессиональности. Эти и многие другие факторы несут в себе огромный потенциал конфликтогенности. Правоохранительным органам при разработке и реализации мер обеспечения норм Конституции и законности необходимо было учитывать, что Северный Кавказ представляет собой культурно-цивилизированный круг, состоящий из множества элементов, различающихся по уровню развития различных этнокультурных, национальных, конфессиональных пластов.

Несмотря на то, что Россия, приняв горские народы в свое подданство, оградила их от геноцида со стороны Персии и Турции и от взаимного уничтожения, особенно большие обиды предъявляются горцами к русским. В последнее время на Северном Кавказе обострился интерес к истории, многие исследования носят ярко выраженный антироссийский характер. Идет целенаправленный процесс мифологизации жестокости России на Кавказе, демонизации ее как субъекта кавказской политики.

В силу целого комплекса факторов в последние десятилетия именно ислам задает тон в дискуссиях о геополитических перспективах региона Северного Кавказа. Внимание концентрируется на вопросе о том, может ли ислам или какое-нибудь из его направлений, в частности ваххабизм, стать системообразующим фактором для Чечни и некоторых других северокавказских республик.

Ислам представлен десятками различных школ и направлений — от консервативного ваххабизма в Саудовской Аравии до модернистов. Есть в исламе и радикальные движения, часто группируемые под общим названием «исламский фундаментализм».

В конце XX в. на территории Российской Федерации саудовские организации через созданные ими структуры приступили к открытию целой сети подпольных полувоенных лагерей для изучения основ мусульманской религии. На самом же деле в лагерях осуществлялась интенсивная идеологическая и военная подготовка молодежи — «будущих защитников ислама». Эти лагеря в скором времени под руководством иностранных миссионеров и инструкторов превратились в центры по подготовке боевиков. Эти и множество других фактов свидетельствуют об усилении влияния религиозного давления на общественную жизнь региона. Справедливо заметить, что и в дореволюционный период теракты играли значительную роль в жизни северокавказских народов: они использовались для решения задач общественно-политического характера. В нынешних условиях наблюдается тенденция к возрождению этой традиции как в исламском мире в целом, так и на постсоветском пространстве. Предпринимаются попытки синтеза ислама и национализма для их использования в сугубо политических целях. В совокупности они стали своего рода идеологической платформой сил, выступающих за далеко идущие цели сепаратизма и вытеснения России из всего Кавказского региона.

Таким образом, эффективность противодействия распространению терроризма будет зависеть от способности комплексного подхода к организации антитеррористической деятельности с учетом всех его условий и причин возникновения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Чем характеризуется современный терроризм, что лежит в его основе?
2. Какие факторы влияют на распространение терроризма?
3. Какие виды современного терроризма вы знаете?
4. От чего зависит эффективность противодействия распространению терроризма?

ГЛАВА 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ¹

2.1. Мотивация террористической деятельности

Что такое насилие, смыслом и целью которого является не просто насилие как таковое, а его последствия в виде запугивания других людей, не являющихся непосредственными жертвами данного насилия? Это насилие, имеющее сложную мотивацию, что связано прежде всего со сложной структурой террористической деятельности (Ольшанский Д., 2000).

В. Пирожков полагает: «Террорист в момент совершения теракта кажется себе мужественным, благородным, жестоким, бескомпромиссным борцом за “справедливость”. Так, “политическому террористу” кажется, что во имя достижения понимаемой им справедливости можно и должно жертвовать жизнями других людей. “Экономический” террорист убежден, что действия его конкурента несправедливы и требуют “крайних мер”. “Психологическому террористу” кажется, что общество не позволило реализовать заложенные в нем возможности, и он может кануть в Лету неизвестным, а совершая теракт, он не только реализует возможность власти над людьми, но и прославится на века своим мужеством»². Верно и то, и другое, и третье.

Анализ большинства высказываний самих террористов демонстрирует, что террор — не просто «работа» или «профессия». Это — определенный способ жизнедеятельности, который целиком захватывает человека и подчиняет его себе. Террор не может быть просто увлечением в свободное время, террорист-любитель обречен на неудачу в конкретном деле и скорый провал вообще.

Нельзя рассматривать террористическую деятельность и как вполне примитивный бандитизм. Все обстоит значительно сложнее, хотя насилие и составляет стержень деятельности, а элементы бандитизма в ней видны невооруженным глазом.

¹ При разработке раздела использованы материалы Д.В.Ольшанского.

² Психологи о терроризме («круглый стол») / Психологический журнал. — Т. 16. — 1995. — № 4.

Классик террора Б.Савинков писал: «Существование террористической организации... невозможно без дисциплины, ибо отсутствие дисциплины неизбежно приводит к нарушению конспирации, а таковое нарушение, в свою очередь, неизбежно влечет за собой частичные или общие всей организации аресты. Дисциплина же террористической организации достигается не тем, чем она достигается, например, в армии, — не формальным авторитетом старших; она достигается единственно признанием каждого члена организации необходимости этой дисциплины для успеха данного предприятия. Но если у организации нет практического дела, если она не ведет никаких предприятий, если она ожидает в бездействии приказаний центрального комитета, словом, если она “находится под ружьем”, т.е. люди хранят динамит и ездят извозчиками, не имея перед собой непосредственной цели и даже не видя ее в ближайшем будущем, то неизбежно слабеет дисциплина: отпадает единственный импульс для поддержания ее. А с ослаблением дисциплины организация становится легкой добычей полиции»¹.

Известное исламское террористическое движение «Хамаз» учит своих боевиков: «Успех борьбы зависит от того, насколько нам удастся запугать противника и сломить его сопротивление. Для этого необходимо совершать акции устрашения во имя Аллаха, причем каждая акция должна быть хорошо спланирована и иметь смысл. Планирование подразумевает полную дисциплину, подчинение плану и решениям руководителей. Акции должны идти одна за другой; противник ни на минуту не должен чувствовать себя спокойно. Воины Аллаха — борцы, в этом постоянный смысл всей их жизни».

Жизнь террористической организации в целом, как и каждого террориста в отдельности, протекает в непрерывном движении, в котором подготовка террористического акта сменяется его осуществлением для того, чтобы сразу же начался поиск объекта следующего теракта. То есть это постоянная форма жизни и регулярной деятельности.

Всякая деятельность имеет свою психологическую структуру², исходит из определенных мотивов и направлена на достижение определенных целей. Отношение «мотив — цель» — это своего рода вектор, задающий ее направленность и интенсивность. В общем смысле *мотив* — это то, что побуждает человека к деятельности, а *цель* — то, чего он стремится достигнуть в процессе ее выполнения. Основой мотива является потребность человека, то есть объективная необходимость — его нужда в веществе, энергии, информа-

¹ Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Избранное. — М., 1990.

² Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.

ции. В потребностях заключаются «пружины» человеческой деятельности.

Мотив — это форма субъективного отражения. Сформированный вектор «мотив — цель» реализуется в деятельности; осуществленная деятельность (достигнутая цель) создает возможность «перевода» этого вектора на новый уровень и т.д. В этом движении развиваются способности человека, его интересы, склонности, морально-волевые качества, профессиональное мастерство, то есть личность в целом.

Цель как бы связывает социально-психологические и процессуальные аспекты деятельности. Цель как регулятор деятельности — это идеальный или мысленно представляемый ее результат: то, чего еще реально нет, но что должно быть получено в итоге деятельности. Для человека цель его деятельности выступает как образ (в широком смысле) того состояния объекта, в которое его нужно перевести. Являясь идеальным представлением конечного результата деятельности, образ-цель выступает как предпосылка, определяющая ее начало.

Формирование образа-цели связано с опережающим отражением, целеполаганием, прогнозированием, предвидением изменений как объекта управления, так и окружающей среды. Предвидение относят к опережающему отражению объективного хода событий, взятых как бы безотносительно к субъекту, который выступает в роли наблюдателя. Целеполагание характеризует опережающее отражение, включенное в деятельность субъекта: цель выступает как опережающее отражение будущего результата этой деятельности.

Достижение цели, получение результата — это обычно не одномоментный акт, а длительный процесс. Цель как бы разворачивается в систему частных задач, каждая из которых реализуется путем выполнения действий. Поэтому деятельность может быть описана как система сменяющих друг друга действий¹.

Мотив несет две функции. Во-первых, это побудительная функция, побуждающая человека к данной деятельности. Во-вторых, смыслообразующая функция, придающая данной деятельности особый личностный смысл. Действия, в свою очередь, складываются из отдельных операций. *Операция* — первичная единица деятельности. Это задача, данная в определенных условиях. Решая такие задачи, человек совершает действие. За счет осуществления цепочки действий достигается мотив, то есть осуществляется определенная деятельность.

С данной точки зрения террор можно представить как особый вид деятельности, главной объективной целью которого является достигаемое каким-либо образом устрашение других людей. На-

¹ Справочник по инженерной психологии / под ред. Б. Ф. Ломова. — М., 1982.

личие такой цели не отменяет множества различных субъективных целей, которыми руководствуются отдельные террористы. Однако именно чужой страх, как цель, движет действиями террориста и придает смысл всему его существованию. Для достижения такой цели, то есть для массового распространения страха, террорист совершает самые различные действия: готовит оружие, выслеживает жертвы, присматривает место совершения будущего террористического акта, решает транспортные вопросы и т.д. Каждое действие распадается на отдельные операции: например, подготовка оружия складывается из его выбора, приобретения, приведения в боевое состояние, проверки, оснащения боеприпасами, маскировки и т.д.

Наиболее важным вопросом для объективного понимания личности террориста является вопрос о том, ради чего и почему террорист занимается террором — вопрос о его внутренней мотивации. Обобщенный ответ на этот вопрос носит несколько образный характер.

По мнению В. Пирожкова, «в какие бы одежды ни рядились террористы, какие бы ни преследовали цели (политические — захват власти, смена общественного строя; нравственные — достижение ложно понимаемой ими “справедливости”; экономические — устранение ненавистных конкурентов; религиозные — отстаивание чистоты веры; психологические — получить известность, прославиться, оставить след в истории и т.п.) — за всем этим стоит стремление испытать власть над людьми. Не случайно говорят: власть — всегда всласть. Власть над людьми — это своеобразный наркотик, и кто хотя бы раз его “отведал”, тот вновь и вновь стремится к нему. Это показывает и изучение психологии наемничества лиц, кочующих из одного конфликтного региона в другой. На определенном этапе их перестают интересовать деньги, неотвратимой тягой обладает сама возможность убивать. Поэтому в процессе занятия терроризмом цель теряется — какой бы справедливой она ни выглядела, — а возникает неукротимая жажда испытать власть над людьми»¹.

Г. Ньюман выделил три основных мотива террористической деятельности (Ньюман Г., 1999). Во-первых, мотив *культурологический* — по логике террористов, общество надо время от времени «будоражить», лучше всего «с помощью крови». Во-вторых, мотив *рациональный* — террор трактуется ими как эффективный инструмент политической деятельности. В-третьих, мотив *идеологический* — террор выступает как орудие регуляции социальных процессов. Однако Г. Ньюман подчеркивал, что теория и практика терроризма резко расходятся между собой. Теоретически терро-

¹ Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. — Т. 16. — 1995. — № 4.

ризм «равняет», а в социальной практике противопоставляет людей и группы друг другу, ставя между ними стену страха.

В самом общем виде мотивы участия в терроре можно разделить на *корыстные* и *бескорыстные*. Корыстная мотивация превращает террор в обычную работу. Как и всякая работа, она стоит денег и может являться способом добычи средств для существования или для продолжения террористической деятельности. Человека обучают навыкам, дают аванс и обещают заплатить определенные деньги после того, как он выполнит полученное задание. Желая заработать деньги, он идет и выполняет это задание: взрывает здание, угоняет самолет, убивает политического лидера или производит взрыв в местах массового скопления населения. При такой мотивации они, в сущности, мало чем отличаются от обычных наемных убийц.

Для всех террористов, причем особенно для тех, кто занимается этой «работой» из корыстных мотивов, важным является вопрос о том, как он сам объясняет свои действия не кому-то, а прежде всего самому себе. Убийство человека для подавляющего большинства людей всегда остается нравственным преступлением, которое требуется хотя бы объяснить другим людям. Как известно, потребность в понимании — одна из глубинных потребностей человека, делающая его социальным существом. Однако мотивировки, даже искренние, носят во многом привносимый, внешний характер по отношению к террористу.

Анализ реальных субъективных мотивов, которыми, по их собственным словам, руководствовались люди, хотя бы однажды участвовавшие в террористическом акте, позволяет выделить следующие основные группы таких мотивов.

1. *Меркантильные* мотивы. Террор, как и любая сфера человеческой деятельности, представляет собой оплачиваемый труд. Соответственно, для определенного числа людей это занятие — способ заработать.

2. *Идеологические* мотивы. Это более устойчивые мотивы, основанные на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями группы, организации, политической партии.

3. Мотивы *преобразования*, активного изменения мира. Это мотивы, связанные с пониманием несовершенства и несправедливости существующего мира и настойчивым стремлением улучшить, преобразовать его.

4. Мотив *власти над людьми*, глубинный мотив. Насилие применяется для утверждения личной власти, через насилие террорист утверждает себя и свою личность, обретая власть над людьми.

5. Мотив *интереса и привлекательности террора* как сферы деятельности. Для определенного числа людей, особенно обеспеченных и достаточно образованных, террор бывает интересен просто

как новая, необычная сфера занятий. Их занимают связанный с террором риск, разработка планов, всевозможные детали подготовки, нюансы его осуществления.

6. «Товарищеские» мотивы эмоциональной привязанности в разнообразных вариантах — от мотива мести за вред, нанесенный товарищам по борьбе, единоверцам, соплеменникам, родственникам, соратникам по политической деятельности и т.д., до мотивов традиционного участия в терроре потому, что им занимался кто-то из друзей, родственников, соплеменников или единоверцев.

7. Мотив *самореализации* — парадоксальный мотив. Самореализация, с одной стороны, — удел сильных духом людей, наиболее полное осуществление личности, ее полная самоотдача, растворение человека в террористическом акте, вплоть до самопожертвования. Однако с другой стороны такая самореализация — признание ограниченности возможностей и констатация несостоятельности человека, не находящего иных способов воздействия на мир, кроме насилия и деструкции. Такая самореализация, оборачивающаяся самоуничтожением, означает прежде всего признание факта психологической деструкции личности.

2.2. Личность террориста

Внимание исследователей всегда привлекала к себе личность террориста. Считалось, что стоит изучить это сложноорганизованное целое, как все станет понятным в психологии террористов, и проблема борьбы с ними получит надежную научную базу. Однако именно это оказалось самой сложной, до сих пор не разрешимой задачей. Предлагается выделить три психологические модели личности террориста.

1. Психопат-фанатик. Это человек, который руководствуется своими убеждениями (религиозными, идеологическими, политическими) и искренне считает, что его действия, независимо от их конкретных результатов, полезны для общества. Такой человек, у которого сфера сознания крайне сужена, способен совершить все, что угодно.

2. Фрустрированный человек, базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессивности. Чувство фрустрации, порожденное невозможностью для человека по каким-то причинам достичь жизненно важных для него целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае может сыграть роль инструмента в рационализации этих действий, то есть в подборе тех или иных поводов для их оправдания.

3. Человек из ущербной семьи. Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с

антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментом террористической организации.

С.Ениколопов¹ считает, что, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании единого личностного террористического комплекса нет оснований. Он выделяет два относительно явных психологических типа, часто встречающихся среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые — не уверены в себе, неудачники со слабым “Я” и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое “Я”, стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, к поиску источников своих личных проблем вовне. Они проецируют низкооцениваемые составляющие своего “Я” на истеблишмент, который воспринимается как источник угрозы».

В общем виде основные качества личности террориста известны достаточно хорошо. Обычно они выступают как требования к членам террористических организаций. Такие требования носят вполне формализованный (зафиксированный в каких-либо документах), значительно реже — неформализованный характер (при понятной абсолютной конспиративности террористической группы или организации, когда принципиально не формализуется ничего в ее деятельности). Основные требования к членам Боевой организации партии социалистов-революционеров начала XX века и к членам террористических отрядов исламского движения «Хамаз» являются вполне похожими: 1) преданность своему делу (террору) и своей организации; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм — способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

Если укрупнить эти качества, то возникнет одно основное и два «технических». Основным качеством выступает *преданность*. Это преданность своему делу, своей организации и своим товарищам, включающая готовность к самопожертвованию. С данным основным качеством связаны качества «технические», производные — прежде всего *дисциплинированность* и *конспиративность*.

Преданность подразумевает высокую степень цельности, целостности личности, ее «растворенности» в деятельности и органи-

¹ Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. — 1995. — № 4. — Т. 16.

зации. Не случайно, принимая в террористическую организацию, от людей требуют самоотверженности, самоотдачи, способности отказаться от «всего личного» ради достижения общей цели организации.

Таким образом, целостность личности террориста подразумевает ее *деиндивидуализацию*. В этом содержится серьезный парадокс. Активно противопоставляя себя другим людям, государству, всему миру, террористы подчеркивают свою выраженную индивидуальность, достигающую надличностного уровня. Однако индивидуализация возможна только для террориста-одиночки, что практически неосуществимо в современном мире.

Попытка выделения психологических типов личности террористов оказывается возможной на базе типологии темперамента, в свое время введенной Гиппократом, затем развитой И. Павловым и усовершенствованной Г. Айзенком. Традиционно известные всем типы «холерика», «сангвиника», «флегматика» и «меланхолика» приобретают специфическое звучание на примере литературных описаний известных террористов. Содержательно они расшифровываются в основных характеристиках свойств нервной системы, а также в интенсивности проявлений по параметрам «экстраверсия — интроверсия» и «невротизм — эмоциональная устойчивость». Наиболее типичный психологический вариант террориста — это *сильно невротизированный и экстравертированный холерик*.

Анализ литературы с ретроспективными описаниями террористов, а также исследования в этой области позволяют заключить, что среди террористов преобладают прежде всего сильно невротизированные типы. Это подтверждается литературными данными: «Члены террористических групп характеризуются высоким невротизмом и очень высоким уровнем агрессии. Им также свойственно стремление к поиску острых ощущений — обычная жизнь кажется им пресной, скучной и, главное, бессмысленной. Им хочется риска и опасности. Это люди с очень высоким уровнем агрессии и высокой невротичностью»¹.

Большинство террористов составляют мужчины, хотя много и женщин, роль которых в террористических организациях очень высока. С самого начала новой волны терроризма, связанной с социальными процессами в России в 60—70-е гг. XIX в., женщинам отводилась очень важная роль. Многие из них были идеологами, часто сами проводили террористические акты (Вера Засулич, Софья Перовская и др.). Социально и психологически женщина более защищена, она меньше воспринимается как террорист, нежели мужчина. Прикрытие, внедрение и проведение террористиче-

¹ Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. — Ростов н/Д, 1996.

ских актов для женщин задача менее сложная, чем для мужчин, исходя из социального статуса женщины в обществе.

Многие террористические организации, такие как Ирландская революционная армия, Красные бригады, латиноамериканские группы, активно используют женщин в агентурных и боевых целях. Есть организации, в которых женщины составляют 50 процентов от общего количества членов.

Возрастные рамки людей, занимающихся терроризмом, в среднем 20—35 лет, то есть наиболее дееспособные, активные в умственном и физическом плане.

Если говорить о национальных особенностях, то это люди разных национальностей, и делать какие-то выводы довольно сложно. Если терроризм национальный, то это люди одной нации, работающие против другой. Если мы рассматриваем религиозный терроризм, то, конечно, самыми активными остаются мусульманские, протестантские, католические и сектантские группировки.

Современный терроризм, так или иначе, является групповым действием. Для обеспечения его эффективности в подготовку и осуществление террористического акта должны быть вовлечены несколько человек. Однако с точки зрения психологии присутствие стоящей за терроризмом группы, организации, если даже не реальное, то виртуальное, является почти обязательным для претендующей на эффективность террористической деятельности. Это определяется тем, что террорист всегда противостоит не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе и такой мощной, как государство или даже межгосударственные организации. Для противодействия сложно организованной групповой деятельности людей, естественно, необходима аналогичная организация террористической деятельности. Потому она и приобретает *групповой характер*, налагая соответствующие требования на личность террориста.

Анализ показывает, что террористическая группа представляет собой одну из разновидностей так называемой *промежуточной* группы — понятие, введенное Л. Яблонским на примере исследования более тридцати разнообразных шайк и банд делинквентов в Нью-Йорке. Террористическая группа, как особого типа шайка или банда, относится к «промежуточной группе» потому, что занимает промежуточное место на шкале, заданной двумя полюсами. «На одной крайней точке мы видим высокоорганизованный, сплоченный, функционирующий коллектив лиц как членов социальной группы. На противоположной крайней точке мы имеем сборище лиц, характеризующееся анонимностью, беспорядочным руководством, основывающим свои действия на эмоциях. Те образования, которые не представляют собой ни совершенно сплоченные, интегрированные группы, ни беспор-

рядочные, плохо функционирующие сборища или толпы, соответствуют понятию «промежуточная группа»¹. Такие группы отличаются своей спецификой, среди которой выделяются следующие особенности.

1. Это расплывчатое определение роли, которую играют члены группы. Вопросы самоопределения всегда актуальны и остры для террористов. С одной стороны, они могут квалифицировать себя как «борцов за свободу» или «священных мстителей». С другой стороны, они вполне осознают антиправовой и даже криминальный характер своих действий. Прямое самоопределение как «боевиков» и даже «террористов», «работников террора», по свидетельству Б.Савинкова, принятое в Боевой организации эсеров, является скорее исключением, чем правилом.

2. Ограниченная сплоченность такой группы. В конечном счете террористическая деятельность — временное занятие. Как правило, террористическая группа формируется для выполнения одной, редко нескольких акций. Она не может функционировать постоянно. Несмотря на заверения ряда известных террористов в преданности товарищам, обратим внимание: как правило, речь идет о «товарищах по борьбе», «товарищах по организации». Речь о конкретных «подельниках», соучастниках группового исполнения террористической акции идет редко.

3. Непостоянство состава. Состав группы, действующей в экстремальных условиях, неизбежно часто меняется. Известны многочисленные примеры того, как даже в ходе подготовки одного террористического акта кто-то вольно или невольно выбывал из членов группы, и тогда приходилось срочно находить замену.

4. Непостоянством состава обусловлен фактор текучести членов группы, что ведет к невозможности появления стабильной внутренней структуры отношений между членами группы. Хотя, как уже говорилось, в такой группе всегда есть жесткая структура функциональных обязанностей.

5. С предыдущими факторами связана ограниченность ожиданий в отношении членского состава. «Кадровый резерв» любой террористической группы предельно ограничен, и члены группы прекрасно знают об этом.

6. Минимальная согласованность норм поведения внутри группы. Максимум, что обычно объединяет членов террористической группы, — это достаточно жесткая согласованность функциональных обязанностей и наличие некоторой общей идеи, которая придает смысл террористической деятельности. Все остальное — моральные нормы, нормы общения, личного поведения и т.д. — согласовано на минимальном уровне.

¹ Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа / Социология преступности. — М., 1966.

7. Относительно беспорядочное руководство. В такой группе обычно нет стабильного лидера или тем более формально назначенного руководителя. Как правило, непосредственное руководство осуществляется средними, вполне заурядными лицами, которые не могут обеспечить систематического руководства.

Немногочисленные попытки социально-психологического изучения структуры «промежуточных групп» позволяют выделить три уровня в организации членства. В центре группы на первом уровне находятся психологически наиболее неустойчивые члены группы — вожаки. Это те люди, которым шайка нужна больше всех. Это ядро — главная цементирующая сила таких групп. Именно они удерживают или даже сколачивают группу и заставляют ее действовать, постоянно планируют, замышляют и организуют ее действия. Они служат если не стратегическим (это функция руководства всей организации), то тактическим центром деятельности промежуточной группы. В качестве второго уровня промежуточной группы обычно фигурируют лица, заявляющие о своей принадлежности к группе, однако активно участвующие в ее деятельности только в соответствии со своими эмоциональными потребностями в данное время. На третьем уровне структуры группы находятся периферийные члены, участвующие в ее деятельности от случая к случаю и редко отождествляющие себя с группой. Как правило, это «вспомогательный персонал», «пособники» террористов. Они могут принимать участие в террористическом акте, в основном в результате стечения обстоятельств, причем ни они сами, ни другие члены группы не считают их равноправными членами. Часто террористические группы используют таких людей «втемную», не делиась с ними всей имеющейся информацией и легко «сдавая» их властям в случае опасности для основной группы.

Размеры террористической группы, как правило, определяются руководством всей организации, если группа является ее частью. В тех случаях, когда речь идет о самостоятельных террористических группах, размер зависит от задач конкретной организации и эмоциональных потребностей основных членов группы.

Социально-психологические функции террористической группы, по сути, связаны с мотивацией членства в ней. Как правило, такая группа функционирует в качестве удобного средства для проявления различных индивидуальных потребностей и решения личностных проблем. Для вожаков такая группа выглядит как сверхмощная организация, через которую, в своем воображении, они подчиняют и контролируют жизни тысяч людей. Для членов группы, неспособных достичь чего-либо в более требовательных социальных организациях, возможность быстрого и внезапного насилия служит средством социального продвижения и завоевания репутации. Иногда группа может функционировать в качестве удобного временного средства ухода от скучных и жестких претензий,

предъявляемых к ним трудным и требовательным обществом. Разумеется, это всего лишь некоторые психологические функции, не связанные с ее прямым целевым назначением — совершением террористического акта.

Для террориста весь мир замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Это ограничивают целостность личности, прежде всего накладывая жесткие ограничения на индивидуальность человека и свободу его выбора. «Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям — он принадлежит только Аллаху и своей организации» — говорится в одной из памяток для боевиков исламской террористической организации «Хамаз». Естественно, что все личные мнения, идеи, мысли и соображения человека, вступившего в такую организацию, достаточно быстро отходят далеко на задний план. Вот для чего нужна строжайшая дисциплина. Она необходима прежде всего для того, чтобы не было самостоятельности. Отдавая себя организации, человек отдает и свое сознание целиком во власть идеям организации или даже еще шире, куда более высоким идеям надорганизационного уровня. Например, идеям победы мировой революции или, скажем, в современном варианте, установлению мирового исламского порядка (различие в содержании идей в данном случае не имеет принципиального значения).

Явная психопатология среди террористов — достаточно редкая вещь, и для этого утверждения есть основания. Вместе с тем можно выделить ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь терроризма:

- сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путем проекции с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью;
- недостаточная личностная идентичность, низкие самооценки, элементы расщепления личности;
- сильная потребность в присоединении к группе, то есть в групповой идентификации или принадлежности;
- переживание большой степени социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач;
- социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и потери жизненной перспективы.

При всех нюансах поведение террориста обычно представляет собой некоторую яркую и вполне очевидную разновидность асоциального отклоняющегося (девиантного) поведения. По общей оценке такое поведение в той или иной мере является аномальным и неизбежно включает в себя некоторый патологический компонент. Общепризнанной является констатация того, что тер-

рорист — личность не то чтобы не вполне нормальная, а *акцентуированная*. Это означает, что террорист в целом нормальный человек, однако определенные черты личности у него акцентуированы, то есть выражены необычно сильно, ярко, не вполне «нормально».

Данные отдельных личностно-психологических исследований¹ показывают, что у большинства террористов выражена психопатическая симптоматика. Именно *психопатия* выступает в качестве центрального, стержневого симптома, вокруг которого группировались и другие. Психопатия дополнительно активизируется *гипоманией*. На таком фоне часто отмечается сверхактивность, импульсивность поступков, безответственность, лживость, поверхностность в отношениях с людьми, крайне легкое отношение к морали, частая изменчивость этических оценок, что явно свидетельствовало об их неискренности. Потакая исключительно собственным прихотям и идя навстречу своим желаниям, такие люди могут израсходовать очень много энергии и усилий, но при исполнении своих прямых обязанностей они испытывают явные трудности и стараются переложить ответственность на других. У них отсутствуют привычные для обычных людей контроль и рассудительность. Часто это сочетается со склонностью к чрезмерному употреблению алкоголя, стремлением к бесконечной праздности, назойливостью по отношению к окружающим.

Иногда психопатия у террористов встречается в сочетании со своеобразными особенностями личности. Такие люди производят впечатление чудаков непредсказуемостью своих поступков, импульсивностью, неконформностью. В обычной деятельности и учебе их результаты низкие, адаптивность неустойчивая, поведение неровное. Они склонны к бродяжничеству, к частому общению с асоциальными элементами. Преступления, совершаемые такими лицами, обычно неадекватно жесткие, часто импульсивные, не всегда спланированные, нередко они принимают дикие, необычайно жестокие формы.

Аналитические материалы позволяют вскрыть общий фактор в развитии личности террориста: психологическая ущербность, некий дефицит чего-либо в его жизни, корни которого иногда прослеживаются с самого раннего детства. Такая *дефициарность* психического развития ведет к потребности в гиперкомпенсации дефицита по ходу взросления и достижения зрелости.

Из автобиографий и других описаний известно, что у многих террористов в детстве были убиты родители, родственники. С одной стороны, вследствие этого возникало стремление к мести, с другой — атмосфера эмоционального дефицита, в которой рос будущий террорист.

¹ Ольшевский Д. Психология терроризма. — СПб., 2002.

Ущербность порождается и социально-экономическими факторами: например, низким уровнем жизни людей и связанным с этим желанием «отнять и поделить» — как в рамках одной страны (тогда мы имеем дело с революционным терроризмом), так и во взаимоотношениях между «бедными» (развивающимися) и «богатыми» странами. Дефицит образования и информации также порождает деструктивное, разрушительное отношение к иным культурам, убеждениям и верованиям.

Можно долго анализировать различные сферы, в которых может возникать тот или иной дефицит, приводящий к той или иной ущербности. Это и личные, семейные, и социальные, и экономические, и политические разновидности ущербности. Соответственно, они порождают разные психологические корни террора. Однако есть основной общий фактор, объединяющий разные варианты в единый механизм. Это внутренняя невозможность, неспособность преодолеть эту ущербность. Сама по себе ущербность не страшна — она преодолевается через разные механизмы, в частности, через механизм адекватной, позитивной, конструктивной гиперкомпенсации, при которой дефицит устраняется с использованием средств из той же самой сферы, в которой он возник. Паралитик, перенесший в детстве полиомиелит, способен стать олимпийским чемпионом — для этого только надо непрерывно заниматься спортом. Человек, получающий маленькую зарплату, начинает работать больше, находит вторую работу и т.д. Но ни тот, ни другой не хватаются за пистолет и не устраивают взрывов. Террористами становятся тогда, когда не хватает сил на гиперкомпенсацию дефицита адекватными ему средствами. Тогда гиперкомпенсация становится неадекватной, негативной и деструктивной. Тогда ущербность и оборачивается террором.

«Не вызывающий сомнений факт состоит в том, что в террористы рекрутируются социально дезадаптированные, малоуспешные люди. Они плохо учились в школе и в вузе, они не смогли сделать карьеру, добиться того же, что и их сверстники. Они всегда страдали от одиночества, у них не складывались отношения с представителями противоположного пола. Словом, везде и всегда они были аутсайдерами, нигде — ни в семье, ни на работе, ни в дружеской компании — они не чувствовали себя по-настоящему своими... Другими словами, это люди, которых преследуют неудачи»¹.

Между тем нельзя упрощать ситуацию и проявлять наивность, считая, что террористы — это просто банальные «двоечники», с трудом окончившие среднюю школу и не лишившиеся вовремя невинности.

¹ Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. — Ростов н/Д, 1996.

2.3. Логика, мышление и эмоции террориста

Лидеры одной из террористических организаций учат своих сторонников: «Не надо много размышлять — ведь тебя ведет Аллах, и путь твой — путь истинной веры». Они открыто провозгласили в отношении других народов: «Неверные понимают только один язык — это язык “Калашникова”». Красивые фразы такого рода часто заменяли и до сих пор все еще продолжают заменять очень многим, причем далеко не только исламским террористам, и логику, и собственное мышление. У податливых им людей нет особой необходимости в самостоятельных размышлениях — вместо логики есть вера, вместо мышления — приказ или великие по заложенной в них силе внушения слова «надо!» и «ты должен!».

Логика террористов трудно поддается однозначной интерпретации. Во-первых, она слишком эмоциональна: подчас эмоции в ней занимают большее место, чем логика как таковая. Во-вторых, это искаженная логика с точки зрения чисто формального анализа: из посылок не всегда следуют адекватные выводы. В-третьих, это явно моноидеическая логика: в ней все подчинено террору, и любой вопрос рано или поздно, прямо или «криво», но приходит именно к нему.

Как правило, логика террориста — это логика верующего человека. Он верит в идею, которой служит, верит в саму идею служения, верит, наконец, в свою высочайшую миссию. И здесь ему не нужны рациональные доказательства. Он верит во все это просто потому, что он верит.

Об искаженной логике террористов свидетельствует еще один интересный факт: они практически не могут работать в режиме диалога. Это подтверждается на бытовом уровне — террористы способны либо выслушивать только того, кого они считают для себя авторитетным, либо, напротив, способны на произнесение длительных собственных монологов. Это свидетельствует об *авторитарности* и вместе с тем *ригидности мышления*.

О чем бы террорист ни думал, он все связывает со своей основной деятельностью. Это может происходить совершенно конкретно — террорист думает о любом предмете, насколько он может пригодиться для террористического акта. То же самое может проявляться и совершенно абстрактно: террорист всегда готов рассуждать о тех идеях, ради которых и во имя которых он идет на «террорную работу».

Логика террористов часто носит предельно неконкретный, символический характер. Очевидно, что взрывы небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. были взрывами-символами и взрывами символов мирового господства США. Исходя из этого, многие специалисты считают: терроризм — не столько аморфное выражение социальных перегрузок, сколько

форма негодования, вызываемая крушением надежд и планов людей; он направлен против источников их неудач и служит средством достижения определенных целей. И далеко не последней его задачей является символическое выражение людьми своих намерений. Последнее как раз и говорит об очевидном *символизме* террористической логики. Понятно, что, убивая царя, российские народовольцы символически как бы «убивали» весь монархический строй. Убивая же видных приближенных царя, эсеровские террористы расправлялись с политической системой.

В вопросах, не связанных прямо с террористической деятельностью, логика и мышление террористов определяются общим уровнем их культуры. Как правило, за редкими исключениями, в современном мире общая культура террористов находится на низком уровне.

Понимание логики и особенностей мышления террориста имеет серьезное практическое значение. Так, в частности, известно: вести переговоры можно только с тем, кто понимает тот язык, на котором вы с ним договариваетесь. Если вы мыслите и рассуждаете логически («подожди меня убивать, дай время, я найду то, что нужно, и тебе отдам»), а оппонент не понимает логики, а лишь испытывает эмоции («я тебя все равно убью, причем прямо сейчас!»), такие попытки смысла не имеют. Более того, они опасны: ведь вы думаете, что договорились, а ваш оппонент считает себя свободным от всяких договоренностей.

Террористы — тип людей, у которых рациональные компоненты в поведении и характере почти отсутствуют, а *эмоциональные* преобладают до такой степени, что становятся аффективными. С ними трудно говорить: если что не так, то мгновенно наливаются кровью глаза, а пальцы сжимаются в кулаки и тянутся к железу. Такой человек просто не знает нормативных слов типа «можно» и «нельзя», «возможно» или «невозможно». Его лексикон очень прост: «хочу!», «дай!», «мое!», причем прямо здесь, сейчас, немедленно. В отличие от нормального человека, который одинаково способен понимать «рацио» и переживать «эмоции», не выходя за рамки принятого, террорист не способен на это.

Среди террористов встречаются два крайних варианта. Один, более редкий, — совершенно безэмоциональный. Это люди с абсолютным хладнокровием, не подвластные эмоциям или умеющие их полностью контролировать. Таким выглядел, например, Б. Савинков. В сохранившихся описаниях современников его портретируют очень резкими штрихами: небольшого роста, одет с иголочки; «не улыбается», «веет жестокостью», «сухое каменное лицо», «презрительный взгляд безжалостных глаз».

Другой, все-таки значительно более часто встречающийся среди террористов вариант отличается противоположностью. Для таких террористов характерна очень богатая внутренняя эмоциональ-

ная жизнь. При всей внешней сдержанности, подчеркнутой рациональности, строгости внутри террориста бушуют бурные эмоции. И чем сильнее ограничения, которые накладывает на участника террористическая деятельность, тем сильнее скрытые, подавляемые эмоции террориста. Пресловутое хладнокровие террориста, его «стальные нервы» — результат жестко подавляющего эмоции влияния рациональных компонентов психики. Такое подавление не может быть постоянным. В литературных описаниях мы постоянно встречаем описания сильнейших эмоций, которые охватывают террористов, например сразу после успешного осуществления террористического акта. Они могут безумно радоваться, поздравляя друг друга, или, напротив, плакать и страдать.

Жизнь террориста проходит в постоянных эмоциональных переживаниях. Он живет в эмоциях страха, опасаясь попасть в руки противников. Одновременно он живет эмоциями гнева и презрения к своим противникам и воодушевления от предвосхищения того вреда, который собирается им нанести. Естественно, что такие противоречивые чувства часто сталкиваются между собой, приводя к внутренним эмоциональным конфликтам. Такие конфликты и определяют то тяжелое состояние хронического эмоционального стресса, в котором находится террорист. Для хронического стресса характерны эмоциональная лабильность, легкость почти мгновенного перехода от одного эмоционального состояния к прямо противоположному.

Однако важнейшим, наиболее распространенным эмоциональным состоянием террориста является его постоянная настороженность. Феномен настороженности проявляется в постоянной готовности к отражению угрозы нападения, повышенным уровнем бодрствования и концентрацией внимания на малейших изменениях всех, прежде всего физических, параметров окружающей среды. Даже внешне заметная постоянная подозрительность террориста проявляется в непрерывном делении всех окружающих на «своих» и «чужих». Естественно, что «чужой» априорно идентифицируется с отвратительным и чуждым «образом врага» (реакция враждебного недоверия). Любопытно, что при подтверждении того, что «чужой» — на самом деле «свой», характер отношений резко меняется на массированные проявления доверия и открытости (иногда чрезмерные). Это говорит о резкой поляризации эмоций и об эмоциональной лабильности террориста.

«Слепой» фанатик, осуществляющий жестокий террористический акт на рациональном «автопилоте», не мучается переживанием моральных проблем. Это слепая «машина» для разрушения, не задумывающаяся над нравственными вопросами просто потому, что такие вопросы чужды для такой «машины». Моральные проблемы возникают лишь при наличии определенного интеллектуального уровня. Террористы, действующие по принципу «все во

власти Аллаха, по милости его», не страдают нравственными сомнениями.

Однако относительно развитых в интеллектуальном плане террористов внутренне постоянно волнует вопрос, насколько они правы в своих действиях. В описаниях того же Б. Савинкова, например, этой стороне уделяется значительное внимание. Всякий раз, готовясь к террористическому акту, террористы ищут ему нравственное оправдание.

Исламские террористы верят, что их акции не только спасают их собственные души (подвиг во имя Аллаха), но и помогают душам своих жертв поскорее отправиться в рай. Боевики движения «Хамаз» из специальной памятки своей организации твердо знают: «Аллах простит тебя, если ты исполнишь свой долг и убьешь неверного; в раю Аллах возьмет на себя все твои проблемы».

Обратной стороной моральных проблем является выраженная практически у всех террористов потребность в понимании, необходимость «выговориться» перед другими людьми (обычно перед «своими», но иногда и перед чужими, включая следователей). Однако серьезные моральные проблемы присущи только лишь «идейным» террористам, причем с достаточно высоким уровнем образования и интеллектуального развития, способным к сознательной рефлексии своей деятельности. Для всех остальных типов террористов значительно более характерно наличие совершенно иной психологии, прежде всего — дорефлексивных, сравнительно примитивных «синдромов» вместо каких-либо сложных моральных проблем. Приведем в качестве примера современного терроризма слова женщин, осужденных за взрыв вокзала в Пятигорске. На судебном процессе эти женщины показали, что целью взрыва для его заказчика было «посеять панику, а число жертв его не волновало».

В литературе имеются психологические описания особенностей личности террористов с так называемыми синдромами «Зомби» и «Рембо». «Синдром Зомби» проявляется в постоянной, причем не нарочитой, а совершенно естественной сверхбоеготовности (сверхготовности к отражению нападения), враждебности с тотальным образом врага, паранойяльной постоянной устремленности к наиболее сложно организованному боевым действиям. В жизни это — своего рода «синдром бойца», постоянно нуждающегося в самоутверждении и подтверждении своей состоятельности.

Люди с «синдромом Зомби» постоянно живут «на войне» (иногда их образно называют «псами войны»). Даже когда нет боевых действий, они всячески избегают ситуаций мира и покоя, ищут и охотно сами создают обстановку боевого конфликта. Оружие — их любимая игрушка, которой они владеют блестяще. Такие люди быстро и легко формируют для себя образ врага. В преследовании

врага они неутомимы, беспощадны и холодно-жестоки. В боевой ситуации они чувствуют себя как рыба в воде, как бы совершенно неуязвимыми. Такое самоощущение небезосновательно: боевых потерь среди таких лиц практически никогда не бывает, редкие же все-таки случающиеся потери обычно связаны либо с форс-мажорными обстоятельствами, либо с грубыми нарушениями ими своих собственных правил нахождения в состоянии постоянной сверхбоеготовности. Террористы из движения «Хамаз» знают: «Борьба — это постоянное напряжение всех сил. Расслабиться воин Аллаха сможет только в раю».

Прекрасная физическая и боевая подготовка, достижению и поддержанию которой подчинена вся их жизнь, обычно позволяет таким людям практически неограниченно переносить тяготы военного дискомфорта. Более того, они настолько привыкают к таким тяготам, что считают их естественными.

Соответственно такая физическая подготовка часто парадоксально сочетается с их беспомощностью в простых житейских ситуациях. В частности, известны трудности «Зомби» в общении с противоположным полом: иногда в этих отношениях у них внезапно может быстро развиться заметная регрессия на уровне поведения 10—12-летнего ребенка. Однако их растерянность вместе с проявлениями сверхдоверчивости и сверхоткрытости по отношению к «своим» может столь же внезапно сменяться внешне также немотивированной и заранее непредсказуемой агрессивной враждебностью. Это часто заставляет окружающих как бы «ощущать» устрашающую ауру их деструктивной «запрограммированности».

Для людей с «синдромом Зомби» обычно характерно не атлетическое, а, напротив, диспластическое и(или) даже астеническое телосложение, однако многолетний опыт усиленных спортивных тренировок делает их гиперкомпенсированными атлетами. На лице у них нередко наблюдается парамимия. Их специфическая «звериная» пластика может внезапно (особенно при общении с лицами противоположного пола) сменяться крайней степенью моторной неловкости. В мирное время, в стабильной обстановке они испытывают заметные трудности в поиске сексуальных партнеров — возможно, в связи с их ранимостью и повышенной чувствительностью во внебоевых ситуациях. В межличностном общении их отличает очень узкий круг эмоционально насыщенных привязанностей. В мирных ситуациях у «Зомби» на первый план выходят проявления эмоциональной дисгармонии, причем «в ее структуре парадоксальность, холодность, сензитивность, брутальность и символический неологизм, характерные для шизотима, часто сочетаются с взрывчатостью, вязкостью, замедленностью и метафорической олигофазией, характерными для эпилептотима, то есть формируется двойственная, шизоэпилептоидная консти-

туция. Эта дисгармония может находить (и находит) выход в противоправных действиях»¹.

Люди с заметным «синдромом Зомби» — идеальные солдаты, у которых постоянная агрессивная враждебность выступает как механизм своеобразной адаптации к внешним условиям. Они всегда «на войне», обстановка боевого столкновения — их естественная «среда обитания». В террористических организациях «Зомби» — идеальные боевики-исполнители.

Термин «*синдром Рэмбо*» возник и распространился сразу после известного фильма об американском ветеране войны во Вьетнаме, вернувшемся домой, но не сумевшем найти себя в мирной жизни и как бы поневоле ставшем террористом. Фильм о боевике Рэмбо создал удачный образ, а его имя вскоре стало нарицательным. Специалисты по исследованию поведения людей в чрезвычайных ситуациях считают, что «синдром Рэмбо» — это своего рода предельное выражение, результат долгосрочного формирования вполне устойчивой невротической структуры личности, раздираемой непреодолимым интрапсихическим конфликтом между стремлением к острым ощущениям и переживанием тревоги, вины и отвращения за свое участие в них. «Ключевой характеристикой этой структуры служит либо сознание “миссии”, добровольно возложенных на себя тяжелых, но благородных альтруистических обязанностей, позволяющих реализовать агрессивные побуждения без самоупрека во враждебности, либо сознание принадлежности к “корпорации”, профессиональных обязанностей, позволяющих рисковать жизнью и здоровьем без самоупрека в аутоагрессивности»².

Миссионерство — основной психологический стержень человека с «синдромом Рэмбо». Он не может (хотя и умеет) убивать «просто так» — он обязательно должен делать это во имя чего-то высокого. Поэтому ему приходится все время искать и находить те или эти, все более сложные и рискованные «миссии».

Люди с «синдромом Рэмбо» всегда испытывают большие трудности адаптации к спокойной, рутинной деятельности, часто переживают ощущение скуки и своей несостоятельности в обыденной жизни. Они постоянно стремятся к тому, чтобы «взвинтить» ситуацию, других людей и самого себя, часто искусственно создавая сложности, которые необходимо «героически преодолевать». Тем самым они постоянно стремятся оказаться в суперэкстремальной обстановке, в очаге какой-нибудь чрезвычайной ситуации. Важнейшими и наиболее значимыми для них характеристиками экстремальной ситуации являются «близкое по духу окружение» и

¹ Пуховский Н. Я. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. — М., 2000.

² Там же.

«наличие правил игры». Важным для них является и «отвечать добром на зло», не отступать ни перед какой угрозой при выполнении того, что они сами считают «благородной миссией». Поэтому люди с выраженным «синдромом Рэмбо» всегда добровольцы. Они склонны к самоограничению, обычно безотказны и болезненно совестливы, даже альтруистичны по отношению к «своим»; временами они бывают просто откровенно навязчивыми — прежде всего с частыми предложениями своей помощи.

Террорист с «синдромом Рэмбо» — это человек, стремящийся к ужасу и сеющий ужас во имя «высокой» цели, однако делающий это не потому, что ему дорога та или иная цель, а всего лишь потому, что по-другому он просто не умеет жить.

2.4. Террористы-смертники

К основным психологическим характеристикам террористов-смертников прежде всего относится постоянная готовность к самопожертвованию. Террорист-смертник, по тем или иным причинам, счастлив возможности отдать свою жизнь и унести с собой на тот свет как можно большее число врагов. Для этого необходимо психологически преодолеть собственный страх смерти. Именно это и происходит под влиянием тех или иных причин — психологических факторов, обладающих огромной суггестивной силой. Такими факторами могут быть некоторые идеи (например, идея патриотизма), сильные чувства (ненависть к врагу), эмоциональные состояния (так называемый кураж). Наиболее ярким в психологическом плане является комплекс состояний, испытываемый исламскими смертниками — шахэдами. «Синдром шахэда» — это особая исламская разновидность террористов-смертников, наиболее актуальная именно для современного мира. Движение «Хамаз» учит своих боевиков: «Аллах велик, ты — острое его меча. Смерть за Аллаха — дорога в рай». Психология шахэда основана на вере в религиозную идею святости «муджахетдина», «воина Аллаха», без раздумий отдающего свою жизнь во имя Бога и вознаграждаемого за это прямо-таки немедленным попаданием в рай, где его ожидают невероятные по комфортности условия пребывания.

Из сказанного следует, что «комплекс камикадзе-шахэда» включает в себя как *когнитивные* компоненты (идеи, связанные с конкретным представлением о вознаграждении за верность этой идее), так и компоненты *эмоциональные*. Вера в такую идею, как и вера вообще, представляет собой эмоциональное, а не рациональное состояние. Значит, это некоторые знания (не важно, истинные или ложные), соединенные с абсолютно незыблемой верой в них.

«Бессмысленное поведение, противоречащее элементарному инстинкту самосохранения, устраивает главарей террористов. Они всячески поддерживают веру в то, что смерть фанатика-самоубийцы очищает его от всех грехов и направляет напрямик в рай. Разумеется, душманский вариант камикадзе не так прост. Считается, что смерть не обязательно настигнет “шахэда” — вера и готовность к смерти могут защитить его, дать возможность совершить подвиг. Вера в эту догму очень сильна. Зарегистрированы случаи, когда все тело бандитов оказывалось испещренным изречениями из Корана, дабы, как им внушали, пуля не могла пробить его. Попав в плен, они всерьез убеждали, что пуля на них не действует. По сути, это пример религиозно-патологического извращения психики. Известно немало случаев, когда смертникам для их успокоения раздают “освященные Кораном” патроны, гранаты, камни, имеющие, дескать, “сверхъестественную силу” — в безвыходном положении они могут “уничтожить всех неверных и спасти воина Аллаха”»¹.

Важно обратить внимание на то, что готовность к собственной смерти всегда считалась крайне важным достоинством в среде террористов любых стран, народов и вероисповеданий.

Сужение всего мира до масштабов одной организации — еще одна существенная психологическая черта террориста-смертника. В патопсихологии давно известен синдром «*туннельного зрения*»: пребывая во власти сверхценной идеи, человек стремится к ней, не замечая ничего вокруг. Он видит только свой «свет в конце туннеля», игнорируя окружающий мир. Отсюда и явная интравертированность большинства террористов, их частое желание «общаться с вечностью», «посвятить свою жизнь будущему», вера в «*грядущие поколения*» при недооценке современников.

Желание умереть ради того, чтобы отнять жизнь у другого, — вот основной мотив террориста-смертника. Причем наибольшее удовлетворение приносит такому человеку не вторая часть, а именно первая, то есть готовность к самопожертвованию и предвосхищение грядущего удовольствия от такого самопожертвования.

Террор может принести террористу парадоксальное удовольствие через его собственные страдания и, возможно, через саму смерть. Один из эсеровских террористов так писал товарищам из тюрьмы: «Моя драма закончилась. Не знаю, до конца ли верно играл я свою роль, за доверие, которое мне оказано, приношу вам мою величайшую благодарность. Вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире не сравнимо. Это удовлетворение заглушало во мне страдания,

¹ *Ольшанский Д. В.* Афганистан на рубеже национального примирения: борьба за расширение социальной базы революционной власти (Политико-психологический и страноведческий очерк) // Ислам и политика. — Вып. 5. — М., 1988.

которые пришлось перенести мне после взрыва. Едва я пришел в себя после операции, я облегченно вздохнул. Наконец-то все кончено. Я готов был петь и кричать от восторга».

Однако для того чтобы «петь и кричать от восторга», террористу прежде всего приходится преодолеть собственный, естественный для всякого человека страх смерти.

Идеологи террористического движения «Хамаз» внушают своим боевикам простую логику: «Боишься — не делай, делаешь — не бойся». Основной акцент ставится на чисто «деятельностное» преодоление негативных переживаний, в частности страха.

В общем виде психология давно знает принципы преодоления страха смерти. Э.Фромм писал: «Есть только один способ — как учат Будда, Иисус, стоики и Майстер Экхарт — действительно преодолеть страх смерти — это *не цепляться за жизнь, не относиться к жизни как к собственности*. Страх смерти — это, в сущности, не совсем то, и что нам кажется, это не страх, что жизнь прекратится. Как говорил Эпикур, смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо “когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет” (Диоген Лаэртий). Можно, конечно, бояться страданий и боли, которые, бывает, предшествуют смерти, но этот страх отличен от страха смерти. Хотя в таком случае страх смерти мог бы показаться иррациональным, дело обстоит иначе, если относиться к жизни как к собственности. И тогда этот страх перестает быть страхом смерти, это — страх *потерять то, что я имею*: свое тело, свое “я”, свою собственность и свою идентичность; это страх “потерять себя”, столкнуться с бездной, имя которой — небытие».

Многочисленные описания говорят, что террористы боятся не самой смерти, а связанных с ней обстоятельств: ранений, беспомощности, вероятности попадания в руки властей, пыток, издевательств и т. д. Вот почему террористы скорее готовы к самоубийству, чем к самосохранению. Поскольку реально они присваивают себе право распоряжаться чужими жизнями (жизнями своих жертв), то естественно, что право на распоряжение собственной жизнью подразумевается автоматически. Очевидно, что это — следствие отношения к жизни как к собственности. Преодоление чувства собственности — условие преодоления страха смерти.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Охарактеризуйте психологические особенности террористов.
2. Каковы основные мотивы террористической деятельности?
3. Приведите типичные черты личности террориста.
4. Что представляет собой террористическая группа?

ГЛАВА 3
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ,
СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ
АКТЫ (СТИХИЙНОЕ МАССОВОЕ
ПОВЕДЕНИЕ)¹**

**3.1. Поведение больших масс людей (толпы)
в экстремальных условиях**

Толпа — скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием.

При этом общей считается такая цель, достижение которой каждым из участников зависит от достижения ее другими участниками. Наличие такой цели создает предпосылку для взаимодействия. Если цель каждого достигается вне зависимости от достижения или недостижения ее остальными, то взаимодействие отсутствует, или оно минимально. Наконец, если зависимость достижения одной и той же цели субъектами отрицательна, складывается предпосылка для конфликта.

В толпе цели людей всегда одинаковые, но обычно они не бывают сознательно общими, а при их пересечении возникает острейшее отрицательное взаимодействие. Например, при массовой панике каждый страстно желает спастись, в стяжательной толпе каждый стремится что-то добыть, и все друг для друга являются помехой.

Выявлены два основных механизма образования толпы: *слухи* и *эмоциональное кружение* (синоним — *циркулярная реакция*).

Циркулярная реакция по А. П. Назаретяну — это взаимное заражение, то есть передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне контакта между организмами.

Эмоциональное кружение стирает индивидуальные различия. Ситуативно снижается роль личностного опыта, индивидуальной и ролевой идентификации, здравого смысла. Индивид чувствует и поведенчески реагирует «как все». Происходит *эволюционная регрессия*: актуализуются низшие, филогенетически более примитивные пласты психики.

Регрессия способна подчас достигать невероятных глубин. Например, в книге французских историков «Революционный невроз» приведены документальные свидетельства случая, когда толпа

¹ При разработке раздела использованы материалы А. П. Назаретяна, 2005 г.

озверевших бунтовщиков, растерзав тело ненавистного царедворца, съела (или сожрала?) его куски.

«Сознательная личность исчезает, — писал по этому поводу Г. Лебон, — причем чувства всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление». Поэтому «в толпе может происходить только накопление глупости, а не ума» (цит. по: Фрейд, 1969). То же наблюдение можно встретить в трудах других исследователей. «Похоже, достаточно оказаться вместе большой массе, огромному множеству людей для того, чтобы все моральные достижения составляющих их индивидов тотчас рассеялись, а на их месте остались лишь самые примитивные, самые древние, самые грубые психологические установки», — отмечал З. Фрейд (Фрейд, 1969).

У человека, охваченного эмоциональным кружением, повышается восприимчивость к импульсам, источник которых находится внутри толпы и резонирует с доминирующим состоянием, и одновременно снижается восприимчивость к импульсам извне. Соответственно усиливаются барьеры против всякого рационального довода. Поэтому в такой момент попытка воздействовать на массу логическими аргументами может оказаться несвоевременной и просто опасной.

Циркулярная реакция, как всякий социальный и психологический феномен, не является однозначно негативным фактором. Она сопровождает любое массовое мероприятие. В жизнедеятельности первобытных племен процессы взаимного заражения перед сражением или охотой выполняли важнейшую роль. До тех пор пока эмоциональное кружение остается в рамках определенной, оптимальной для каждого конкретного случая меры, оно служит сплочению и мобилизации и способствует усилению интегральной эффективности группы. Но превысив оптимальную меру, этот фактор оборачивается противоположными эффектами. Группа вырождается в толпу, которая становится все менее управляемой при помощи нормативных механизмов и вместе с тем все легче подверженной иррациональным манипуляциям.

Вероятность возникновения циркулярной реакции возрастает в периоды социальной напряженности. Логично было бы полагать, что напряженность, в свою очередь, возникает тогда, когда обстановка объективно становится очень плохой. Однако исследования историков и психологов показывают, что это не всегда так и даже чаще всего не так.

Еще великий французский ученый XIX в. А. де Токвиль указывал на то, что революционному кризису обычно предшествует длительный период повышения экономических и политических показателей (объем политических свобод, доступ к информации, перспектива вертикальной мобильности и т.д.). Например, уровень жизни французских крестьян и ремесленников перед нача-

лом Великой французской революции был самым высоким в Европе; к началу антиколониальной революции в Северной Америке это были самые богатые и хорошо управляемые колонии мира и т.д.

Параллельно росту возможностей растут потребности и ожидания людей. В какой-то момент рост объективных показателей сменяется их относительным снижением (очень часто — вследствие неудачной войны, затеянной правителями, которые также поддались общей эйфории). На фоне ожиданий, продолжающих по инерции расти, это оборачивается массовой фрустрацией, а та, в свою очередь, агрессивными и (или) паническими настроениями. Пока люди живут стабильно плохо (с точки зрения внешнего наблюдателя), они не испытывают болезненной неудовлетворенности, и вероятность внутренних взрывов минимальна. Опасность появляется там, где есть растущие ожидания.

3.2. Виды толпы

Большое количество наблюдений и специальных исследований позволило выделить четыре основных вида толпы с соответствующими подвидами.

Окказиональная толпа (от англ. *occasion* — случайность) — скопление людей, собравшихся поглазеть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная из ситуаций стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку, будь он горожанином или жителем села.

По данным исследований, склонность к образованию окказиональных толп зависит не только от текущей социально-политической ситуации, но и от целого ряда исторических факторов, среди которых — степень укорененности урбанистической культуры.

С развитием урбанистической культуры изменяются ценности и нормы поведения, люди становятся заикленными на индивидуальных проблемах, менее отзывчивыми и вместе с тем менее навязчивыми.

Конвенциональная толпа (от англ. *convention* — условность) собирается по поводу заранее объявленного события: боксерский или футбольный матч, митинг, концерт рок-группы и т.д. Здесь уже преобладает направленный интерес, и люди до поры (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать определенным условностям (конвенциям).

Не следует путать конвенциональную толпу с *публикой*, собравшейся в драматическом, оперном театре, в консерватории и т.п.

Экспрессивная толпа (от англ. *expression* — выражение) — толпа, ритмически выражающая ту или иную эмоцию: радость, эн-

тузиазм, возмущение и т. д. Спектр эмоциональных доминант здесь очень широк, а главная отличительная черта — ритмичность выражения.

Речь идет о людях, скандирующих лозунг на митинге или манифестации, громко поддерживающих любимую команду или клеймящих судью на стадионе, танцующих на карнавале и т. д. В ряде случаев процесс ритмического выражения эмоций может принять особенно интенсивную форму, и тогда возникает особый феномен массового экстаза.

Экстатическая толпа (от англ. *ecstasy* — экстаз) — экстремальная форма экспрессивной толпы. В экстазе люди самозабвенно истязают себя цепями, доводят себя до невменяемости под нарастающий ритм неистового моления в секте трясун или в танце на бразильском карнавале, рвут на себе одежду в ритме рока...

Действующая (active) толпа — политически наиболее значимый и опасный вид стихийного поведения. В ее рамках, в свою очередь, можно выделить несколько подвидов.

Агрессивная (aggressive) толпа, эмоциональная доминанта которой (ярость, злоба), равно как и направленность действий, прозрачно выражены в названии.

Паническая (panic; saving) толпа объята ужасом, стремлением каждого избежать реальной или воображаемой опасности. Паническое поведение не только не является обычно спасительным, но и очень часто становится более опасным фактором, нежели то событие, которое непосредственно ее спровоцировало.

Стяжательная (greedy) толпа — люди, вступившие в неорганизованный конфликт за обладание некоторой ценностью. Этот термин в отличие от предыдущих требует пояснений. Доминирующей эмоцией здесь обычно становится жадность, жажда обладания, к которой иногда примешивается страх.

Очень яркое описание стяжательной толпы привел итальянский писатель Р. Джованьоли в романе «Мессалина» со ссылкой на древнеримские источники. В эпизоде знаменитый тиран Калигула бросает мелкие монеты в толпу, стремясь спровоцировать плебеев на восторженно-самоубийственную бойню и садистски насладиться жестоким зрелищем.

Однако слово «стяжательная» (жадная) не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, которым доставили продовольствие, но не организовали четкое распределение. Или толпа жителей отдаленного района, которые утром спешат на работу при недостаточном обеспечении автобусного маршрута машинами. Или потенциальных пассажиров отъезжающей электрички, в которой всем явно не хватит мест, и т. д.

Повстанческая (rebellious) толпа по ряду признаков сходна с агрессивной (преобладает чувство злости), но отличается от нее социально справедливым характером возмущения. Это требует

пояснений, поскольку понятие «социальная справедливость» выглядит здесь произвольным и не укладывающимся в операционную схему. В действительности дифференциация повстанческой и агрессивной толпы столь же функционально полезна, как дифференциация конвенциональной толпы и публики.

3.3. Основное свойство толпы

Приведенная классификация видов толпы весьма условна. В практическом плане наиболее важное свойство толпы — *превращаемость*, коль скоро толпа образовалась, она способна сравнительно легко превращаться из одного вида (подвида) в другой.

Превращения могут происходить спонтанно, то есть без чьего-либо сознательного намерения, но могут быть спровоцированы умышленно. На использовании свойства превращаемости и строятся, по большей части, приемы *манипуляции* толпой с теми или иными целями.

18 мая 1896 г., в день коронации Николая II, на Ходынском поле собралось более 500 000 человек, что значительно превысило вместимость площади. Устроители же народного гуляния не удосужились принять подобающие меры по предотвращению давки.

Люди были празднично настроены; их побудили прийти к назначенному месту не только желание приобщиться к знаменательному событию и участвовать в общем веселье, но и надежда на получение царских подарков. И всего-то раздавали по пакету пряников и по кружке с вензелем. Но толпа есть толпа, в ней все чувства обострены, и слово «дармовщина» звучит для нее с особенной притягательностью. Чей-то крик: «Подарков всем не хватит!» — стал сигналом к превращению толпы из конвенциональной в стяжательную.

Вскоре усилившаяся давка заставила почувствовать неладное. Кто-то попытался остановить опасный процесс, запев «Спаси, Господи, люди твоя». Песня была подхвачена, но, вероятно, ее ритм оказался не вполне адекватен ситуации (см. далее). Во всяком случае, коллективное пение лишь на время замедлило давление, продолжавшее по инерции усиливаться. Обезумевшие от страха люди топтали попадавших под ноги, теряли сознание и гибли в тесноте.

Только по официальным данным в панике погибли 1389 человек и 1300 получили увечья. Современники называли и гораздо большие числа.

В марте 1953 г., в день похорон И. В. Сталина, пряников не раздавали. На сей раз мотивом смертоносной давки послужило страстное стремление лицезреть скончавшегося кумира. Однако схема развития событий оказалась аналогичной.

Ниже рассмотрим механизмы психологии толпы.

Заражение как механизм психологии массы. Исторически первичным и главным психологическим механизмом, действующим в массе, всегда считалось заражение. Еще Г. Лебон писал: «Заражаемость есть легко констатируемый, но необъяснимый феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода... В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом в пользу интересов общего. Это — вполне противоположное его натуре свойство, на которое человек способен лишь в качестве составной части массы» (цит. по: Фрейд, 1969).

В современной социальной психологии под заражением понимается процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому, протекающий на психофизиологическом уровне контакта помимо собственно смыслового воздействия дополнительно к нему. Заражение может обладать различной степенью произвольности. При наличии обратной связи заражение способно нарастать в силу взаимной индукции, приобретая вид особой циркулярной реакции. «Такая реакция сопутствует эффективным массовым акциям, публичному восприятию ораторских выступлений, произведений искусства и т.д. и служит дополнительным сплачивающим фактором, пока не превысит некоторой оптимальной интенсивности. Однако вышедшее из-под контроля обоюдное заражение приводит к распаду формальных и неформальных нормативно-ролевых структур и вырождению организованно взаимодействующей группы в ту или иную разновидность толпы» (цит. по: Психология. Словарь, 1990).

Подражание как следствие заражения. Если говорить о принципиальных различиях между подражанием и заражением, то они вполне очевидны на уровне здравого смысла. Если один субъект (индивид, масса) заражает, то другой субъект (индивид) заражается и в результате начинает подражать тому, кто его заражал. Таким образом, заражение и подражание соотносятся как активная причина и пассивное следствие.

Подчеркнем исключительно пассивную, в данной трактовке, сущность феномена подражания. По своей сути подражание в целом всегда является подражанием действию, поступку, мимике и пантомимике, одежде, и лишь в качестве частного подражательного акта выступает речеподражание — будь то подражание совсем произвольное или же осуществляемое под контролем сознания. Круг явлений подражания в жизни людей невероятно широк.

Таким образом, в основе феномена подражания лежат несколько факторов, определяющих наличие ряда его разновидностей. В первых, простая имитация наблюдается в экстремальных ситуа-

циях, когда сознание «отключается», либо по причине дефицита времени для осмысления ситуации и для принятия собственного решения, либо же по причине действия автоматизированных физических реакций. Во-вторых, обыденное подражание часто наблюдается как результат действия повышенной «экономичности» сознания в бытовых, повседневных ситуациях. В-третьих, особое, как бы «уважительное» подражание достаточно очевидно в ситуациях повышенной значимости того, кому подражают. В-четвертых, принижающее себя подражание является следствием ощущения недостаточности собственного опыта или неуверенности в своих силах в тех или иных ситуациях, в ситуации заниженной самооценки. Наконец, в-пятых, достаточно расчетливое (хотя и необязательно осознанное) подражание вполне может быть связано с совпадением потребностей, интересов и целей подражающего с аналогичными характеристиками тех, кому он подражает. В определенных ситуациях у человека появляется особая потребность пребывания в массе ради регуляции своих эмоциональных состояний. В таких случаях именно разделение эмоций, сопереживание сходных эмоциональных состояний может восприниматься как подражание.

В толпе происходит совпадение: там всегда есть заражающие, и туда, как правило, как раз и тянутся готовые подражать. Не будет такого совпадения — не будет и толпы.

Внушение как следствие заражения. В отличие от как бы само собой происходящего заражения жестами, движениями и другими невербальными формами поведения, внушение осуществляется почти только через посредство речи, то есть его механизмом является слово. Внушение, таким образом, специфично только для человека. Соответственно, на основе этого Б. Ф. Поршнев и рассматривал феномен внушения как «словесное заражение» — естественно, основанное на более сложных психологических механизмах.

«Суть внушения состоит в том, что если налицо полное и безоговорочное доверие... то человеческие слова у слушающего вызывают с полной необходимостью те самые представления, образы и ощущения, какие имеет в виду говорящий; а полная ясность и безоговорочность этих вызванных представлений с той же необходимостью требует действий, как будто эти представления были получены прямым наблюдением и познанием, а не посредством другого лица» (Поршнев, 1966). Из сказанного очевидно, что для успешного внушения нужен высокий уровень контакта между внушающим и внушаемым. Всякий говорящий внушает, но далеко не всякое словесное внушение воспринимается как таковое — в подавляющем большинстве случаев присутствует встречная психическая активность, то есть критическое отношение к самому говорящему или к его словам, сопоставление их с чем-то еще. Как

правило, это сопоставление с собственным опытом или, что еще важнее, с актуальным собственным состоянием, со своей готовностью или неготовностью поддаться внушению. Эффективность внушения значительно усиливается в массе, когда человек не предоставлен самому себе, своему опыту или способности к размышлению.

В современной психологии под внушением понимаются «различные способы вербального и невербального эмоционально окрашенного воздействия на человека с целью создания у него определенного состояния или побуждения к определенным действиям. Путем внушения могут быть вызваны ощущения, представления, эмоциональные состояния, волевые побуждения... В основе процесса внушения лежит ослабление действия сознательного контроля, осуществляемого в отношении воспринимаемой информации... Эффект внушения может возникать как следствие эмоционального заражения (например, массовые внушения в ходе паники) или в процессе ненаправленного воздействия средствами рекламы, пропаганды и т. п.» (Психологический словарь, 1983).

Успешность внушения связана с внушаемостью, как и успешность заражения связана с готовностью к подражанию. Более того, совпадают практически все факторы, как лежащие в основе внушения, так и определяющие эффективность некритического внушения. Совпадает и общий вывод: главный фактор — это авторитет внушающего в глазах внушаемого. Он складывается из двух составляющих: уверенности внушающего в успехе своего воздействия и готовности внушаемого поддаться воздействию, то есть его доверию и отсутствию каких-либо настораживающих но. Выделим, на наш взгляд, самое главное — *готовность* внушаемого поддаться воздействию; «в конечном счете внушать людям можно только то, что в общем соответствует направлению их потребностей и интересов, их убеждений и воли...» (Поршнеv, 1966).

3.4. Масса и ее вожаки

Особенности поведения массы и, в частности, ее влияния на входящих в нее индивидов зависят от индивидуальности лидеров, их типов и от их психологических качеств. Это, безусловно, люди особого склада, убежденные в том, что они ведут людей к новой вере. Г. Лебон именовал их «апостолами». «Нет надобности, чтобы число этих апостолов было очень велико для выполнения их задачи. Надо вспомнить, какое небольшое число ревнителей было достаточно для возбуждения столь крупного движения, как крестовые походы, — событие, быть может, более чудесное, чем насаждение какой-либо религии, так как миллионы людей были дове-

дены до того, что бросили все, чтобы устремиться на Восток, и возобновляли не раз это движение, несмотря на самые крупные неудачи и жесточайшие лишения» (здесь и далее цит. по: Фрейд, 1969).

Г. Тард полагал, что масса сама находит себе лидеров, выталкивая их из себя, но большее распространение получили взгляды Г. Лебона. Он описывал четыре основных типа таких «вожаков». Первый тип — это убежденные проповедники, апостолы неких верований (религиозных, социальных или сугубо политических, типа отдельно анализировавшегося Г. Лебоном социализма). Такие лидеры — прообраз толпы. Они как бы несут в себе все ее основные свойства.

«Загипнотизированные поработившей их верою, они готовы на все жертвы для ее распространения и кончают даже тем, что исключительно целью своей жизни ставят воцарение этой веры. Эти люди находятся как в полубреду, изучение их требует исследования их умственного состояния, но, несмотря на это, они всегда играли в истории громадную роль». Такой «апостол всегда представляет собой религиозно настроенный ум, одержимый желанием распространить свое верование; но вместе с тем и прежде всего это ум простой, совершенно не поддающийся влиянию доводов разума. Его логика — элементарна. Законы и всякие разъяснения совершенно недоступны его пониманию». Его психика — это персоналифицированная психология всей массы. Г. Лебон особо подчеркивал внешнюю «простодушную наивность» этих людей. Ничто их не затрудняет. Для них ничего нет легче, например, чем перестроить общество. «Поддаваясь все более и более гипнозу двух или трех непрестанно повторяемых формул, проповедник-социалист чувствует жгучую потребность распространять свою веру...»

В структуре поведения этого типа личности особенно выделяется жажда разрушения: «По-видимому, почти во все времена имел силу общий психологический закон, по которому нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить».

Второй тип лидеров массы — это фанатики одной идеи. Г. Лебон описывал их так: «Повседневно встречаются очень умные люди, даже выдающиеся, теряющие способность рассуждать, когда дело касается некоторых вопросов. Увлеченные тогда своей политической или религиозной страстью, они обнаруживают изумительное непонимание и нетерпимость. Это случайные фанатики, фанатизм которых становится опасным лишь тогда, когда его раздражают». В обычное время это вполне нормальные с виду люди. Однако при возникновении соответствующих обязательств (возникновение массы, появление «апостола» и т. п.) в них просыпается дремлющая фанатичная сущность. И тогда это самые верные и надежные «помощники апостолов», их приспешники и ближай-

шие подручные, часто движимые особой яростью и даже вполне отчетливой манией преследования.

Третий тип лидеров массы, по Г. Лебону, «принадлежит к обширной семье дегенератов. Занимая благодаря своим наследственным порокам, физическим или умственным, низкие социальные положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому они не могут приспособиться вследствие своей неизлечимой неспособности и наследственной болезненности. Они — естественные защитники доктрин, которые обещают им и лучшую будущность, и как бы возрождение». У данного типа мало фанатизма, нет увлечения одной идеей и даже особой стойкости веры. Тут все решает личная заинтересованность. По сути, это лица с сильнейшим комплексом неполноценности, стремящиеся гиперкомпенсировать его с помощью той самой толпы, которую они хотят возглавить. Это мстительные и достаточно меркантильные (разумеется, в меру сохранности своего интеллекта) неудачники, аутсайдеры социального устройства.

Наконец, четвертый тип лидеров массы, обычно приходящий на смену предыдущим «вожакам» и овладевающий массой после того, как фанатики ее сформировали и основательно «разогрели», — обычный тиран или диктатор. Это лидер, подбирающий власть и пользующийся плодами того, что уже сделала для него возглавлявшаяся другими толпа. Он может сочетать в себе некоторые черты предшествующих «проповедников», но не это главное. Он умеет заставить массу полюбить себя и возбудить боязнь к себе.

По мнению З. Фрейда, это и есть прообраз «идеального отца». Масса «уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Хотя потребность массы идет вождю навстречу, он все же должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой в идею, чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, которую переймет от него безвольная масса» (Фрейд, 1969). Данные характеристики во многом совпадают с характеристиками того «праотца», которому поклонялась первобытная орда. Однако обратим внимание, что даже З. Фрейд не ставил появление такого лидера в фатальную зависимость от потребностей массы. Все-таки их появление связывалось с определенными историческими периодами и, следовательно, объяснялось некоторыми объективными причинами.

Анализируя происходившее в России в начале XX в., Н. А. Бердяев отмечал, что в России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц. У людей этого типа иная поступь,

инные жесты. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной.

Однако только к концу XX столетия стало понятно: «Большевики открыли истину, секрет которой заключался в весьма простых посылках: масса требует не идей, а лозунгов, не логики, а обещаний, не призывов к размышлениям, а угадывания ее настроения. Тогда она превращается из аморфной массы в разрушительную материальную силу. И XX век использовал искренность в качестве способа достижения цели, превратившись в самое неискреннее столетие. Отпала необходимость в проповедниках и правдолюбцах — их место заняли троцки, муссолини, гитлеры. Кумиры и вожди масс, способные истерической неистовостью управлять настроением множества людей, доводя их до искренней жажды разрушения» (Васильев, 1991). В свое время подобные выводы производили впечатление тенденциозности и ангажированности их авторов. Однако если внимательно припомнить, например, хотя бы многократно описанный фанатизм поведения А. Гитлера, известный из мемуаров современников моноидеизм В. И. Ленина или природную ущербность, сухорукость и лицо в оспинах И. В. Сталина, то многое представляется достаточно убедительным.

Фундаментальным политико-психологическим фактом является то, что всякий раз в истории во главе масс стояли особого типа лидеры — не обычные, а во многом аномальные индивиды. Подчеркнем, что практически все они, за единичными исключениями, были лидерами именно масс. Исчезала или реструктурировалась масса — исчезали, уходили в социально-политическое небытие эти лидеры. В свою очередь, если что-то случалось, очень быстро растворялась или видоизменялась ведомая ими масса.

3.5. Влияние толпы на психику человека

В научной литературе специфика проявлений психики человека, попавшего под влияние толпы, объяснялась различными причинами. Основатели психологии толпы Г. Лебон, Г. Тард, В. М. Бехтерев подчеркивали определяющую роль подражания, внушения, заражения. Но подражание, внушение и заражение только лишь механизмы преобразований психики, а не причины. Вопрос о том, почему психика человека столь резко реагирует на присутствие множества людей, является принципиально важным.

З. Фрейд, К. Г. Юнг, Г. Лебон согласны между собой в положении о том, что, оказавшись в толпе, индивид впадает в эмоциональное состояние, характерное для человека на примитивной стадии развития общества. Они исходят из предположения, что *групповая психология* была первоначальной формой челове-

ческого сознания, и утверждают, что в условиях стресса и толпы эта форма сознания снова выдвигается на передний план. Контакт сознания с первозданным слоем психики выпускает на свободу энергию, дремлющую в обычное время при нормальном состоянии человека. Вырвавшаяся на свободу энергия освобождает психику от навязанных ей культурой и сознанием стандартов и ограничений. В результате человек становится в высшей степени эмоциональным, управляемым инстинктами, подвластным внушению (Одайник, 1996). З.Фрейд неоднократно подчеркивал переход человека в толпе в первобытное состояние, утрату им культуры.

Обсуждая подобное поведение человека, К.Левин употреблял термин *регрессия*. Регрессия относится к примитивизации поведения, «возврату» к менее зрелому состоянию. Регрессия — это распространенный феномен, проявляющийся в изменении жизненного пространства в целом в направлении, противоположном тому, которое характерно для развития, то есть это негативное развитие (Левин, 2000). В толпе жизненное пространство человека предельно сужается и, соответственно, наступает регрессия.

Таким образом, психика индивида в толпе подвергается сильному воздействию ситуации, поведение человека становится «полевым», то есть зависимым от окружающего поля. В состоянии регрессии, отмечает С.Московичи, сознание каждого ослабляется. Оно возвращается к состоянию, которое напоминает состояние примитивного человека. Высвобождается субстрат атавистических инстинктов и привычек, составляющий основу группового бессознательного (Московичи, 1998).

По данным Э.Бургиньон (2001), в толпе у человека возникает *измененное состояние* сознания. «Измененные состояния сознания, несмотря на свое кажущееся разнообразие и изменчивость культурного и социального значения, несут множество важных общих характерных черт», — отмечает Э.Бургиньон. Измененные состояния сознания — это многочисленные, разнообразные и часто абсолютно не захватывающие человека состояния. Они не сводятся к галлюцинаторным состояниям, вызываемым наркотиками, или религиозному экстазу. Это состояния, в которых изменяются ощущения, восприятия, эмоции и когнитивная сфера. Они изменяют отношения индивида к самому себе, своему телу, чувство тождественности собственного «Я» и восприятие времени, пространства и других людей. Измененные состояния сознания вызваны изменениями в сенсорной информации. В результате правила восприятия и познания, свойственные человеку в нормальном восприятии, в измененных состояниях сознания искажаются.

А.Людвиг выявил пять причин возникновения измененного состояния сознания (Людвиг, 1968):

1) снижение стимуляции внешних ощущений и моторной активности;

2) увеличение стимуляции внешних ощущений и моторной активности;

3) увеличение бдительности и психической включенности;

4) снижение бдительности и психической включенности;

5) группа «соматопсихологических» факторов.

Отмечается, что первая причина — снижение уровня внешней стимуляции и активности — возникает в ситуации одиночного заключения. Влияние второго фактора — увеличение стимуляции внешних раздражений — наблюдается при большом скоплении людей. Увеличивающаяся стимуляция и моторная активность включают в себя такие состояния, как «массовое заражение», религиозная конверсия, лечебные трансы, танцевальный и музыкальный транс, возникающий в ответ на джаз, рок-н-ролл и другую высокоритмичную музыку. Примеры увеличивающейся бдительности и психической активности — третья причина — включают в себя длительные бессонницы военных или молящихся верующих. Четвертый тип — пониженная бдительность — иллюстрируется расслаблением в мечтаниях, полной релаксацией или трансом медиумов и состояниями медитации. Эти причины, которые кажутся противоречащими друг другу (например, и увеличение, и снижение активности могут вызывать измененные состояния сознания), тем не менее приводят к состояниям, имеющим ряд сходных особенностей. Эти особенности состоят в изменении в мышлении, нарушенном чувстве времени, потере самоконтроля, изменении в выражении эмоций, изменении в ощущении тела, перцептивных искажениях.

Социально-психологические исследования показывают, что измененные состояния сознания могут возникнуть под воздействием толпы, находящейся в возбужденном эмоциональном состоянии. При этом человек может впасть в состояние транса, который усиливается звуками барабанов (ритмичная музыка), песнями, танцами, заражением толпы, наркотиками.

Возможные объяснения психических феноменов в толпе приводятся ниже:

1. Примитивизация психики, активизация *протопсихики*, то есть слов психики, которые характерны для древних людей. Основными регуляторами поведения на уровне протопсихики являются инстинкты.

2. В толпе возникает процесс эмоционального взаимного заражения. Соответственно интенсивность эмоций и их роль в общем объеме функционирования психики резко возрастают.

3. Нахождение в толпе оказывает влияние и на личностную сферу человека. Возникает потеря чувства идентичности и деперсонализация.

4. В толпе у человека могут появляться измененные состояния сознания, затрагивающие ощущение, восприятие, эмоции и когнитивную сферу.

5. Когнитивная система человека оказывается перегруженной. Она адаптируется к перегрузке, минимизируя объем и интенсивность интеллектуальной и коммуникативной деятельности.

В толпе у человека многократно усиливаются подражательные простейшие реакции вследствие актуализации в сознании образа группы людей. Окружающие люди являются самым значимым стимулом, поскольку это действующие субъекты с непредсказуемым поведением. Присутствие людей создает нервно-психическое возбуждение в коре головного мозга и усиливает доминантную реакцию. Возникает повышенное социальное возбуждение, человек не реагирует ни на какие иные стимулы, идущие извне, из окружающей среды, либо изнутри его собственной личности. Он должен удерживать в поле своего внимания действия множества других индивидов. Возникает доминирующая реакция, связанная с решением простейших задач. Алгоритм решения этих задач прописан в древних слоях нашей протопсихики. Поведение становится однотипным, примитивным, принимает подражательный характер. Перевозбуждение нервной системы приводит, к эмоциональному возбуждению. Когнитивная и интеллектуальная сферы оказываются во власти эмоций. При большом количестве стимулов наше сознание совершает ошибки в различении стимулов. Усиливается идентификация по сходству признаков, ослабевает идентификация различий. Потому люди в толпе инстинктивно ведут себя однотипно, совершают одинаковые движения, резко снижается общение на межличностном уровне и т. д. Они инстинктивно знают, что любое противодействие толпе будет воспринято людьми как различие, которое необходимо быстро устранить, чтобы создать максимально однородную массу идентичных друг другу людей.

Анализ литературы, в которой дается описание поведения людей, попавших в толпу, многократные наблюдения поведения толпы дали возможность описать психическое состояние «человека толпы»¹.

1. Уменьшение или полное прекращение общения на межличностном уровне с помощью вербальной коммуникации.

2. Бесцельность движений и перемещений в толпе, которая проявляется в повышенной агрессивности людей; психомоторном возбуждении, в хаотичной, бесцельной физической активности, низком контроле координации движений и действий; склонности к однотипным движениям.

¹ Почебут Л. Г. Социальная психология толпы. — СПб., 2004.

3. Высокая импульсивность действий участников толпы, быстрый отклик на указы и призывы лидера.

4. Подражание движениям и поведению лидера и более активных участников толпы.

5. Высокое эмоциональное возбуждение, проявляющееся в частых выкриках отдельных слов, фраз, междометий; в несосредоточенном взгляде, бегающих глазах; в нервности, порывистости движений.

6. Эмоциональная лабильность, проявляющаяся в виде частой смены настроений, в легкости впадения в состояние ярости, гнева или восторга.

7. Высокая категоричность в оценках, мнениях, суждениях. Отсутствие чувства меры.

8. Потребность в простых решениях, не требующих долгой умственной работы. В толпе господствует категорический императив поведения: «Да здравствует», «Не допустить», «Заставить», «Долой».

9. Неспособность к созидательной деятельности.

10. Возможность возникновения у некоторой части членов толпы слуховых, зрительных, обонятельных иллюзий и галлюцинаций.

11. Возможность у отдельных членов толпы (психически и нервнoбольных) возникновение припадков с судорожным синдромом.

12. Склонность участников толпы сбиваться в более плотную группу.

Приведенные характеристики участников толпы определяют характер и поведение всей толпы в целом. Повод, по которому собралась толпа, и ее состав влияют на варианты поведенческих реакций. Так, в толпе, возникшей на религиозной основе, более выражена подчиненность лидеру. У толпы революционной в большей степени проявляется склонность к агрессии и разрушительным действиям. Однако выявленные характеристики поведения присутствуют в любой толпе независимо от причин ее возникновения, социально-демографического состава и культурной принадлежности.

Наблюдения поведения толпы в разных странах мира показывают, что культуральные различия в поведении людей стираются, и это приводит к совершенно одинаковому поведению. Люди, объединившись в толпу, независимо от своих религиозных убеждений, этнической принадлежности, демократической или авторитарной направленности государственного строя, уровня своего культурного развития, во всех странах мира ведут себя одинаково. Поведение людей, проживающих в разных странах и принадлежащих к различным этносам, в толпе становится однотипным. Если люди находятся в возбужденном состоянии, их чувства и мысли

направлены в одном направлении, единая идея охватила толпу, тогда расовые, этнические и культурные различия стираются. Везде люди утрачивают все различия, подчиняются власти инстинктов, демонстрируют однотипные формы поведения. Попадая в толпу, человек теряет то культурное богатство, которое было накоплено людьми в процессе филогенеза. Он как бы выпадает из культуры, приходит в первобытное состояние, полностью подчиняясь инстинктам.

3.6. Индивидуальная и массовая паника

Согласно приведенной выше классификации *паническая толпа* — это (наряду с другими: агрессивной, стяжательной и повстанческой) подвид действующей толпы. Опыт показывает, что это самая опасная из всех разновидностей толпы. По количеству непосредственных человеческих жертв массовая паника способна далеко превосходить, например, агрессивную толпу, но и по отдаленным последствиям ей не уступает.

Из-за чрезвычайной социальной опасности и значимости массовая паника часто выделяется «в особое производство», и ее изучению уделено больше всего внимания. В психологии принято различать *массовую* и *индивидуальную* панику.

Массовая паника необязательно выливается в форму собственно панической толпы. Она может выразиться чувством обреченности и парализацией воли, когда масса людей становится не способна к решительным действиям в критической ситуации, отказывается от поиска самостоятельных решений.

В специальной литературе описано множество характерных драматических эпизодов, свидетельствующих о том, как паническое состояние само по себе становилось решающей причиной не только физических болезней, но и смерти. Французский врач А. Бомбар приводил такую статистику: 90 % людей, спасшихся после кораблекрушения, погибают от голода и жажды в течение первых трех дней, что трудно объяснить сугубо физиологическими причинами. А когда всего через три часа после гибели «Титаника» к месту катастрофы подошли первые суда, в спасательных шлюпках уже было немало мертвых и сошедших с ума. «Знаменательно, — пишет Бомбар, — что среди тех, кто поплатился безумием за свой панический страх или смертью за безумие, не было ни одного ребенка моложе десяти лет. Эти малыши находились еще в достаточно разумном возрасте».

Преобладающее настроение в обществе способно также, не принимая экстремальных форм, обернуться резким ухудшением психического и соматического самочувствия людей, экономическим спадом, резким снижением средней продолжительности

жизни, рождаемости и, как следствие, — депопуляционными процессами.

Панические состояния могут быть вызваны *невротическими страхами*, то есть такими, которые неадекватны объективной опасности и являются, скорее, признаками внутреннего неблагополучия. Это обстоятельство настолько характерно, что некоторые авторы так и определяют панику: «ужас, вызванный *кажущейся опасностью*». Но паника вызывается и вполне реальной угрозой, хотя решающим фактором паники действительно всегда становится психическое состояние субъекта (личности, общества, группы или толпы).

С одной стороны, паника может возникнуть безо всякой внешней опасности и в подавляющем большинстве случаев оказывается несоразмерна ей. С другой стороны, никакая внешняя опасность сама по себе недостаточна для возникновения паники. «Даже тогда, когда паника вызывалась беспредельно большой опасностью, — писал А. С. Прангишвили, — психологическая природа переживания ужаса принципиально такова, как и в момент возникновения ее из-за незначительной причины (однако в последнем случае эти особенности даны более выражено), поскольку, в конце концов, всякая реальная и большая опасность может быть пережита и без паники. Так что сильный ужас, связанный с паникой и в случае реальной опасности, может считаться вторичным явлением» (Прангишвили, 1990).

Обычно в войне против мирного населения (бомбежки городов, политический терроризм) стратегическая задача состоит в том, чтобы спровоцировать массовые панические настроения и, как следствие, — подавленность или агрессивную установку по отношению к власти. Самым близким для нас драматическим примером может служить всплеск террористической активности в России в последние несколько лет. Здравомысляя, легко убедиться, что непосредственная физическая опасность терактов для каждого отдельного человека сравнительно невелика. В самом худшем случае жертвами взрывов становятся сотни людей из почти 150 млн жителей страны, тогда как только от отравления некачественным алкоголем в России ежегодно гибнут порядка 40 тыс. человек и тысячи людей гибнут на дорогах. Тем не менее ни «самопальная» водка, ни автомобиль не вызывают у людей того панического страха, какой связан с невидимыми террористами.

Итак, в самом общем плане можно дать следующее определение: *паника — состояние ужаса, сопровождающееся резким ослаблением волевого самоконтроля.*

Следствием оказывается либо ступор, либо то, что Э. Кречмер называл «вихрем движения», «гипобулической реакцией», то есть дезорганизацией планомерных действий. Поведение во внутренней конфликтной ситуации становится *антиволевым*: эволюционно

примитивные потребности, прямо или косвенно связанные с физическим самосохранением, подавляют потребности, связанные с личностной самооценкой.

Выделяют четыре комплекса факторов превращения более или менее организованной группы в паническую толпу.

1. *Социальные факторы* — напряженность в обществе, вызванная произошедшими или ожидаемыми природными, экономическими, политическими бедствиями. Это могут быть землетрясение, наводнение, эпидемия, реальная или мнимая нехватка продовольствия, резкое изменение валютного курса, государственный переворот, начало или неудачный ход войны и т.д. Иногда напряженность обусловлена памятью о трагедии и (или) предчувствием надвигающейся трагедии, приближение которой ощущается по каким-либо признакам.

2. *Физиологические факторы* — усталость, голод, длительная бессонница, алкогольное и наркотическое опьянение. Они снижают уровень индивидуального самоконтроля, что при массовом скоплении людей чревато особенно опасными последствиями.

Так, типичными ошибками при организации митингов, манифестаций и массовых зрелищ становятся затягивание процесса, а также безразличное отношение организаторов к фактам продажи и употребления участниками спиртных напитков. В условиях социального напряжения, жары или холода и т.д. это повышает вероятность паники, равно как и прочих нежелательных превращений толпы.

3. *Общепсихологические факторы* — неожиданность, удивление, испуг, вызванные недостатком информации о возможных опасностях и способах противодействия.

Известны случаи, когда паника среди манифестантов возникала из-за того, что многие неверно представляли себе политическую обстановку и статус мероприятия. Например, люди думали, что оно санкционировано властями, и появление полицейских с дубинками оказывалось шокирующей неожиданностью. Или, наоборот, некоторые участники не знали, что акция согласована, и неадекватно реагировали на полицейских. Были эпизоды, когда непредвиденные действия малочисленной, но хорошо организованной группы политических врагов вносили смятение и панику в многотысячную демонстрацию.

4. *Социально-психологические и идеологические факторы* — отсутствие ясной и высокозначимой общей цели, эффективных, пользующихся общим доверием лидеров и, соответственно, низкий уровень групповой сплоченности.

Исследователи массовой паники единодушно подчеркивают преимущественное значение именно этого фактора по сравнению с предыдущими.

Вместе с тем история войн, революций, опасных научных экспедиций и т.д. дает множество наглядных свидетельств того, как

сплоченный коллектив единомышленников способен даже при смертельной опасности и крайнем истощении сил сохранять единство действий, не проявляя симптомов паники. А. С. Прангишвили приводил другой пример. «Специальными исследованиями показано, — писал он, — что среди членов пожарной, медицинской команд и других организаций, которым поручается оказание помощи пострадавшим от землетрясения, никогда не имеет места паника».

Авторы книги «Революционный невроз» рассказывают о странном безволии, проявленном французскими революционерами, прежде смелыми и решительными, — жирондистами, дантонистами, в том числе Робеспьером, — в ситуациях, когда они вдруг сами становились объектами революционного террора. «Когда перечитываешь страницы истории революции, то кажется, что этими людьми, созданными для борьбы, овладевал внезапно какой-то упадок сил; и как раз в те моменты, когда им нужно было бы удесятериться, с такой удивительной покорностью они бесильно давали вести себя на бойню».

Разве не то же самое происходило с попавшими в немилость большевиками, героями революции и Гражданской войны в атмосфере общего страха и массовых репрессий, сопровождаемых «всенародным осуждением»? В такой момент даже очень сильный человек способен испытать психический ступор, подобно мощному бизону, настигнутому львицей.

Структура и динамика человеческих потребностей таковы, что люди могут, потеряв волю и достоинство, впасть в животное состояние. И те же люди при появлении высокозначимых целей способны в буквальном смысле стоять насмерть, ложиться под танки и бросаться в огонь. При этом внешняя оценка их поступков в экстремальной ситуации — как героических, преступных или просто глупых — сильно зависит от того, насколько собственные ценности наблюдателя согласуются с ценностными координатами наблюдаемого поступка.

Возникновение и развитие паники, по Д. В. Ольшанскому (2002), связано с действием шокирующего стимула, отличающегося чем-то заведомо необычным (например, сирена, возвещающая начало воздушной тревоги). Частым поводом для паники являются слухи.

Для того чтобы привести к настоящей панике, стимул должен быть либо достаточно интенсивным, либо длительным, либо повторяющимся (взрыв, сирена, серия гудков и т. п.). Он должен привлекать к себе сосредоточенное внимание и вызывать реакцию подчас неосознанного, животного страха. Первый этап реакции на такой стимул — потрясение, ощущение сильной неожиданности и восприятие ситуации как кризисной, критической и даже безысходной. Второй этап реакции — замешатель-

ство, в которое переходит потрясение, и индивидуальные беспорядочные попытки как-то понять, интерпретировать произошедшее событие в рамках прежнего, обычного личного опыта или путем лихорадочного припоминания аналогичных ситуаций из чужого, заимствованного опыта. Когда необходимость быстрой интерпретации ситуации становится острой и требует немедленных действий, именно это ощущение остроты часто мешает логическому осмыслению происходящего и вызывает страх. Первоначально страх обычно сопровождается криком, плачем, двигательной ажитацией. Если этот страх не будет быстро подавлен, то по механизму «циркулярной реакции» и «эмоционального кружения» развивается третий этап. На этом этапе страх одних отражается другими, что, в свою очередь, еще больше усиливает страх первых. Усиливающийся страх снижает уверенность в коллективной способности противостоять критической ситуации и создает смутное ощущение обреченности. Завершается все это действиями, которые представляются людям, охваченным паникой, спасительными. Хотя на деле они могут совсем не вести к спасению: это этап «хватания за соломинку», в итоге все равно оборачивающийся паническим бегством, за исключением тех случаев, когда бежать просто некуда. Тогда возникает подчеркнуто агрессивное поведение: известно, как опасен бывает «загнанный в угол» даже самый трусливый зверь.

«Панику обычно характеризуют как индивидуалистическое и эгоцентрическое поведение. Это справедливо в том смысле, что целью такого поведения служит попытка личного спасения, которая не укладывается в признанные нормы и обычаи. Однако паника — это одновременно и массовое поведение, поскольку при ее возникновении действуют механизмы циркулярной реакции, внушения и психического заражения — характерные признаки многих видов стихийного массового поведения» (Социальная психология, 1975).

Внешне паника заканчивается обычно по мере выхода отдельных индивидов из этапа всеобщего бегства. Всеобщая усталость останавливает любые действия и эмоциональные переживания. Но паническое поведение не обязательно завершается бегством от опасности. Обычные следствия паники — либо усталость и оцепенение, либо состояние крайней тревожности, возбудимости и готовности к агрессивным действиям.

Оценивая весь цикл панического поведения, надо иметь в виду то, что если интенсивность первоначального стимула очень велика, то все предыдущие этапы могут как бы «свертываться». Словесное обозначение пугающего стимула в условиях его ожидания может само по себе непосредственно вызвать реакцию страха и панику даже до его появления. Всегда надо принимать во внимание ряд специфических факторов: общую социально-политичес-

кую обстановку, в которой происходят события, характер и степень угрозы, глубину и объективность информации об этой угрозе и т. д.

3.7. Феномен слухов и его изучение

Принято считать, что слух тесно связан с недостоверностью или непроверенностью информации. Между тем степень достоверности не имеет никакого отношения к тому, квалифицируем ли мы некоторую информацию как слух. Важно то, что она (информация) *передается по сетям межличностного общения*.

Не всякий межличностный контакт, даже самый конфиденциальный, включает передачу слухов. Циркуляция слуха происходит тогда, когда оценка, мнение, отношение, планы сопровождаются неизвестными собеседнику сведениями о предмете — фактами из биографии того самого знакомого, известиями, почерпнутыми из журнала, и т. д. Для исходного определения слуха необходимы два критерия: наличие предметной информации и канал, по которому она сообщается.

Слух — это передача предметных сведений по каналам межличностного общения.

При межличностном общении начинает действовать целый ряд специфических механизмов, которые ярко проявляются при распространении слухов.

Систематическое изучение феномена слухов началось только после Первой мировой войны в США и в Германии. В США вскоре появились коммерческие фирмы, специализировавшиеся на распространении слухов, где можно было заказать нужный сюжет для нужной аудитории, оплатив «услугу» по прейскуранту. Это делалось, например, в целях рекламы товара, или подавления конкурента, или борьбы с профсоюзом.

В нацистской Германии исследовательские работы в этой области были засекречены и приобрели гораздо более зловещую направленность. Немецкие войска, а также их союзники активно и подчас весьма эффективно использовали полученные знания и рекомендации на фронтах Второй мировой войны.

При изучении слухов используются различные основания классификации: длительность жизни слуха, величина и структура аудитории и т. д. Для психологии наиболее важны два классификационных параметра — экспрессивный и информационный.

По *экспрессивному параметру* различают три типа слухов, и здесь семантика терминов достаточно прозрачна: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух.

Сюжеты *слухов-желаний* отражают надежды, ожидания и в целом благодушное настроение аудитории. Неопытному руководи-

телю или политику часто кажется, что это «хорошее», то есть благоприятное и безопасное явление. Между тем циркуляция слухов-желаний часто чревата разрушительными последствиями.

Слухи-пугала возникают в периоды социального напряжения (стихийное бедствие, война, государственный переворот и т.д.) и варьируют от просто пессимистических до откровенно панических. Самая банальная фабула — грядущий рост цен или исчезновение некоторых продуктов.

Такого рода сведения периодически появляются в сетях неформального общения в странах с дефицитной экономикой и дефицитной информационной системой. Они могут возникать спонтанно или подсаживаться с провокационной целью, особенно при обострении политической или экономической конкуренции, с приходом к власти нежелательного (противнику) правительства и т.д. Здесь опять-таки отчетливо проявляются катализаторная и инструментальная роль слухов: принимая их за чистую монету, люди лихорадочно приобретают ненужные им продукты в неразумных количествах, а в результате действительно искажается конъюнктура слабого рынка, товары исчезают или растут в цене.

Когда же в государствах с невысокой грамотностью населения приступали к кампании по массовой вакцинации детей, быстро возник слух о том, что на самом деле детей стерилизуют, дабы прекратить рост рождаемости (Мексика, 1974; Индия, 1975).

В 1972—1973 гг. по Сантьяго и другим городам Чили ходили вежливые молодые люди, стучались в дома представителей среднего класса, называли себя социологами и якобы от имени правительства распространяли анкеты. В анкетах содержались вопросы: «1. Сколько спален в Вашем доме? 2. Сколькими из них Вы готовы поделиться с неимущими соотечественниками?..» — и далее в том же духе. Это сопровождалось намеками в оппозиционной прессе, будто правительство планирует масштабную операцию по «подселению» и «уплотнению жилья» по примеру большевиков в России. Распространение такого слуха-пугала служило дальнейшей подготовкой к военному перевороту...

В последних эпизодах уже просматриваются оттенки третьего типа слухов — *агрессивных*. Возбужденные слухами о стерилизации, родители не только препятствовали посещению детьми школ, но и в ряде случаев нападали на врачей и учителей. Перспектива вселения в собственный дом «неимущих соотечественников» вызвала у кого-то испуг, а у кого-то гнев в отношении социалистов.

Агрессивные слухи возникают там, где имеются напряженные отношения между социальными группами, причем даже явно стихийные или вызванные собственной неразумной деятельностью бедствия часто усиливают ненависть к какой-либо группе или

личности. При квалификации слуха по экспрессивному параметру необходимо учитывать два момента.

Во-первых, в сложной разнородной среде *один и тот же сюжет может иметь совершенно различные эмоциональные характеристики*. Во-вторых, *решающим критерием для экспрессивной оценки слуха является не сам по себе сюжет, а реакция аудитории*. Без учета этих обстоятельств вероятность ложных экспертных оценок и контрпродуктивных рекомендаций очень велика.

Второй, **информационный параметр**, как указывалось, отражает *степень достоверности фабулы*.

Выявлены три характерные тенденции преобразования фабулы в процессе распространения слуха.

Первая — *сглаживание* — состоит в том, что несущественные в глазах данной аудитории детали исчезают; сюжет становится короче.

Соответственно сохранившиеся детали выдвигаются на передний план, высвечиваются более выпукло, увеличиваются их масштаб и социальная значимость. Сюжет может обрести новыми деталями, первоначально отсутствовавшими, которые делают его более функциональным. Эту вторую тенденцию называют *заострением*.

В самых элементарных примерах цвета и марки столкнувшихся автомобилей могут исчезнуть (сглаживание), зато на месте одного раненого пассажира образуется «гора трупов» (заострение); внешность и одеяние драчунов забудутся, но драка с двумя участниками «виртуально» вырастет в массовую потасовку и т.д. Эти грубые примеры нуждаются, однако, в уточнении. Какие именно детали исходного события будут подвергнуты сглаживанию, а какие, наоборот, заострятся, определяется стереотипами и установками аудитории.

Третья тенденция — *приспособление*, когда под стереотипы и установки подстраивается отдельная деталь сюжета, без выраженных признаков сглаживания или заострения, но таким образом, что это решительно изменяет психологическое содержание информации.

Неискушенному наблюдателю слухи кажутся явлением беспричинным либо обусловленным исключительно чьими-то злыми намерениями. Этой иллюзией подчас определяются и меры противодействия: поиски провокаторов, репрессии против разговорчивых граждан и т.д.

Иногда слухи намеренно запускаются специально нанятыми провокаторами. Но ни один «слухач» не в состоянии подсадить какой угодно слух в какой угодно аудитории и ситуации. Для этого ему нужно найти или сформировать подходящую «нишу», в которой какой-либо слух и без того возник бы с высокой вероятностью, и задача состоит в том, чтобы придать фабуле желательное содержание и направленность.

Изучая, отчего возникают слухи, почему один слух живет в сетях неформального общения долго и спокойно, другой быстро охватывает обширную аудиторию, побуждая людей к действиям, третий бытует в узком кругу, не выходя за его пределы, а четвертый умирает, едва успев родиться, психологи выделили два фундаментальных фактора. Их совокупность еще называют *абсолютно необходимым условием для возникновения слуха*.

Первым фактором является *интерес к теме*: слух способен возникнуть там и тогда, где и когда к его предмету имеется интерес, а масштаб и траектория его распространения обусловлены конфигурацией заинтересованной аудитории.

Второй фактор — *дефицит надежной информации*. Для слуха нужен не просто интерес, но интерес неудовлетворенный. Если наличная информация представляется достаточной, для слуха нет оснований.

Подчеркнем, что под надежностью информации понимается не объективная характеристика, а субъективное отношение аудитории. Так, ложное сообщение из вызывающего доверие источника устраняет дефицит информации, тогда как достоверная информация из источника, которому данная аудитория доверять не склонна, дефицит сохраняет. Разумеется, информационный дефицит может быть обусловлен и совсем тривиальным обстоятельством — отсутствием, недостаточностью или противоречивостью официальных сообщений.

Вероятность слуха прямо пропорциональна силе общественно-го интереса к предмету и обратно пропорциональна количеству официальных сообщений на данный момент и уровню доверия к источнику.

Выявлено два внутренних условия распространения слухов. К первому относится *личный статус*. Сообщая интересные сведения, человек привлекает к себе внимание, демонстрирует близость к предмету общего интереса (политику, актеру, спортсмену), к референтной группе или к органам, принимающим решение, поддерживает свой статус неформального лидера в оценке этих сведений; повышает или подтверждает значимость собственной персоны в глазах окружающих, а тем самым и в собственных глазах. Второе условие — *эмоциональный баланс*. Выяснилось, что циркулирующий слух способен временно оптимизировать эмоциональный баланс в группе, то есть понижать или повышать эмоциональное напряжение до оптимального уровня.

Если группа продолжительное время живет в напряженном ожидании, люди испытывают непреодолимое желание обсуждать между собой возможные опасности. Парадоксальным образом даже распространение слухов-пугал способно на время снизить эмоциональное напряжение — срабатывает эффект аффилиации, ощу-

шения принадлежности к общине. В конечном счете, однако, это чаще всего приводит к дисфункциональным последствиям: циркулирующий слух нагнетает страхи и усиливает панические настроения.

По наблюдениям, фронтовики, чье подразделение долго пребывало во втором эшелоне, так и не дождавшись выхода на передовую, сохраняют более страшные воспоминания о войне, чем их соратники, прошедшие самое пекло, получившие боевые ранения и т.д. А самые страшные воспоминания о блокаде у тех, кто долго прожил в напряженном ожидании голода, но настоящего голода так и не испытал.

Циркулирующие слухи насыщают жизнь социума виртуальными псевдособытиями, которые способны частично компенсировать событийную разреженность и дефицит эмоционального возбуждения. Но такая форма психологической компенсации (другие формы — злоупотребление алкоголем и т.д.) со своей стороны влечет опасность непредсказуемых действий и потери контроля и часто становится первым признаком разложения группы. Опытные офицеры знают, как вредно надолго оставлять солдат без дела — это чревато потерей дееспособности подразделения.

Все сказанное не составляет секрета и для провокаторов, занимающихся преднамеренным подсаживанием слухов. В их техническом задании могут быть четко обозначены сюжет и аудитория, если предварительно была нащупана информационная ниша. Иногда задание носит более общий характер — например, подготовить психологическую почву для вбрасывания на рынок нового товара, обеспечить симпатию (или неприязнь) к определенному лицу; в подобных случаях запуск слуха способен сыграть важную, а то и решающую роль.

Наконец, подчас ставится еще более общая и чаще всего деструктивная задача, например вызвать массовую панику или погромы. В этом, как и в предыдущем, случае план работы агентов включает выявление неудовлетворенных информационных и психологических потребностей, а также наиболее характерных для данной культуры (страны, региона, города) разносчиков неофициальной информации.

Например, в русских городах питательной средой для слухов обычно считаются старушки-пенсии, на Ближнем и Среднем Востоке — базарные торговцы, в странах Латинской Америки — таксисты; на Кавказе традиционным местом распространения слухов являются мероприятия, такие как, например, свадьбы, куда съезжаются многочисленные родственники и друзья.

Отметим также профессиональный прием *умышленного создания информационной ниши* с целью запутать противника, спровоцировать его на запуск ложных, но по существу бесполезных слу-

хов, отвлекая от продуктивных действий. Такой прием уместен в тех случаях, когда продуман надежный способ пресечения слуха в нужный момент.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какие виды толпы существуют? В чем отличие толпы от группы?
2. Каковы механизмы образования толпы?
3. Что такое превращаемость толпы?
4. Какое воздействие на психику человека оказывает толпа?
5. Приведите признаки панического поведения людей.

ГЛАВА 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

4.1. Психологическое воздействие на процессы, сопровождающие террористические акты

4.1.1. Воздействие на толпу

Переходя к этому пункту, полезно еще раз напомнить, о каком предмете идет речь и чем отличается собственно толпа от группы. Дело в том, что, применив неадекватные объекту и ситуации приемы, мы рискуем серьезными неприятностями, а подчас и человеческими жизнями.

Судя по сохранившимся свидетельствам, Бастилию в Париже (1789) штурмовала типичная толпа, последовательно превращавшаяся из конвенциональной (частично окказиональной) в экспрессивную, а затем в агрессивную (возможно, повстанческую). Там в принципе можно было бы удержать события под контролем, применив специальные технологические приемы.

Согласно историческому описанию, штурм Зимнего осуществлялся не толпой, а организованными отрядами красных боевиков. Они действовали планомерно и продуманно: группами по два-три человека проникали в здание, сдавались растерявшимся юнкерам и, постепенно накапливая численное превосходство, овладевали положением; поддерживался регулярный контакт между бойцами, находящимися внутри и вне дворца. Похоже, лишь затем, опьяненные успехом, они стали проявлять признаки стяжательной толпы. Но это обычная история: недаром с давних времен воинам, взявшим с бою город, командиры давали три дня «на расслабление».

Сказанное относится, конечно, и к не столь исторически масштабным событиям. Скажем, футбольные фанаты на Манежной площади летом 2002 г. представляли собой толпу, которая претерпевала последовательные превращения и в конце концов из-за некомпетентной организации массового мероприятия начала бить, крушить и громить. А вот людей, устраивающих погромы на рынках, напрасно называют толпой — это чаще всего группа боевиков с заранее разработанным планом действий, командованием и внутренней дисциплиной. Соответственно в том и в другом случаях требуются совершенно различные меры и приемы воздействия.

Различают приемы воздействия на толпу *извне* и *изнутри*. Чтобы в них разобраться, следует обратить внимание на один специфический феномен, который называют *географией толпы*.

Ранее отмечалось, что толпа как таковая не обладает позиционно-ролевой структурой и что в процессе эмоционального кружения она «гомогенизируется», то есть становится однородной. Вместе с тем в толпе часто образуется свой параметр пространственной и эмоциональной неоднородности, связанный с неравномерной интенсивностью циркулярной реакции. География толпы (особенно отчетливо фиксируемая при фотосъемке сверху) определяется различием между более плотным *ядром* и разреженной *периферией*. В ядре аккумулируется эффект эмоционального кружения, и оказавшийся там сильнее испытывает его влияние.

Например, типичная картина массовых погромов такова. Непосредственными насильниками и убийцами оказываются сравнительно небольшая часть индивидов, составляющих толпу. Другие их активно поддерживают (поощрительными выкриками, улюлюканьем и т.д.), еще больше людей поддерживают пассивно, а на самой периферии — досужие зеваки; там уже обнаруживаются, скорее, свойства окказиональной толпы. Но вся эта масса придает ядру силу мотивации, дополненную ощущением анонимности и безнаказанности.

Поэтому для психологического воздействия на толпу *извне* рекомендуется нацеливаться на периферию, внимание которой легче переключается.

Переключение внимания на другой объект. При этом рекомендуется ориентация прежде всего на периферию. Небольшая автомобильная авария, популярная в данном обществе динамичная игра в исполнении умелых игроков, раздача или дешевая продажа дефицитных товаров и т.д. могут отвлечь значительную часть массы. Тем самым агрессивная, конвенциональная или экспрессивная толпа превращается в одну или несколько окказиональных (или стяжательных) толп, лишая ядро эмоциональной подпитки.

Отработанный прием противодействия митингам и демонстрациям, пусть даже санкционированным, но нежелательным для властей: поодаль располагаются автомобили с динамиками, по которым передается футбольный репортаж, выступление популярных артистов и т.д.

Это одна из причин, почему организаторам массового мероприятия консультанты рекомендуют предусмотреть, чтобы оно по времени не совпало с каким-либо другим интересным для народа событием. Рекомендуется также заранее позаботиться о непосредственных нуждах людей в зависимости от погоды: прохладительных напитках, укрытиях от дождя, жары и т.д. В противном случае поведение толпы может стать непредсказуемым, и, скажем, паника с трагическими последствиями возникнет из-за такой мело-

чи, как внезапно хлынувший ливень. Политические противники, воспользовавшись пустующей «экологической нишей», станут ее по-своему заполнять, отвлекая внимание собравшихся, а в худшем случае, например, вместо прохладительных напитков распространять горячительные и т.д. При разработке сценария важно также внимательно ознакомиться с прогнозом погоды и, если возможно, проконсультироваться с синоптиками.

Для воздействия же на толпу *изнутри* чаще рекомендуется проникнуть в ядро, где гипертрофированы внушаемость и реактивность.

Два-три человека, проникнув в ядро агрессивной (или готовой превратиться в агрессивную) толпы, *имитируют испуг* и *распускают слухи*: «Они идут! У них оружие!». Иногда эти действия дополняются выстрелами или похожими на них звуками, которые производят за углом невидимые единомышленники агентов. Под влиянием таких стимулов вместо массовой агрессии возникает массовая паника, что в конкретных случаях может оказаться более допустимым.

Еще один вариант: *внимание агрессивной толпы переносится на нейтральный объект*. В таком случае либо жертвой насилия становится не тот, на кого ярость была первоначально направлена, либо толпа из агрессивной превращается в стязательную, что с точки зрения социальных последствий опять-таки причинит меньше вреда.

Еще один комплекс приемов влияния на действующую толпу связан с *использованием ритма*. Удалось установить, что действующая толпа в отличие от экспрессивной ритмична, и поэтому громкий ритмический звук способствует соответствующему превращению.

В конце 1970-х гг. сообщалось о том, что в Южно-Африканской Республике изобретен «музыкальный танк». Выяснилось, что это действительно танк, преобразованный специально для борьбы с уличными беспорядками. Вместо пушки у него на вооружении брандспойты, «стреляющие» мощной струей холодной воды, а вместо пулемета — сильные динамики, «стреляющие» во все стороны громкой ритмической музыкой. Под воздействием звуков люди невольно начинают двигаться в такт, и толпа из агрессивной превращается в экстатическую. Энергия ярости уходит в танец, и это помогает избежать худшего.

Африканское изобретение возникло, конечно, не на пустом месте. Психологи давно изучают удивительное влияние ритма на толпу. Считается, что после того как толпа «поймалась на ритм», ее можно удерживать в экстатическом состоянии сколь угодно долго: пока музыка продолжается, люди, попавшие под ее влияние, не способны по собственной воле избавиться от наваждения (отсюда, вероятно, народные сказки про волшебную гармонию или

волшебную флейту). При уличных беспорядках чаще всего задача состоит в том, чтобы выиграть время.

Следует добавить, что противодействие различным видам толпы требует различных ритмов. Превращению агрессивной толпы в экспрессивную (экстатическую) способствует быстрый ритм типа рока, твиста или шейка. На паническую толпу следует воздействовать ритмом иного типа.

Особо следует остановиться на одном эффективном способе противодействия массовой агрессии. В толпе человек теряет ощущение индивидуальности, чувствует себя безличным и потому свободным от ответственности, накладываемой ролевыми регуляторами. Вдохновляющее чувство вседозволенности и безнаказанности составляет важное условие массовидных действий. Это условие нарушается приемами деанонимизации.

В качестве примера приведем отрывок из книги И.А.Ильфа и Е.П.Петрова: «Когда Остап Бендер прибыл к месту происшествия, вокруг Паниковского колыхалась великая толпа, перегородившая улицу. Автомобили торжественно кричали, упершись в людской массив... В городском саду перестал бить фонтан. Решительно вздохнув, Бендер втиснулся в толпу.

— Пардон, — говорил он, — еще пардон! Простите, мадам, это не вы потеряли на улице талон на повидло? Скорей бегите, он еще там лежит. Пропустите экспертов, вы, мужчины! Пусти, тебе говорят, лишенец!

Применяя таким образом политику кнута и пряника, Остап пробился к центру, где томился Паниковский.

— Вот этот? — сухо спросил Остап, толкая Паниковского в спину.

— Этот самый, — радостно подтвердили многочисленные правдолюбцы, — своими глазами видели.

Остап призвал граждан к спокойствию, вынул из кармана записную книжку и, посмотрев на Паниковского, властно произнес:

— Попрошу свидетелей указать фамилии и адреса. Свидетели, записывайтесь!

Казалось бы, граждане, проявившие такую активность в поимке Паниковского, не замедлят уличить преступника своими показаниями. На самом же деле при слове «свидетели» все правдолюбцы поскучнели, глупо засуетились и стали пятиться. В толпе образовались промоины и воронки. Она разваливалась на глазах.

— Где же свидетели? — повторил Остап.

Началась паника. Работая локтями, свидетели выбирались прочь, и в минуту улица приняла свой обычный вид».

Чтобы успешно применить такой прием, надо обладать находчивостью и артистическим даром Великого комбинатора. Некоторые американские авторы предлагали иную модификацию: в толпе снуют хмурые личности с фотоаппаратами или блокнотами, откровенно фиксируя самых активных индивидов. На раннем этапе формирования толпы этот прием, вероятно, может кого-то

отрезать и предотвратить экстремистские действия. Тем не менее такой прием опасен для здоровья и жизни агентов.

Но сегодня деанонимизация достигается более безопасными средствами. На крышах окружающих зданий размещаются хорошо заметные камеры, и (или) выслаются мобильные группы теле-репортеров. Демонстративные действия последних (с проверенными путями ухода от опасности) способствуют возвращению идентичности индивидам в толпе и снижению коллективного эффекта.

Перечисленные приемы воздействия на толпу не исчерпывают весь их арсенал. Кроме того, многие из приемов не могут быть использованы в случаях возникновения агрессивной толпы из родственников, пострадавших от террористического акта, недовольных действиями властей, требующих ответа от должностных лиц на вопросы: «Как это могло произойти, и кто в этом виноват?». Этим людям нет надобности скрывать свою личность. Опыт показывает, что наиболее эффективным средством воздействия на такую толпу может быть организованная, четко определенная психологическая работа с ядром толпы, где сосредоточились наиболее сильно пострадавшие от чрезвычайного происшествия¹.

4.1.2. Воздействие на поведение людей во время паники

Здесь действует общее по отношению к любой толпе правило: снизить интенсивность эмоционального заражения, вывести человека из гипнотического влияния данного состояния и рационализировать, индивидуализировать его психику.

Однако в случае паники есть и некоторые специфические вопросы. Во-первых, вопрос в том, кто станет образцом для подражания толпы. После появления угрожающего стимула (звук сирены, клубы дыма, первый толчок землетрясения и т.п.) всегда остается несколько секунд, когда люди оценивают произошедшее и готовятся к действию. Здесь можно и нужно представить желательный пример для вполне вероятного подражания. Кто-то должен дать команду: «Ложись!» или: «По местам!». Соответственно те, кто исполнят эту команду, становятся образцами для подражания. Жесткое управление людьми в такие моменты — один из самых эффективных способов прекращения паники.

Во-вторых, в случаях паники, как и массового стихийного поведения вообще, особую роль играет ритм. Стихийное — значит, неорганизованное, лишенное внутреннего ритма поведения. Если такого «водителя ритма» нет в самой толпе, он должен быть задан

¹ При подготовке раздела использованы материалы профессора Д. В. Ольшанского, 2002 г.

извне. Широкую известность приобрел случай, произошедший в 1930-е гг. после окончания одного из массовых митингов на Зимнем велодроме в Париже. Люди, кинувшись к выходу, начали давить друг друга. Однако в проеме лестницы случайно оказалась группа приятелей-психологов, которые начали громко и ритмично скандировать потом уже ставшее знаменитым: «Не-тол-кай!». Скандирование данного лозуга-приказа было мгновенно подхвачено большинством присутствовавших, и паника прекратилась.

Наблюдения и описания многочисленных эпизодов, связанных с панической толпой, позволили вычленить некий «усредненный» сценарий.

Шокирующий стимул, очень сильный или повторяющийся, вызывает испуг сначала у одного или нескольких человек. В толпе минимальный порог возбудимости обычно имеют женщины или дети, а в боевой ситуации — молодые и неопытные, не закаленные в сражениях солдаты. Их испуг проявляется криками — односложными фразами («Пожар!», «Танки!») или междометиями, выражением лиц и суетливыми телодвижениями.

Эти люди становятся источником, от которого страх передается остальным. Происходит взаимная индукция и нагнетание эмоционального напряжения через механизм циркулярной реакции. Далее, если не приняты своевременные меры, масса окончательно деградирует, люди теряют самоконтроль и начинается паническое бегство, которое кажется спасительным, хотя в действительности только усугубляет опасность.

Присутствие в толпе женщин и детей (о приоритетном спасении которых при массовой панике уже никто не думает) плохо еще и потому, что звуки высокой частоты — женские или детские крики — в стрессовой ситуации оказывают разрушительное влияние на психику. Кстати, по той же причине для противодействия панике, коллективной или индивидуальной, лучше служит низкий мужской голос, чем высокий женский. Напротив, провокации панического настроения среди неприятеля, вероятно, больше способствует визг атакующей калмыцкой конницы, чем мужественное «Ура!».

В очень редких случаях, когда шокирующий стимул необыкновенно силен, массовая паника может возникнуть сразу, без промежуточных стадий. То есть толпа опять-таки, подобно тому, как случилось в Калифорнии, как бы становится суммой насмерть перепуганных индивидов, но здесь уже срабатывает совсем другой механизм. В этих редчайших случаях паника перестает быть вторичным явлением и становится непосредственной, почти механической реакцией на стимул. Судя по описаниям, именно так произошло в Хиросиме среди тех, кто находился неподалеку от места ядерного взрыва, но не был сразу накрыт его волной.

Гораздо типичнее и практически важнее обратная ситуация. Когда люди ожидают какого-то страшного события, избежать которого невозможно, стимулом паники может стать словесное обозначение ожидаемого события или какой-либо другой знак, дорисованный воображением до ожидаемого источника страха.

В Первой мировой войне немцы начали применять на западном фронте газы — страшное оружие, против которого оказался бесполезным опыт бывалых солдат и предсмертные мучения от которого превосходили все виденное ранее. Это вызвало чрезвычайную напряженность в английских и французских войсках. Описан ряд фронтовых эпизодов, когда газов не применяли, но кому-то что-то казалось, и испуганный крик: «Газы!» обращал в бегство целые батальоны.

В. М. Бехтерев, ссылаясь на конкретные ситуации, отмечал, что в театрах или других многолюдных собраниях достаточно кому-нибудь произнести слово «пожар», чтобы возникла настоящая эпидемия страха и паники, которая молниеносно охватит все собрание и вызовет тяжелые последствия.

Столь же трагическими, сколь и наглядными иллюстрациями ко многим приведенным выше положениям изобилует начало Великой Отечественной войны. Лейтмотивом предвоенной пропаганды служил тезис о том, что Красная Армия будет вести войну только на чужой территории, так как капиталистические государства не посмеют на нас напасть: буржуазные правительства понимают, что их солдаты, дети рабочих и крестьян, повернут оружие против своих классовых врагов. На этом фоне мощное наступление фашистских войск в первые недели произвело настоящий шок.

В практическом плане чрезвычайно важно знать, что сразу после шокирующего стимула обычно наступает так называемый *психологический момент*. Люди оказываются как бы во взвешенном состоянии (оторопь) и готовы следовать первой реакции. Иногда она оказывается парадоксальной. Например, по фрейдовскому механизму противоположной реакции, человек может от испуга броситься навстречу опасности, и за ним последуют остальные.

Такие случаи, конечно, редки в общем массиве ситуаций коллективного страха. Тем не менее «психологический момент» — самый подходящий момент для перелома ситуации человеком или небольшой, но организованной группой лиц, готовых взять на себя руководство.

Меры по предупреждению массовой паники связаны с учетом ее предпосылок (факторов).

Если речь идет о сформировавшейся группе, нацеленной на работу в стрессовых ситуациях (политической партии или боевом подразделении, научной экспедиции или отряде спасателей и т. д.), то прежде всего следует уделять внимание *идейной и организационной подготовке к возможным опасностям*, обеспечению эффектив-

ного руководства и воспитанию лидеров, пользующихся высоким доверием. При отсутствии духовно-психологических предпосылок паники коллектив способен достойно встретить самые суровые испытания.

Но не всегда такая подготовка в принципе возможна, например, при массовых уличных мероприятиях, в которых участвует множество более или менее случайных людей. В таких ситуациях особое значение приобретает учет физиологических и общепсихологических факторов.

При высокой социальной напряженности, некомфортных климатических условиях или неоднозначном прогнозе синоптиков надо подумать о динамизме митинга или демонстрации, чтобы свести к минимуму утомление людей и связанные с ним неожиданности. Правоохранительной службе рекомендуется препятствовать проникновению в ряды демонстрантов нетрезвых людей и алкогольных напитков, предвидя возможность иррациональных реакций, особенно при вероятных провокациях.

Желательно избегать совпадения по времени с другими зрелищными событиями в городе (футбольный матч, карнавал и т.д.). В противном случае возможны, с одной стороны, переключение внимания, «перетягивание» значительной части толпы и превращение ее в окказиональную или экспрессивную, но не тогда, когда это запланировано организаторами. С другой стороны, вероятное столкновение толп (например, политическая демонстрация сталкивается с возбужденными болельщиками, вышедшими со стадиона) чревато трудно предсказуемыми последствиями.

Важно также предотвратить чрезмерную концентрацию людей, особенно по окончании массового мероприятия, поскольку и это может грозить большими неприятностями. Например, после футбольного матча рекомендуется устроить другие, менее значительные развлечения — состязание бегунов или юных борцов, розыгрыш лотереи, показ мультфильма на электронном табло и т.д., чтобы задержать часть болельщиков на трибунах.

Чрезвычайно важен учет общепсихологического фактора паники: прежде всего необходимо своевременно информировать людей о возможных опасностях и имеющихся способах противодействия. Последнее касается предупреждения как коллективной, так и индивидуальной паники.

Эмоциональное состояние и поведение человека при опасности в огромной степени определяются образом ситуации и, главное, представлением о своей роли в ней. Паника может возникнуть тогда, когда ситуация необычна и неожиданна, неизвестны способы преодоления опасности, отсутствует план действий и человек видит себя пассивным *объектом* событий. Но при наличии знания (сколь бы иллюзорно оно ни было) и программы действий (пусть и неадекватной) человек чувствует себя активным

субъектом — и психологическая ситуация решительно меняется. Образуется другая доминанта, внимание переключается со страха и боли на предметную задачу; в итоге же страх уходит совсем, а болевой порог значительно повышается.

Многokrратно апробированный прием сдерживания паники — *коллективное пение* хорошо всем известной ритмической песни. Действующая толпа аритмична и поэтому ритмический звук стимулирует превращение ее в экспрессивную или, в данном случае, препятствует превращению экспрессивной толпы в действующую (паническую). Но если для блокирования массовой агрессии применяются быстрые ритмы, то фактором противодействия панике служит более медленный размеренный ритм марша или гимна.

Такой ритм может сыграть позитивную роль и после того, как паника уже началась. Во всех случаях, конечно, желательно наличие соответствующей музыки и динамиков, но и при отсутствии таковых не следует отчаиваться.

В преддверии и на ранней стадии развития паники может быть очень продуктивно использован *юмор*. Известны яркие случаи, когда своевременная шутка снимала паническое напряжение, а выступление популярного юмориста решающим образом изменяло настрой массы. Часто это бывает связано с игрой слов и прочими языковыми двусмысленностями, которые трудно пересказывать на другом языке.

Обсуждая способы ликвидации возникшей паники, полезно вспомнить о том, что ранее говорилось про психологический момент. Известны приемы возвращения этого момента, который является наиболее подходящим для начала эффективного руководства.

Например, используется привычное стимулирование. Люди привыкли неподвижно застыть при исполнении национального гимна, и этот условный рефлекс может актуализоваться при громком включении первых же тактов.

Другой прием — вариант того, который хорошо известен врачам и особенно психотерапевтам, сталкивающимся с приступами истерии. Приступ может быть купирован резким внезапным событием: пощечиной, неожиданным громким звуком и т.д. Говорят, один психиатр использовал для этого очень правдоподобный муляж извивающейся змеи, которая неожиданно появлялась в его руке.

Сильное шоковое воздействие оказывается эффективным и при массовой панике. Например, выстрел в закрытом помещении способен произвести новую «оторопь», люди на секунду застывают — и становятся доступны для организационных мер.

Разумеется, все эти приемы предполагают наличие людей, не поддавшихся общему состоянию и готовых взять руководство на себя. Поэтому при правильной организации массовых мероприя-

тий должны работать специально подготовленные люди. Они не ходят поодаль от массы, не принимая участия в общих действиях, чтобы избежать эмоционального кружения, и вооружены музыкальными записями, динамиками и мегафонами. И главное — знаниями и опытом.

Сказанное касается грамотной организации митингов и демонстраций, но с определенными оговорками имеет и более масштабное значение. Когда появляются предпосылки к паническим состояниям в обществе, своевременное создание команды с участием специально подготовленных психологов, социологов и врачей может стать определяющим фактором в дальнейшем развитии событий. Стержневыми направлениями работы должны стать формирование *субъектного* отношения к ситуации, формирование взаимной социальной *ответственности*, а также *доверия* к центральным и местным властям: гражданину должно быть известно, как он защищен обществом и какие действия ему лично следует предпринять в стрессовой ситуации.

Разработка мероприятий по противодействию паническим настроениям в обществе — большая самостоятельная работа. В литературе приведены три правила индивидуальной безопасности в толпе; они предназначены для профессионалов, но знакомство с этими правилами может быть полезно всем.

Первое. Не лезь в толпу бесплатно (то есть когда не находишься на работе и не выполняешь задание; в общем случае: держись от толпы подальше).

Второе. Проникая в толпу, думай, как будешь из нее выбираться (то есть, не зная броду, не лезь в воду).

Третье. Оказавшись в толпе случайно, представь, что находишься на работе (то есть сосредоточься, не теряй голову, не поддавайся эмоциональному кружению и вспомни о том, чему обучен).

4.1.3. Работа со слухами

Важность работы со слухами обусловлена рядом обстоятельств.

Слухи — ценный источник информации об общественном мнении, политических настроениях, отношении к руководству, к государственному строю, к средствам массовой информации и т.д. Особенно возрастает роль этого источника тогда, когда иные методы сбора информации затруднены. Но даже при самой либеральной и благоприятной обстановке анализ циркулирующих в обществе слухов существенно дополняет картину, складывающуюся на основании более традиционных и, как правило, более прямолинейных методов. Люди не всегда склонны и готовы открыто делиться своими мнениями и не всегда отчетливо осознают свое настроение и отношение к политическим событиям.

Слухи часто служат *катализатором социально-политических настроений и событий*. Поэтому их учет помогает прогнозировать процессы в обществе и обогащает опережающую модель ситуации.

Циркулирующие слухи представляют собой *инструмент целенаправленного формирования настроений, мнений*, а соответственно *поведения людей* и вызываемых им политических событий. Таким образом, оперирование слухами — это дополнительный рычаг влияния на массы.

Для разработки *профилактических мероприятий* полезно обратиться к факторам возникновения слухов. Слухоустойчивая среда предполагает:

- высокую оперативность и регулярность официальных сообщений;
- неизменно высокую достоверность сообщений;
- систематическую и хорошо отлаженную обратную связь между источником информации и аудиторией для своевременного и по возможности опережающего реагирования;
- оптимальное эмоциональное насыщение жизни, распределение ролей и функций согласно индивидуальным способностям и наклонностям членов общества, исключая, по возможности, ситуации бессобытийности и неудовлетворенности личностным статусом.

На протяжении десятилетий практически испытывались различные рекомендации по пресечению циркулирующего слуха. Прежде всего — самая простая: прямое выделение и опровержение сюжета. При определенных обстоятельствах такой ход приемлем, но, к сожалению, не всегда; при неуместном употреблении он производит эффект бумеранга — слух тиражируется, и интенсивность его растет.

В 1980 г. в Польше произошел очередной всплеск антиправительственных настроений. Страну захлестнули рабочие забастовки, бурлила интеллигенция, общество наполнилось агрессивными слухами о воровстве и роскошной жизни руководителей государства и Польской объединенной рабочей партии (а также их родственников).

Журналисты, не сочувствовавшие руководящей партии, но работавшие в условиях жесткой цензуры, придумали остроумный прием. СМИ концентрированно пересказывали самые захватывающие сюжеты (у кого и где за рубежом имеются виллы, чья жена сколько проигрывает на уикендах в Монте-Карло и т.д.), сопровождая их комментариями в том духе, что все это, разумеется, «возмутительные слухи» и «бесстыдная ложь». Неуклюжая коммунистическая цензура пропускала подобные тексты, принимая их за агитацию в поддержку правительства. А журналисты, рядясь под простачков, прекрасно понимали, что интенсифицируют слухи и помогают расшатать коммунистический режим.

Игнорирование слуха также может привести к тому, что он, продолжая жить по своим законам, нанесет чувствительный ущерб. Неэффективными оказываются и беспредметные риторические опровержения.

Важно учитывать, что и запуск *контрслуха* (слух противоположного содержания) может быть опасен и почти наверняка усугубит обстановку. Здесь более уместна аналогия не с клином, который вышибается другим клином, а с волной, которая накладывается на прежнюю волну. Циркулирующий слух создает *психическую инерцию* (или *апперцепцию*), то есть сложившуюся установку на восприятие новой информации: последующие сведения преломляются через призму предыдущих.

Работа со слухами — процесс творческий, нет рекомендаций простых и однозначных на все случаи жизни. Для принятия эффективных мер надо адекватно оценить информационную обстановку, и прежде всего такой ее параметр, как *доверие к источнику*.

Если источник информации (политический, административный, профсоюзный лидер, журналист, газета, радио- или телеканал и т.д.) в данной аудитории пользуется высоким доверием, целесообразна *лобовая атака*. При этом без обиняков пересказывается сюжет слуха, самокритично объясняются его причина и повод и излагается альтернативная или более приемлемая версия.

Лобовая атака на слух контрпродуктивна, если нет уверенности в том, что наш источник в данной аудитории обладает непрекаемым авторитетом. Тогда уже нужно прибегать к более тонким приемам *фланговой атаки*, суть которой состоит в следующем. *Не упоминая никоим образом о слухе или его сюжете, находят информационные поводы для того, чтобы регулярно передавать сведения противоположного содержания.*

Эффективным инструментом оперативного противодействия слухам является *юмор*: веселая своевременная шутка для слуха подчас убийственнее, чем целая серия мероприятий. Само собой разумеется, что при этом также необходимо уделять предельное внимание мелочам, памятуя о психической инерции.

Об одном из руководителей региона в преддверии очередных выборов распространили слух, будто он построил себе роскошные дачи и виллы за границей. Он выступил по телевидению и заявил примерно следующее: «Вот фотография и адрес моей загородной дачи (дача не отличалась особой роскошью), она в полчаса езды от города, и каждый может на нее полюбоваться. Сейчас я публично и торжественно обещаю: тот, кто обнаружит еще одну дачу или виллу, в России или за рубежом, принадлежащую лично мне или кому-то из моих родственников, получит ее в подарок...»

В заключение обратим внимание на то, что борьба со слухом не тождественна его прямому или косвенному опровержению. Быва-

ют ситуации, когда лучший способ уничтожить слух — *подтвердить* его, тем самым отсечь от сюжета неизбежные наслоения и взять ситуацию под контроль. В противном случае, упрямо стремясь опровергнуть слух, мы рискуем нанести обществу еще больший ущерб.

В некоторых ситуациях используется *подкрепление слуха с коррекцией сюжета*. Это сродни приемам восточных единоборств, где искусство состоит в том, чтобы обратить в свою пользу силу противника.

Циркулирующие слухи способны порой нанести очень серьезный социальный и психологический ущерб вообще и ущерб конкретным лицам и делам в частности. Во многих случаях нормальное функционирование группы, организации, спокойная жизнь общества в целом, политическая успешность партий и лидеров зависят от умения предупреждать слухи и не терять голову при столкновении с ними.

4.1.4. Выявление террориста-смертника

В последнее время существенно возросло число терактов с использованием смертников. В арсенале средств террористы-смертники относятся к категории так называемого «оружия стратегического назначения», так как акции с их использованием приводят к многочисленным жертвам и всегда широко освещаются в средствах массовой информации.

Кроме того, использование смертников гарантирует, что атака состоится в наиболее подходящий для террористов момент, нет нужды готовить пути отхода, а также нет опасений, что преступник попадет в руки правоохранительных органов и выдаст сообщников, в том числе организаторов.

Расчет обычно делается на фактор неожиданности, которая достигается исключением шаблонности в тактике проведения акций, применением различных видов взрывных устройств, выбором наиболее подходящего места и времени проведения акции¹.

Применяются эффективные приемы маскировки. Так, чтобы усыпить бдительность сотрудников правоохранительных органов и беспрепятственно пройти к цели, женщины-террористки выдают себя за беременных, привлекаются и подростки. Могут использоваться лица с различными увечьями (без руки, ноги, глаза и т. п.). По замыслу организаторов террористических акций явно выраженные физические недостатки облегчают проникновение к местам совершения преступлений.

¹ *Галахов С. С.* Криминальные взрывы. — М., 2002; *Нечипоренко Г. А.* Взрывчатые вещества: основные характеристики и меры безопасности. — Челябинск, 2003.

Пополнению их рядов способствуют неблагоприятные социально-экономические условия (нищета, отсутствие перспектив, тяжелые жизненные обстоятельства). Определенную роль играют прославление и мифологизация их «подвигов», а также материальное вознаграждение родственникам террористов.

Для совершения террористических актов подбираются люди, не только преданные по идеологическим соображениям (делу джихада¹), но и попавшие в полную зависимость от полевых командиров, например из-за невыполнимых долговых обязательств. Особо доверяют тем, кто потерял близких родственников в ходе боевых действий и по обычаю кровной мести должен убить военнослужащего. Используют и хронически больных, в том числе с отклонениями в психике, но способных выполнить любое распоряжение.

Часто в качестве смертников используются глубоко верующие люди, совершившие какое-либо преступление и приговоренные шариатскими судами к казни. Их убеждают, что смерть в ходе выполнения диверсионно-террористической акции гарантирует полное искупление вины.

Значительную часть смертников составляют женщины, потерявшие мужей, детей, близких родственников.

Обезвредить террориста-смертника чрезвычайно сложно. После его выхода к месту совершения акции срыв ее становится практически невозможным, лишь в некоторых случаях удается минимизировать ее негативные последствия.

Зарубежными спецслужбами выработаны некоторые рекомендации.

1. Тщательная проверка всей сигнальной информации с целью обнаружения признаков возможной подготовки теракта и выявления террориста-смертника на ранней его стадии.

2. Оповещение всех заинтересованных служб при получении сведений о вероятном исполнителе акции, его максимально полное описание (фотография, фотокомпозиционный портрет), местонахождение, ожидаемые действия.

3. Присутствие в местах вероятного теракта оперативных групп правоохранительных органов. При этом им запрещается пользоваться звуковыми и световыми спецсигналами, которые могут попасть в поле зрения террориста.

¹ В понимании джихада существуют различные, часто противоположные точки зрения: от вооруженной борьбы за мировое господство ислама до созидательного труда и самосовершенствования верующих. Джихад (по-арабски — священная война, война за веру) — одно из важнейших предписаний ислама, предусматривающее использование любых средств, в том числе войны, для распространения мусульманской веры — большей частью понимается как священная война против неверных.

4. Не допускается применение тактики блокирования и ведения переговоров: фанатично настроенные, находящиеся в силу своего психического состояния в высоком нервном возбуждении, смертники не способны к восприятию рациональных доводов, и при возникновении контакта с представителями спецслужб, как правило, приводят в действие взрывные устройства, используя взрыватели мгновенного срабатывания.

5. Обезвреживание изъятых взрывных устройств производится только специалистами после эвакуации людей из зоны поражения и выставления оцепления (не менее чем 250 метров от опасного места).

6. Допускается применение снайперского огня на поражение непреложно установленного террориста в случае реальной возможности его гарантированной ликвидации и предотвращения таким образом теракта. После ликвидации террориста «зачистка» места происшествия производится с соблюдением всех мер предосторожности.

Интерпол рекомендует антитеррористическим подразделениям обезвреживать сначала всех подозрительных женщин, а уже потом браться за мужчин. Серьезное средство борьбы с террористами-смертниками — *перехват и контроль каналов связи* (с учетом языка, на котором могут вестись переговоры), используемых преступниками.

Мероприятия антитеррористического характера могут включать в себя *закрытие или временное прекращение работы объекта*, если нет уверенности в его надежной защите от планируемых террористами акций.

С учетом совершенных террористических актов на территории Российской Федерации и поступающих данных о возможной подготовке новых актов террора можно выделить признаки, свидетельствующие о возможной подготовке совершения террористической акции с использованием смертников.

Главным демаскирующим признаком террориста-смертника является наличие при нем взрывного устройства. Такое устройство крепится, как правило, на теле боевика (подозрительные выпуклости в районе пояса), но может использоваться и в качестве носимого объекта, замаскированного под бытовой предмет, детскую коляску и тому подобное.

Смертники — это, как правило, молодые мужчины и женщины 20—35 лет (чаще выглядят старше своих лет), иногда и подростки. Смертник имеет, в зависимости от стадии совершения преступления, отстраненный или, напротив, сосредоточенный взгляд, держится обособленно от других. Чтобы не привлекать к себе внимания, террористы-смертники стараются соответствовать окружению с точки зрения внешности и поведения. Для этого применяются различные способы маскировки: подбор одежды, как прави-

ло, неброской (в зоне проведения контртеррористической операции может использоваться также военная форма одежды), окрашивание волос и т. п. Известны случаи, когда мужчины переодевались в женское платье, пытаясь, не вызвав подозрений, максимально приблизиться к месту проведения теракта.

Профессиональных террористов-смертников не бывает, так как нельзя дважды совершить акт самоубийства. Если смертник или смертница не относятся к группе социопатов (психически нездоровой личности), то человек, намеревающийся совершить теракт, испытывает сильнейшую тревогу, страх, волнение, ненависть. Эти состояния можно фиксировать по динамике выражения лица, резким движениям, поворотам головы.

Характерной особенностью поведения подрывников зачастую является заметное возбуждение, сопровождаемое обильным выделением пота, а иногда и слюны, повышенным вниманием к окружающей обстановке и людям. Некоторые из них произносят молитвы с переходом на шепот при приближении посторонних лиц. Отличительным признаком может быть и несоответствие погоде верхней одежды, покроем которой позволяет скрыть на теле взрывное устройство. У женщин, как правило, длинное платье или юбка (возможно, черная), косынка на голове с узлом на затылочной части головы¹. Мужчины чисто выбриты (подготовка к обряду погребения), в безукоризненно чистой обуви. Если же взрывное устройство находится в пакете (сумке, рюкзаке и т. д.), то подрывник осторожно относится к переносимым вещам, обычно прижимает их к себе и периодически произвольно ощупывает.

Приводом детонатора взрывного устройства может служить шнур или провод, зажатый в руке или виднеющийся из-под складок одежды (рукава).

Взрыватели монтируются на груди или находятся в руках смертников. Иногда взрывное устройство к месту совершения террористического акта доставляют сообщники за несколько минут до совершения акции.

У террористов-смертников из числа иностранцев часто имеется татуировка на арабском языке «Смерть за веру».

В работе Б. И. Кофмана с соавторами² выделяются следующие основные признаки планирования террористической акции:

– проведение террористами разведки в местах возможного проведения террористических акций;

¹ Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы / под ред. О. Будницкого. — Ростов н/Д, 1996; *Щербаков Е.* Отщепенцы: Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. — 1998. — № 1; *Сердюк Л. В.* Насилие: Криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. С. Щербы. — М., 2002.

² *Кофман Б. И.* и др. Борьба с терроризмом: теория и практика. — М., 2005.

– появление лиц, в поведении которых усматривается изучение обстановки в близлежащем окружении объекта, повышенный или слабо мотивированный интерес к определенным аспектам в его деятельности;

– неоднократное появление подозрительных лиц у выбранных объектов и проведение ими фото- и видеосъемки, составление планов, схем и т. п.;

– необоснованное вступление в контакт с сотрудниками объектов и его охраны, выведывание у них режима работы, порядка доступа, обеспечения безопасности и т. д.;

– проникновение в подвалы и на чердаки многоэтажных зданий лиц, которые не имеют отношения к их техническому обслуживанию;

– приобретение грима и других необходимых аксессуаров для изменения внешности (накладных усов, париков, повязок и т. д.), а также частая, немотивированная смена верхней одежды;

– приобретение документов с новыми установочными данными;

– наличие документов, проверка по которым не дает информации, представляющей оперативный интерес;

– сообщение в органы власти, правопорядка ложной информации, отвлекающей силы и средства от планируемой террористической акции на объекте;

– изменение в поведении лиц, прошедших подготовку в лагерях боевиков, либо воевавших против федеральных сил или возвратившихся после обучения в зарубежных лагерях подготовки террористов, либо проходивших службу в частях специального назначения и обосновавшихся среди членов северокавказских землячеств, ваххабитских общин, в исламских учебных заведениях и коммерческих структурах;

– внезапное исчезновение лиц с вышеуказанными признаками из постоянных или временных мест проживания (регистрации);

– хвастовство в окружении ваххабитской общины и единоверцев о появлении крупных сумм денежных средств;

– выход на представителей зарубежных исламских коммерческих структур с просьбой о финансировании ваххабитской организованной деятельности;

– поиск лиц, способных за солидное вознаграждение выполнить малозначимую работу (передача пакета, свертка, посылки) в целях перемещения взрывного устройства к пункту проведения террористической акции.

Основные признаки изготовления взрывного устройства:

– знание лицом элементов и технологии изготовления взрывного устройства, попытки получения дополнительной информации у носителей таких знаний;

– внешне немотивированные контакты либо вербовочные подходы к лицам, имеющим соответствующие военно-учетные спе-

циальности или проходившим службу в частях специального назначения, со стороны членов северокавказских, арабских и исламских студенческих землячеств и лиц из ваххабитских общин;

- поиск возможности приобретения, закупка или наличие взрывчатых веществ, средств инициирования взрыва (детонаторы, чаще электрические) или компонентов, которые могут использоваться при изготовлении взрывного устройства, в т.ч. алюминиевой пудры, аммиачной селитры, а также штатных боеприпасов, включая артиллерийские, и стрелкового оружия;

- приобретение, наличие партий электронных часов различных систем и их доработка по усилению сигнала будильника;

- приобретение, изготовление таймеров, усилителей постоянного тока для исполнительной цепи взрывного устройства;

- приобретение, изготовление приемников (пейджеров) и передатчиков кодированных радиосигналов;

- сбор, закупка различных металлических предметов, которые можно использовать в качестве поражающих элементов (гаек, болтов, частей подшипников и т.п.).

Признаки подготовки транспортных средств для совершения террористического акта:

- приобретение автомобилей распространенных моделей, в т.ч. отечественного производства, а также малотоннажных грузовых или грузопассажирских автомобилей, в первую очередь поддержанных, без нотариального оформления на право использования;

- уклонение от переоформления приобретенных автомобилей в установленном порядке через подразделения ГИБДД;

- пренебрежительное отношение к техническому состоянию, а особенно внешнему виду приобретаемых устаревших моделей автомобилей;

- дооборудование приобретенных автомобилей различного рода тайниками, техническая доработка бензобаков и других технологических емкостей;

- установка на приобретенных автомобилях дублирующих, вспомогательных и временных систем, вызывающих сомнение в их необходимости (топливных, электрооборудования и др.);

- появление в местах массового сосредоточения людей (вблизи массивов жилых домов, школ, детских садов, спортивных и зрелищных объектов и т.д.) групп или одиночных припаркованных старых, поддержанных, имеющих крайне неприглядное эстетическое состояние автомобилей;

- необъяснимое замешательство, растерянность или испуг при внезапном появлении посторонних во время загрузки транспортного средства.

Психологическая подготовка террориста-смертника осуществляется, как правило, опытными специалистами. Сообщники постоянно следят за душевным состоянием исполнителя. Основны-

ми признаками психологической подготовки террористов-смертников являются:

- противопоставление молодежи родителям и людям старшего поколения в целях столкновения их друг с другом на основе противоположных взглядов, идеологии религии, отношения к формированию исламской государственности и отрицания светского образа жизни;

- пропаганда среди мусульманской молодежи идеологии пренебрежения к труду, физической работе, социальной справедливости;

- привитие чувства собственного ваххабитского достоинства и превосходства над лицами, исповедующими ислам другого толка;

- компрометация обычаев и семейных устоев по исламским традициям, привитие чувства неуважения к официальному мусульманскому духовенству, отрицание их учения в среде верующих;

- пропаганда упрощенного исполнения мусульманских обрядов (совмещение нескольких молитв, отрицание требований традиционной школы ислама) в ваххабитских общинах и джамаатах;

- навязывание (в том числе и методами физического давления) мыслей ухода от национального обычая и перехода на позиции «чистого ислама»;

- насаждение чувств безнаказанности за посягательство на имущество «неверных» (движимое и недвижимое), на жизнь и здоровье за нарушение норм Корана;

- призывы к проявлениям «джихада» с применением оружия, взрывчатых веществ, ядов;

- агитация к вытеснению славян из Северного Кавказа и к захвату их собственности силовыми методами.

Как показывает практический опыт, основными признаками передвижения террористов в пассажиропотоке являются:

- внимательное изучение обстановки на объектах всех видов транспорта, предназначенных для пассажирских и грузовых перевозок, стремление незаметно исчезнуть при появлении там нарядов милиции или военного патруля;

- применение различного рода ухищрений в аэропортах, авто- и железнодорожных вокзалах, речных и морских портах с целью уклонения от досмотра или снижения внимания досмотровых групп;

- необоснованные контакты и склонение работников гражданской авиации, железной дороги, речных и морских портов к оказанию помощи в проникновении на объекты или иному содействию в осуществлении актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспорта;

- похищение либо приобретение поддельных документов, дающих право посадки на самолет, речное, морское и железнодоро-

рожное средство, а также доступа к процессу их подготовки к эксплуатации;

- наличие неположенной по служебному положению форменной одежды сотрудников объектов транспорта;
- нервозность без видимых причин в период регистрации билетов, досмотра ручной клади и багажа;
- внезапное появление на пункте отправления транспортного средства и стремление скорее выехать в любом направлении;
- преднамеренное оставление вещей в местах сосредоточения пассажиров, в том числе и в самом транспортном средстве;
- сдача в камеру хранения вещей одним лицом, а получение другим;
- настороженность, нервозность и суетливость во время различного рода проверок сотрудниками милиции, подразделений безопасности и контроля;
- неприбытие на посадку после сдачи вещей в багаж, незапланированная высадка на станции, не являющейся пунктом назначения согласно проездному документу;
- нанесение во время движения транспортного средства различных пометок, условных обозначений на топографические карты, схемы и чертежи;
- проведение хронометража движения транспортного средства.

Задача установления организации подготовки террористов — сложнейшая, она требует углубленного изучения состояния гражданского населения, его социально-психологического, идейно-нравственного статуса. Приведенные рекомендации по распознаванию террориста-смертника требуют совершенствования, формирования особого направления поисков в психологической науке.

4.2. Психологическое сопровождение антитеррористической деятельности

4.2.1. Психическое состояние сотрудников в условиях антитеррористической деятельности

Деятельность сотрудников правоохранительных органов, выполняющих оперативно-служебные задачи в зонах экстремальных ситуаций, носит ярко выраженный боевой характер. Им приходится реально соприкасаться с военной активностью противоборствующих сторон.

Особый фактор служебной деятельности в районах чрезвычайного положения и вооруженных столкновений представляет опасность не только для здоровья, но и для жизни. Наряду с этим здесь действуют также факторы неожиданности, внезапности,

высокая вероятность возникновения непредвиденных событий и ситуаций. Неожиданность появления опасности усиливает ее психологическое воздействие.

Оперативно-служебная деятельность сотрудников в экстремальных условиях характеризуется повышенной моральной, психологической и физической нагрузкой. В большинстве случаев такая деятельность протекает в режиме *высокого психологического напряжения*. Служебные задачи выполняются непрерывно, в любых условиях. В ночное время оперативная обстановка вызывает ряд дополнительных трудностей в деятельности сотрудников, отрицательно воздействуя на их психику.

Оперативно-служебные задачи зачастую выполняются в отрыве от мест постоянной дислокации. Сотрудники нередко находятся в условиях ограниченной подвижности, монотонности и однообразия впечатлений от окружающей местности, охраняемых объектов. Недостаток ощущений и восприятий действует на них угнетающе, в результате чего снижается работоспособность, ухудшается память, внимание, снижается психологическая готовность к деятельности в экстремальных условиях.

Ритмы жизнедеятельности в этот период нарушаются, они определяются не естественными потребностями, а нуждами службы. Санитарно-гигиенические условия, организация быта, питания также значительно отличаются от привычных.

Происходит изменение ряда обычных способов удовлетворения потребностей досуга и общения, ограничены возможности психологической компенсации негативных условий деятельности.

Важнейшими факторами, оказывающими влияние на деятельность сотрудников при выполнении задач боевой службы в районах чрезвычайного положения, в условиях вооруженных конфликтов, являются наличие контактов с правонарушителями, противоречивое отношение местного населения к сотрудникам, необходимость действовать против враждебно настроенной части граждан своего же государства. Все это вызывает естественное внутреннее психологическое противоречие, нравственный конфликт с собственными убеждениями. Этот процесс, как правило, сопровождается отрицательными эмоциональными переживаниями.

Сотрудникам приходится участвовать в таких действиях, как проведение «зачисток» для выявления вооруженных боевиков в населенных пунктах и вне их, проверка паспортного режима и изъятие оружия у населения, деблокирование войсковых и милицейских нарядов, окруженных вооруженными бандитами, несение службы на контрольно-пропускных пунктах, участие в разведывательно-поисковых мероприятиях в населенных пунктах, на местности и др.

Служебная деятельность в таких условиях требует от сотрудников обеспечения предельной собранности, мобилизованнос-

ти, бдительности, активной работы мысли, уверенности в успехе, состояния эмоциональной уравновешенности. Чем слабее профессиональная подготовка, чем больше воздействие стрессогенных факторов на людей, тем больше внимания следует уделять психологической готовности сотрудников к оперативно-служебной деятельности в экстремальных ситуациях. Необходимо преодолевать как недооценку, так и переоценку сил и возможностей противоборствующей стороны, поэтому недопустимо расслабляться, пока не будет полной уверенности в безопасности. Нужны разумная осторожность, осмотрительность, умение предугадывать действия противника, превосходить его в решении профессиональных задач, чему и нужно постоянно учить сотрудников.

Изучение деятельности подразделений ОВД в сложной, опасной для жизни обстановке позволяет сделать вывод о том, что сотрудник чувствует себя уверенно, если возможная ситуация ему знакома по предыдущему опыту или учебе, если он обладает достаточно полными сведениями о том, что происходит, где находятся его боевые товарищи и что делают соседние подразделения. Психологическое значение такой информированности огромно, особенно при действиях ночью, в населенных пунктах, в горных условиях. Нехватка сведений, неадекватное их восприятие ведут к непониманию обстановки, а это — дополнительный источник грубых ошибок в деятельности командиров и их подчиненных (стрельба по своим, возникновение паники).

Таким образом, основными стрессогенными факторами для сотрудников правоохранительных органов в экстремальных условиях являются реальная угроза жизни, высокая напряженность труда и отсутствие полноценного отдыха, неопределенность и динамичность оперативной обстановки, пребывание в непривычных климатических условиях, постоянная готовность к отражению внезапного нападения, культурные особенности местного населения, длительная оторванность сотрудников от семей и плохое материальное обеспечение, бытовая неустроенность.

Основные психологические факторы, влияющие на деятельность сотрудников при выполнении служебно-боевых задач в экстремальных условиях приведены ниже¹.

1. *Фактор опасности.* Под опасностью следует понимать осознаваемую угрозу жизни, здоровью или благополучию. Чувство опасности может возникать не только по отношению к собственной жизни, но и в отношении подчиненных или взаимодействующих в деятельности людей. Сотрудник может испытывать опас-

¹ Салтрукович Н. Е. Психологическая подготовка курсантов военно-учебных заведений внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности в особых условиях: учеб. пособие. — Пермь, 2001.

ность перед реальностью потери оружия или боевой техники, без которых невозможно выполнение служебно-боевой задачи. Фактор опасности является основным (или первичным), определяющим психологическую специфику служебно-боевой ситуации.

При выполнении служебно-боевых задач *опасность* воспринимается как объективно существующее стечение обстоятельств или предметов, угрожающих жизни и здоровью. При этом она может быть реальной или мнимой.

Восприятие опасности зависит от индивидуально-психологических особенностей сотрудников: одни склонны преувеличивать степень опасности, другие — недооценивать. И то и другое при выполнении служебно-боевых задач в равной степени недопустимо, так как в экстремальных условиях опасность почти всегда реальна.

Ее непосредственное восприятие должно быть адекватным. Для этого опасность не должна застать неожиданно или вызвать чувство страха. Соответственно, в ходе психологической подготовки необходимо формировать у сотрудников способность реально оценивать опасность.

Неадекватное восприятие опасности ведет к профессиональным ошибкам, росту психологической напряженности, панике и в конечном счете к срыву деятельности.

2. *Фактор внезапности.* Внезапность — неожиданное для сотрудника изменение обстановки в ходе выполнения служебно-боевой задачи.

Рассмотрим психологический механизм воздействия этого фактора. Прежде чем предпринять что-либо для достижения поставленной цели, человек представляет последовательность своих поступков, действий, динамику внешних условий, создает определенную программу личного поведения. В этом случае исключаются автоматизированные действия. Ведь человек воспринимает внешние условия с точки зрения возможности достижения желаемой цели, вносит свои коррективы. Однако в процессе профессиональной деятельности условия могут измениться столь кардинально, что потребуются постановка другой цели и, соответственно, иной программы поведения. Сотрудник должен предвидеть изменения обстановки и обязан быть готовым к необходимости изменения программы своей деятельности.

Совершенно другое дело, если сотрудник не предусмотрел даже возможности возникновения условий, приводящих к необходимости изменения цели действий. Именно такая ситуация воспринимается как внезапность.

3. *Фактор неопределенности.* Под неопределенностью подразумевается отсутствие, недостаток или противоречивость информации о содержании или условиях выполнения служебно-боевых

задач, о противнике (преступнике, организованной преступной группе) и характере его действий.

Говорят, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять. И в первом (ситуация ожидания) и во втором (ситуация «погони») случаях присутствует значительный элемент неопределенности.

Степень интенсивности воздействия фактора неопределенности бывает различной и зависит от множества условий. Разнообразны и ситуации, в которых она возникает.

В служебно-боевой обстановке этот фактор присутствует всегда.

Отрицательное влияние неопределенности может уменьшаться, если сотрудники владеют психологическими приемами контроля эмоциональной напряженности.

4. *Фактор новизны средств и способов реализации деятельности в экстремальных условиях.* Новизна определяется опытом сотрудника и его знаниями.

Негативное влияние фактора новизны в служебно-боевых условиях частично можно уменьшить, если в процессе психологической подготовки сотрудники изучают реальный опыт действий других в подобных ситуациях. Такие занятия должны строиться не отвлеченно, а иметь вид детального разбора и психологического анализа служебно-боевой ситуации, ошибок, допущенных тем или иным специалистом, возможных вариантов развития обстановки и необходимых действий сотрудников. Особенно важны подобные мероприятия для руководителей всех уровней.

5. *Фактор увеличения темпа действий.* Под ним следует понимать способность сотрудника выполнить поставленную (или возникшую) задачу за счет сформированных ранее навыков и умений. Этот фактор реализуется в том случае, если резко сокращается время на выполнение необходимых для достижения цели действий. Такие ситуации в служебно-боевой обстановке возникают очень часто. Зачастую успех в этом случае определяется психологической готовностью, быстротой и слаженностью действий как отдельного сотрудника, так и подразделения в целом.

6. *Фактор дефицита времени.* Этот фактор возникает в условиях, при которых успешное выполнение служебно-боевых задач невозможно при увеличении темпа действий, а необходимо быстрое изменение самой психологической структуры деятельности. В этом случае речь идет не просто об увеличении темпа выполняемых действий, а в первую очередь об изменении их последовательности.

Наиболее характерным психическим состоянием, развивающимся под влиянием экстремальных ситуаций, является *стресс*. Этот термин объединяет большой круг вопросов, связанных с зарождением, проявлениями и последствиями экстремальных воздействий внешней среды, конфликтами, сложной и ответственной задачей, опасной ситуацией и т.д.

Термин «стресс» (от англ. *stress* — давление, напряжение) первоначально служил для обозначения неспецифической реакции организма («общего адаптационного синдрома») в ответ на любое неблагоприятное воздействие (Г. Селье). В физиологии, психологии и медицине термин «стресс» применяется для обозначения обширного круга состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия.

Любые воздействия стресс-факторов на живой организм вызывают реакцию, независимую от конкретного характера их воздействия, а именно — потребность в перестройке или адаптации. Стресс сопровождается активацией кровообращения, изменением содержания сахара в крови, усиленным потоотделением.

В современной научной литературе термин «стресс» используется по крайней мере в трех значениях.

Во-первых, это понятие может означать любые внешние стимулы или события, которые вызывают у человека напряжение или возбуждение. В настоящее время в этом значении чаще употребляются термины «стрессор», «стресс-фактор».

Во-вторых, стресс может относиться к субъективной реакции, и в этом значении он отражает внутреннее психическое состояние напряжения и возбуждения. Это состояние интерпретируется как эмоции, оборонительные реакции и процессы преодоления, происходящие в самом человеке. Такие процессы могут содействовать развитию и совершенствованию функциональных систем, а также вызывать психическое напряжение.

Наконец, *в-третьих*, стресс — физическая реакция организма на предъявляемое требование или вредное воздействие. Именно в этом смысле и В. Кеннон, и Г. Селье употребляли этот термин.

Наиболее точным можно признать определение стресса как *неспецифического физиологического и психологического проявления адаптационной активности при сильных, экстремальных для организма воздействиях*.

Для развития психологического стресса важным фактором является состояние мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой и когнитивной сферы субъекта деятельности, которые обуславливают субъективную, личностную значимость экстремальной ситуации, наличие готовности и возможности к ее преодолению, способность выбора рациональной стратегии поведения в этих условиях и т.д. (Наенко Н. И., 1976).

Психологический стресс как особое психическое состояние является своеобразной формой отражения субъектом сложной, экстремальной ситуации, в которой он находится. Специфика психического отражения обуславливается процессами деятельности, особенности которых в значительной степени определяются выбранными или принятыми ее целями, достижение которых побуждается содержанием мотивов деятельности.

В процессе деятельности мотивы «наполняются» эмоционально, сопрягаются с интенсивными эмоциональными переживаниями, которые играют особую роль в возникновении и протекании состояний психической напряженности.

Выделена также категория «эмоциональный стресс». Введение этого понятия определило тот объективный критерий, который позволяет обобщать огромное разнообразие внешних воздействий, ориентированных на человека с одной позиции — психологической сущности для определенного индивида. Тем самым выделяется первичный пусковой (причинный) фактор, определяющий последующее развитие эмоциональных реакций.

Во все периоды развития, формирования и выражения эмоционального напряжения или эмоционально-стрессовой реакции происходит определенная динамика вегетативных процессов. Вегетативная реакция опережает моторную и формируется вместе с акцептором будущего результата действия, поэтому при состоянии страха (в ситуации «угрозы») ответная реакция может быть весьма различной в зависимости от того, последует ли активно (побег) или пассивно-оборонительная (замирание) реакция. В период же ответной поведенческой реакции, обусловленной острым эмоционально-стрессовым воздействием, вегетативные сдвиги определяются и связаны главным образом с моторными процессами, их следствиями. Они теряют свою специфичность и могут быть полностью схожи с вегетативными проявлениями, наблюдаемыми при аналогичных действиях неземонального происхождения. Таким образом, характер вегетативных проявлений при эмоциональном стрессе в значительной мере определяется природой защитного процесса.

Изменение поведения при стрессе является более интегральным показателем характера ответа на воздействие, чем отдельные биохимические или физиологические параметры. Чаще доминирует форма поведения с повышением возбудимости, выражающаяся в дезорганизации поведения, утрате ряда ранее приобретенных реакций и т.п., поведение с преобладанием стереотипии (ответы не адекватны общей ситуации, не имеют приспособительного значения). При более умеренных степенях эмоционального напряжения изменения поведения касаются нарушения процессов научения, проявляются в нарушении психомоторной координации. Страдают качество восприятия, сложные формы целенаправленной деятельности, ее планирование и оценка.

Известно, что один и тот же стрессогенный стимул либо вызывает, либо не вызывает развитие стрессовой реакции в зависимости от ориентации человека по отношению к этому психологическому стимулу. Не само по себе воздействие как таковое является причиной последующей реакции организма, а отношение к этому воздействию, его оценка, причем негативная, основанная

на неприятии стимула с биологической, психологической, социальной и прочих точек зрения определенного индивида. Вредоносный стимул, если он не признается таковым личностью, не является стрессором. Не внешние, а внутренние психологические условия и процессы являются определяющими для характера ответного реагирования организма. Типы и формы этих реакций имеют индивидуальные, личностные черты.

Специфика состояний психической напряженности человека зависит от личностного смысла, целей его деятельности, доминирующих мотивов, оценки ситуации, *эмоционального фона*. Весьма интенсивная деятельность, требующая принятия разных решений в условиях необходимости, переработки больших массивов информации при определенном дефиците времени, то есть объективно стрессовая ситуация (типичная для психологического стресса) не приведет к развитию последствий, характерных для стресса, если личность находится в зоне эмоционального комфорта и объективное содержание деятельности совпадает с ее субъективным содержанием. Однако любая конфликтная ситуация, несоответствие целей и мотивов, субъективное рассогласование, порождающее эмоциональный дискомфорт, вносят в психическую напряженность тот элемент, который и порождает состояние психологического стресса со всеми его последствиями.

Длительные состояния психической напряженности положительного биологического или социального знака (радость встречи, решение трудной задачи, разрешение конфликта) не приводят к развитию стресс-реакции с ее деструктивными последствиями. В развитии психологического стресса ведущее значение имеют *отрицательные* эмоциональные состояния, перенапряжения, обусловленные отрицательными эмоциями, конфликтными ситуациями.

В широком смысле эмоциональный стресс понимается как реакция субъекта на «угрозу», которая воспринимается дистантно, вызывает соответствующее эмоциональное отношение к этому воздействию, что является запускающим процессом подготовки организма и личности к возможным последствиям.

Не «сила» стрессора, не его объективная качественная характеристика, не реальная ситуация окружающей среды как таковые, а оценка стимула, воздействия, ситуации, психологическая оценка сигнала как негативного, отвергаемого при невозможности избавления от него или неподготовленности стереотипизированных механизмов «избегания-защиты», является определяющим фактором для классификации последующей комплексной реакции организма как эмоционально-стрессовой.

Иначе говоря, эмоциональный стресс представляет собой реакцию субъекта на угрозу воздействия экстремального сигнала или ситуации, которая воспринимается и оценивается так (то есть как

угроза) с помощью механизмов психического отражения и сугубо индивидуально.

Следует отметить, что в качестве «угрожающего» может восприниматься не только реально стрессовая обстановка, но и ее символы или воображаемая ситуация, а также осознание отсутствия готовых программ деятельности в данной ситуации¹.

К каким же психологическим последствиям приводит деятельность в экстремальных ситуациях?

Во время войны в Корее и Вьетнаме от 30 до 45 % американских военнослужащих принимали наркотики или злоупотребляли алкоголем. Многие впоследствии становились зависимыми от них. По мнению ряда авторов, употребление психоактивных веществ позволяло комбатантам² временно справиться с психологическими проблемами и частично снимало частоту психических заболеваний. В первом периоде войны во Вьетнаме все психические расстройства составляли только 5 % от числа боевых санитарных потерь. Однако в последующем, когда война приняла затяжной характер, этот показатель возрос до 60 %.

Проблема роста *аддиктивного поведения*³ среди военнослужащих довольно остро стояла и во время военных действий французских войск в Алжире, в британских войсках в ходе фолклендского конфликта. Изучение опыта прежних локальных войн побудило израильских военных врачей сосредоточить усилия на повышении эффективности работы психиатров и наркологов среди военнослужащих.

Аддиктивное поведение и наркологическая патология, вместе взятые, в структуре психических расстройств заняли второе место после психогений. Аддиктивные расстройства явились большой и неожиданной проблемой для советских войск в Афганистане, так и не решенной в полном объеме за годы войны. В первые полгода службы 72,7 % военнослужащих начинали употреблять наркотики (гашиш, препараты опия или то и другое), причем 60,5 % — в первые три месяца; преимущественно в этот же период они направлялись на лечение. По-видимому, в большинстве случаев формированию аддиктивных расстройств способствовала не столько продолжительность стрессов, сколько их дестабилизирующее воздействие на лиц с недостаточностью защитных механизмов в период их адаптации к условиям службы в Афганистане. Для другой части военнослужащих, напротив, более патогенным оказалось пролонгированное стрессовое расстройство.

¹ А. В. Вальдман, 1979.

² Комбатанты — участники боевых действий.

³ Аддиктивное поведение — злоупотребление психоактивными веществами до того, как от них сформировалась физическая зависимость. Термин «аддиктивное поведение» означает нарушение поведения, а не болезнь.

Аддиктивные расстройства, формирующиеся в условиях боевых действий, в значительной части случаев имеют отчетливую стрессогенную природу. Интенсивное воздействие такой обстановки приводит к развитию этих нарушений у лиц с повышенной стрессоуязвимостью.

Аддиктивное поведение является вторичным по отношению к стрессовому расстройству и до определенного момента выполняет защитно-приспособительную функцию, блокируя на время углубление стрессовой симптоматики, предупреждая запуск более тяжелых регистров.

Ретроспективный анализ нервно-психического состояния у обследованных лиц позволяет расценивать пребывание в Афганистане как период нахождения в состоянии хронического эмоционального стресса вне зависимости от конкретных условий службы. Этому способствовала общая специфика афганской ситуации: длительная оторванность от Родины, непривычные географические, климатические, культурные условия, особенности взаимоотношений с местным населением, недостаток информации о реальной военно-политической ситуации, в которой оказались наши военнослужащие, ее динамичность и подчас трудная прогнозируемость, неопределенность понятия «противник», отсутствие четкого разделения фронта и тыла и т.д.

Большинство военнослужащих по-разному отмечали чувство постоянного напряжения, которое не покидало их даже в периоды, свободные от боевых действий. Отчасти такого рода психогенные переживания являлись причиной для эпизодического или систематического приема наркотических средств или алкоголя (без формирования клинических признаков алкогольно-наркотической зависимости).

Действуя с различной интенсивностью на протяжении всего периода службы в Афганистане, постоянная психотравматизация при взаимодействии с юношескими пластичными личностными структурами приводила к изменению жизненных ценностей, к появлению иных (сравнительно с «довоенной личностью») установок, что в совокупности способствовало выработке индивидуального способа адаптации к экстремальной ситуации, при котором употребление алкоголя и наркотиков (эпизодического характера) рассматривалось как естественная форма поведения в таких условиях.

После возвращения домой, в период ранней адаптации к мирным условиям, характерными были эпизоды массовой алкоголизации, которые, будучи психогенно обусловленными, сопровождались гротескными формами опьянения и выраженной эйфорией. В последующем формы употребления алкоголя и динамика алкогольной зависимости определялись характером и спецификой так называемого институционального взаимодействия (личность —

общество), личной переработкой и осмыслением афганского периода жизни, уровнем адаптации в социальной среде, степенью выраженности соматических и неврологических последствий войны и индивидуально-биологической предрасположенностью к развитию алкоголизма.

Развитие алкоголизма у ветеранов боевых действий является вариантом формирования зависимости на измененной в социально-психологическом и биологическом отношении нервно-психической почве. Тяжесть и скорость развития алкоголизма прямо пропорциональны выраженности и стойкости посттравматических стрессовых расстройств. Сложившийся за время службы определенный стереотип предполагает исключительно алкогольно-наркотическое реагирование на социально-стрессовые ситуации военного времени.

В период интенсивных боевых действий в Чечне в ситуации острого стресса с непосредственной угрозой для жизни развивалась продуктивная психопатологическая симптоматика тревожного радикала: с большой частотой встречались конверсионные расстройства, тревожно-эйфорическая симптоматика, установки на изменение ситуации, проекция переживаний в прошлое. Регрессия, таким образом, затрагивала преимущественно «низшие» слои психики — сенсомоторные, аффективные.

В условиях афганской войны, характеризовавшейся ситуацией хронического эмоционального стресса, потенциальной угрозы жизни, социальной изоляции, воздействия неблагоприятных природно-климатических факторов и истощения компенсаторных ресурсов, формировались более глубокие устойчивые личностно-характерологические изменения: состояние хронической тревоги, скрытое или явное заострение агрессивности, нарушение в сфере межличностных контактов. Преобладали мрачность прогноза, направленность тревоги в будущее, тенденция к сосредоточению на собственных проблемах, склонность к доминированию.

Напряженность, неподготовленность к деятельности в экстремальных ситуациях, недостаточность времени для отдыха, плохое питание и материально-техническое снабжение, отрыв от семьи — мощные факторы, которые, накапливаясь, вызывают отрицательные психические изменения (невротические реакции, агрессивность, апатия, суицидальные мысли) у определенной части сотрудников ОВД. Необходимо предупреждать такие изменения, пренебрежение ими может привести к необратимым последствиям, вызвать серьезные заболевания.

Данные, обобщенные в период участия органов внутренних дел в антитеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона, свидетельствуют о том, что основными проявлениями психической дезадаптации явились непсихотические психогенные расстройства, носящие разнообразный характер. Наи-

более типичными среди них были острые реакции на стресс, адаптационные невротические реакции и другие невротические расстройства.

Острые реакции на стресс характеризовались быстро проходящими непсихотическими расстройствами, которые возникали у сотрудников в ответ на экстремальную психическую и физическую нагрузку, как правило, в процессе выполнения сложной задачи, и спонтанно редуцировались спустя несколько часов. Эти реакции в своей структуре имели эмоциональные нарушения (страх, тревогу, подавленность или неадекватную возбужденность).

Адаптационные реакции выражались в легких, преходящих непсихотических расстройствах, которые длились дольше, чем острые реакции на стресс, — до 3—5 дней. Такие расстройства, как правило, обратимы и относительно ограничены в клинических проявлениях и могут повторяться при мысли о возможности вновь оказаться в подобной ситуации. Обычно эти состояния возникают в ходе или непосредственно после участия в активных действиях по пресечению массовых беспорядков, особенно в тех случаях, когда сотрудники были вынуждены применять оружие.

Изучение распространенности состояний психической дезадаптации среди личного состава ОВД в зависимости от сроков пребывания в районах чрезвычайного положения и вооруженных конфликтов свидетельствовало о значительном нарастании подобного числа случаев при длительном непрерывном нахождении в такой ситуации. При этом устойчиво снижалось количество лиц, у которых на момент обследования не выявились симптомы нервно-психических расстройств.

Наиболее подверженными эмоционально-стрессовому воздействию оказались руководящий состав (который был ответственен за принятие решений, жизнь и здоровье личного состава) и сотрудники ОВД, по тем или иным причинам не прошедшие психологический отбор и предварительную специальную профессиональную подготовку для выполнения задач в экстремальных ситуациях.

Руководящий состав, по сравнению с подчиненными, более тяжело переживал риск, связанный с опасностью для жизни. В наибольшей степени подверженными психологическому воздействию боевой обстановки оказались те, кто имел высокий уровень образования, был более старшего возраста, а главное, обладал большим количеством социальных связей (жена, дети, родственники на иждивении, престарелые родители).

Как показывает анализ деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях, многие из них, оказавшись в сложной оперативно-служебной обстановке, демонстрируют растерянность, особенно в опасных для жизни и здоровья ситуациях. Сотрудникам требуется какой-то срок для подавления страха, формирова-

ния умения различать опасные ситуации, предвидеть их развитие и последствия, строить в соответствии с этим свое поведение. Это время было бы значительно сокращено при условии систематической и сознательной работы по овладению профессиональной деятельностью в условиях, моделирующих психологические факторы реальной служебно-боевой обстановки.

Психическая напряженность, возникающая у сотрудников в экстремальных ситуациях, может явиться результатом воздействия любого из перечисленных выше факторов или их комплекса. Однако основным фактором, определяющим психологическую специфику служебно-боевых ситуаций, остается *фактор опасности*. Все остальные воздействия как бы преломляются через «призму опасности», одни при этом усиливаются, а другие ослабевают.

Находясь под интенсивным воздействием психотравмирующих факторов экстремальной ситуации, сотрудник ОВД может получить расстройства психики различной степени тяжести. Это, как правило, ведет к частичной или полной потере работоспособности. Причем количество сотрудников, пострадавших таким образом, оказывается достаточно большим (при длительном воздействии стресс-факторов — до 60 % от всего личного состава). Эта цифра может колебаться в зависимости от времени нахождения под воздействием стресс-факторов и их интенсивности.

По своим видам психогенные расстройства, связанные с выполнением служебно-боевых задач, аналогичны психогениям, возникающим в острых, опасных для жизни ситуациях (при стихийных бедствиях, катастрофах и т. п.).

Основным психотравмирующим фактором в таких условиях является, как было отмечено выше, фактор опасности. Чувство страха неизбежно присутствует в сознании каждого сотрудника в служебно-боевой обстановке. Один усилием воли подавляет его, а другой не умеет или не может сделать этого. Страх, осознание опасности для жизни и здоровья приводят к актуализации потребности в самосохранении. Ее сила во многом определяет поведение и деятельность личного состава при выполнении служебно-боевых задач. Чем сильнее потребность в самосохранении, тем сильнее страх, тем менее боеспособен сотрудник.

Причина психогенного расстройства чаще всего лежит в конфликте между сильной потребностью в самосохранении и невозможностью ее удовлетворения. Препятствиями к ее удовлетворению могут быть убеждения человека, осознанная необходимость выполнять служебно-боевые задачи, отношение к товарищам и т. п. У сотрудника, контролирующего свой страх, мотивы реализации служебно-боевой деятельности оказываются сильнее стремления к самосохранению. Но от этого *внутриличностный конфликт не разрешается и при определенных условиях неизбежно ведет к психогенному расстройству.*

Иначе говоря, деятельность в экстремальной обстановке никогда не проходит бесследно для психического здоровья человека. Вопрос только в степени тяжести и времени возникновения психогенных расстройств. По условиям и времени появления *психические расстройства*, связанные с выполнением служебно-боевых задач, принято делить на следующие группы.

1. *Психогении, возникающие вследствие получения психической травмы в относительно короткий промежуток времени* (практически в момент возникновения психотравмирующей ситуации) — неожиданный взрыв, рикошет пули, легкое ранение и т. п. Данная ситуация может привести к такому психологическому воздействию, при котором сотрудник оказывается в состоянии ступора и выпадает из процесса выполнения служебно-боевых задач.

Внешние *симптомы* психических расстройств, полученных непосредственно при выполнении служебно-боевых задач или при длительном пребывании в экстремальных условиях, бывают различными. Сотрудник, получивший психическую травму, может впасть в полную заторможенность, слабо реагировать на окружающую обстановку. Но возможна и обратная ситуация: проявление высокой двигательной активности, метания, крик и т. п. Нервное потрясение, которое в этот момент испытывает сотрудник, настолько сильно, что он временно теряет способность критически оценивать происходящие события, трезво мыслить о чем-либо. Впоследствии психическая травма может проявиться на соматическом уровне (плохое самочувствие, головные боли, расстройство желудка и т. п.).

Симптомы психических расстройств, вызванных высоким нервно-психическим напряжением непосредственно в ходе выполнения служебно-боевых задач:

поведенческие реакции — сильная дрожь, метание в поисках укрытия, состояние «паралича», детская эйфория после выполнения служебно-боевой задачи, апатия, заторможенность движений, слезливость, крики в сочетании с увеличенной активностью, обморочные состояния, раздражительность и злоба, пугливость, чрезмерная осторожность, бессвязное бормотание, буйство;

психические реакции — неспособность концентрировать внимание, частичная или полная потеря памяти, затруднение запоминания информации и удержания ее в памяти, чувствительность к шуму, нарушения логики, быстроты мышления и критического восприятия окружающей обстановки, ослабление воли, бессонница;

соматические реакции — ослабление зрения и слуха, частое мочеиспускание, расстройства желудка, затрудненное дыхание, нарушение циркуляции крови (анемия ступней ног и кистей рук, сильное напряжение мышц, учащенное сердцебиение, давящие

боли в области сердца и грудной клетки, боли в пояснице, боли от хирургических шрамов, старых ран).

Приведенный перечень симптомов является далеко не исчерпывающим. В каждом случае конкретные проявления психогений экстремальных условий служебно-боевой деятельности во многом зависят от их характера, индивидуально-психологических и групповых особенностей сотрудников.

2. Ко второй группе относятся *психогении*, развивающиеся относительно продолжительное время под воздействием слабых, но постоянно действующих психотравмирующих факторов.

Накопление психического напряжения происходит как бы постепенно, иногда незаметно для сотрудника. К этому случаю применим термин «*боевое изнурение*», обозначающий расстройства психики, которые вызваны продолжительным пребыванием сотрудника в экстремальных условиях служебной деятельности.

Поведение человека, получившего такое психогенное расстройство, сильно изменяется. Он может стать замкнутым, угрюмым, грубо реагировать на обращения к себе со стороны товарищей. Часты случаи, когда сотрудники без достаточных на то причин начинают кричать друг на друга, ссориться, проявлять признаки агрессии. Общение посредством криков постепенно становится нормой поведения. Внезапные вспышки гнева, агрессии могут сопровождаться соматическими реакциями (головной болью, ощущением разбитости во всем теле, головокружением, тошнотой и т. п.), высокой двигательной активностью, за которой быстро следуют истощение и апатия.

Иногда психические расстройства второй группы проявляются несколько по-иному. Даже те сотрудники, которые имеют солидный боевой опыт, могут внезапно ощутить сильные приступы страха перед выполнением новой служебно-боевой задачи, становятся излишне осторожными, склонными к «ритуальному» поведению.

3. В отдельную группу можно выделить так называемые *посттравматические стрессовые реакции (ПТСР)*. К основным симптомам таких расстройств относятся¹:

– повторяющиеся сны и навязчивые воспоминания о психотравмирующих событиях, которые иногда ассоциируются с какими-либо поступками, событиями и т. п.;

– стремление избегать мыслей, переживаний, действий, ситуаций, которые могут напомнить о психотравмирующих обстоятельствах; неспособность воспроизвести в памяти события, сопутствующие психотравмирующей ситуации; потеря интереса к значимым ранее формам жизнедеятельности (например, к спорту,

¹ Котенев И. О. Психологическая диагностика постстрессовых состояний: метод. пособие для практических психологов. — Пермь, 1998.

увлечению); ощущение «укороченного будущего»; неспособность к сопереживанию с другими людьми, к семейной жизни;

– трудности засыпания и нарушения сна, вспышки гнева и агрессии по отношению к другим людям или предметам, ослабление памяти и трудности в конкретизации внимания, постоянная повышенная настороженность.

Психологическая незащищенность участников боевых действий обусловлена, по меньшей мере, двумя группами факторов: 1) противоречивым отношением общества к проведению антитеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона с явно недостаточным уровнем оказываемой медико-социальной помощи и 2) индивидуально-личностными изменениями, являющимися следствием непосредственного участия в этих событиях.

Исследования, проведенные МВД России¹, показали, что распространенность психогенных реакций и состояний имеет четкую корреляцию с длительностью пребывания сотрудников в экстремальных условиях.

Даже один выезд в район боевых действий приводит к увеличению в два раза числа обращений сотрудников к врачам по поводу психической патологии, по сравнению со средним уровнем за последние три года. Последующие командировки еще более негативно отражаются на психическом здоровье личного состава: после четырех выездов и более общая заболеваемость достигает 400 % от среднего значения. Увеличение продолжительности командирования до шести месяцев приводит к трехкратному росту общей заболеваемости психическими расстройствами среди выезжавших сотрудников.

Можно также отметить, что по негативному влиянию стрессогенных факторов на развитие болезненных состояний продолжительность командирования играет более существенную роль, чем частота выездов. Среди сотрудников, командировавшихся 2—3 раза на 1—3 месяца, общая заболеваемость психосоматическими расстройствами в 2 раза ниже, а психическими расстройствами — в 1,5 раза ниже, чем среди сотрудников, выезжавших один раз на шесть месяцев.

Анализ отклонений в состоянии здоровья сотрудников, выполнявших оперативно-служебные задачи в «горячих точках», с использованием методологических подходов теории стресса и адаптации также показал существенное накопление у них пограничных нарушений и состояний, которые при отсутствии сформированного клинического диагноза выпадают из поля зрения клинической медицины и не являются основанием для проведения ле-

¹ Материалы научно-практической конференции «Современная боевая травма. Актуальные вопросы диагностики и лечения». — М., 2001.

чебных процедур. В большинстве случаев такие сотрудники после соответствующего отпуска, оздоровительная направленность которого из-за низкого уровня организации вызывает сомнения, продолжают выполнять служебные обязанности.

В связи с недостаточной адресностью медико-психологической помощи, прицельностью и организованностью реабилитации, отсутствием системы оценки эффективности этих мероприятий среди сотрудников после каждого командирования в «горячие точки» нарастают негативные медико-социальные последствия. Число неадекватных внешне агрессивных поведенческих реакций у этих сотрудников увеличивается более чем в три раза при четырех и более выездах и в четыре раза после одного выезда на шесть месяцев.

Практически в экспоненциальной зависимости возрастает число случаев аддиктивного поведения среди сотрудников. После четырех командирований число этих пагубных проявлений в несколько раз превышает последствия одного выезда. В информационных материалах прогнозировалось перенесение алкогольного стиля реагирования, формирующегося у участников боевых действий в «военный» период, на любые социально-стрессовые ситуации¹. Не были ясны только конкретные масштабы этого явления.

Нарушения психологической адаптации у сотрудников, которые проявляются в различных формах отклоняющегося поведения, создают серьезные проблемы в их личной жизни и на работе. Например, увеличение числа разводов среди этих сотрудников, пропорциональное числу выездов длительностью до трех месяцев в регион с особыми условиями оперативно-служебной деятельности. Наиболее неблагоприятное воздействие на этот показатель социальной дезадаптации оказывает длительность командирования — наибольшее число разводов (3,8 на 100 сотрудников) отмечается после однократного выезда на шесть месяцев.

Пропорционально числу выездов сотрудников в район боевых действий растет и количество увольнений со службы. После 2—3 выездов их число увеличивается в два раза, после четырех и более выездов — в три раза. А вот длительность выезда на этот показатель влияет в меньшей степени. Число увольнений после однократного командирования на 1—3 месяца сопоставимо с числом увольнений после командирования на шесть месяцев.

Очевидно, что приведенные статистические данные диктуют необходимость разработки эффективных мероприятий по снижению отрицательных последствий выполнения оперативно- служеб-

¹ Аналитический обзор о деятельности. — М., 2002; Методические рекомендации по выявлению аддиктивного поведения у лиц, поступающих на службу в органы внутренних дел и учебу в образовательные учреждения системы МВД России. — М., 2002; и др.

ных задач в особых условиях. Динамика нарастания негативных тенденций среди личного состава от командирования к командированию указывает на неспособность многих участников контртеррористической операции самостоятельно справиться с последствиями боевого стресса и недостаточность принимаемых в настоящее время мер по психологической реабилитации между выездами.

Психологическая служба должна быть готова к росту случаев аддиктивного поведения и психогенных отклонений в состоянии здоровья как среди кандидатов на службу, так и среди личного состава.

Отрицательное влияние экстремальных условий деятельности на психику сотрудника не исчерпывается тем, что он может получить психическое расстройство. Сложные условия служебно-боевой деятельности сказываются прежде всего на ее эффективности.

Чрезмерное психическое напряжение у сотрудников при выполнении служебно-боевых задач замедляет их реакцию, ухудшает внимание и память, вызывает неоправданную осторожность, что, в свою очередь, ведет к возрастанию количества ошибок в действиях и операциях, а иногда полному срыву деятельности, разрушению ее психологической структуры. Сотрудник как бы «выпадает» из общего согласованного режима действий. Это особенно губительно там, где служебно-боевая деятельность носит групповой характер. Внешне срыв деятельности может проявляться в чрезмерной суетливости движений, чаще всего не обдуманных, в «лавинном» нарастании ошибок.

Срыв деятельности — это всегда предпосылка к возникновению паники и других отрицательных психологических явлений при выполнении служебно-боевых задач.

В научных исследованиях, посвященных проблемам стресса, непрерывно растет интерес к изучению вопросов взаимосвязи личностных особенностей как с характером стрессовых реакций, их типом и интенсивностью, так и с определенными формами нарушения здоровья.

Известно, что реакция человека на экстремальные воздействия, восприятие и оценка этого воздействия как вредного, нежелательного фактора обуславливаются врожденным комплексом свойств индивида, сформировавшихся в процессе развития и деятельности личности в определенной среде. От этих свойств личности зависит тип индивидуально-психологической реактивности в той или иной ситуации, характер доминирующих поведенческих реакций в условиях эмоционального стресса.

Бесспорно, что возможность активного психического регулирования своей деятельности имеет большое значение для человека, однако это не исключает роли природных факторов, влия-

ющих на характер поведения и результативность деятельности. Особенно существенна роль природной основы личности в психологических реакциях индивида на экстремальное воздействие. В. Д. Небылицин (1976) характеризует эти качества как *индивидуальные пределы* допустимых интенсивностей биологических процессов, в рамках которых еще возможно приспособление и адекватное осуществление психических функций. Известно, что лица эмоционально реактивные показывают статистически значимое ухудшение тестовых показателей тогда, когда условия деятельности приближаются к экстремальным (Наенко Н. И., 1976). У экстравертов при стресс-воздействиях тормозные процессы развиваются более быстро и нормализуются медленнее, чем у интровертов.

В то же время именно особенности взаимосвязи характеристик эмоциональной реактивности и личности, роль личностной детерминации в развитии стресса являются наименее изученными вопросами и привлекают к себе повышенное внимание.

Формы ответного реагирования вырабатываются личностью через процессы оценки, предвидения, решения, приспособления. Они различаются по скорости и продолжительности развития и находятся в зависимости от индивидуальных психологических и нейрофизиологических характеристик личности. Всем этим и определяется индивидуальный характер психологического реагирования разных индивидов в стандартных эмоционально-стрессовых ситуациях.

С позиции оценки оперативной способности человека в эмоционально-дезорганизирующей ситуации (то есть в условиях «острого» эмоционального стресса) огромное значение принадлежит способности данного человека осуществлять сложные, специализированные виды деятельности вопреки эмоциогенным помехам. Это зависит от типологической характеристики личности, способности ее к эмоциональной изоляции от всего «внеконтекстуального», к подавлению возникающих психологических помех, к устойчивости по отношению к различным ситуационным изменениям.

Особенности проявления эмоционального стресса определяются экстремальностью воздействия. Но само понятие экстремальности, как было отмечено, должно определяться не в физических параметрах внешнего стимула, а в психологических категориях предела личностной психической адаптации к этому воздействию.

Таким образом, психофизиологический механизм возникновения и развития психологического стресса определяется индивидуальными особенностями организации нейродинамических систем мозга, личностными психофизиологическими категориями и уровнем неспецифических адаптационных элементов центральной нервной системы (В. А. Бодров).

В триаде «личность — стресс — заболевание» состояние стресса выступает тем фактором, который, с одной стороны, детерминируется определенными чертами личности и влияет на особенности их проявления, а с другой стороны, может явиться этиопатогенетическим фактором развития ряда заболеваний или же выступать в форме психического отражения особенностей проявления болезни. Такая взаимосвязь сохранится и в том случае, если в этой схеме вместо заболеваний представить такие факторы риска (с точки зрения возможности развития патологии), как курение и склонность к алкоголизму.

Отмечается, что личность объединяет индивидуальные стили защиты от тревоги, разрешения психологических конфликтов, и в этом заключается ее предназначение, функция — защита индивида от социальных и биологических потрясений, сохранение его индивидуальности.

В качестве средств профилактики психических перегрузок и профессионального «выгорания» для сотрудников в последние годы активно рекомендуется прохождение в рамках психологической подготовки тренинга по совладающему (копинг) поведению¹. Способность преодолевать стресс в большинстве случаев более важна, чем природа и величина стресса, частота его воздействия. Это явилось теоретической основой для развития *транзактивной когнитивной теории стресса и копинг-поведения* R. S. Lazarusa (1966, 1968).

В отечественной психологии копинг-поведение рассматривается как осознанное рациональное поведение, направленное на устранение стрессовой ситуации. Оно зависит от трех факторов — личности субъекта, реальной ситуации и условий социальной поддержки — и может проявляться на поведенческом, эмоциональном и познавательном уровнях функционирования личности. Основные функции совладания — обеспечение и поддержание внешнего и внутреннего благополучия человека.

В теории копинг-поведения большее значение имеют механизмы преодоления стресса, определяющие развитие различных форм поведения, приводящих к адаптации и дезадаптации личности. Копинг-поведение имеет две функции: фокусирование на проблеме, обеспечивающее разрушение стрессовой связи личности и среды, и фокусирование на эмоциях, направленное на управление эмоциональным дистрессом.

В результате теоретических и экспериментальных исследований было определено, что для совладания со стрессом на основе имеющегося личностного опыта и психологических резервов (личностные ресурсы или копинг-ресурсы) каждый человек использует

¹ Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. — СПб., 2001. — С. 267 — 282.

собственные стратегии (копинг-стратегии). Поэтому стресс-преодолевающее поведение стали рассматривать как результат взаимодействия копинг-стратегий и копинг-ресурсов. *Копинг-стратегии* — это способы управления стрессором, возникающие как ответ личности на воспринимаемую угрозу. *Копинг-ресурсы* — относительно стабильные характеристики людей, способствующие развитию способов совладания с ним.

В настоящее время поведенческие копинг-стратегии подразделяются на активные и пассивные, адаптивные и дезадаптивные. К активным стратегиям относят стратегию «разрешение проблем» как базисную копинг-стратегию, включающую все варианты поведения человека, направленные на разрешение проблемной или стрессовой ситуации, и стратегию «поиск социальной поддержки», включающую поведение, направленное на получение социальной поддержки от среды. Пассивным копинг-поведением называют варианты поведения, включающие базисную копинг-стратегию «избегания», хотя некоторые формы избегания могут носить и активный характер.

Таким образом, к личностно-средовым адаптивным ресурсам (копинг-ресурсам) относят уровень когнитивного развития, «Я-концепцию», locus контроля, эмпатию, аффилиацию, способность оказывать и воспринимать социальную поддержку, наличие социально-поддерживающей сети и ее эффективность, а также психологические особенности личности, обеспечивающие стрессоустойчивость.

Преодолению психологических трудностей, как правило, способствуют: высокое интеллектуальное развитие; уровень социальной адаптации сотрудника; такие личностные качества, как чувство долга, способность к гибкому реагированию, пунктуальность, развитые навыки социального взаимодействия и т. п.

4.2.2. Психологический отбор, формирование подразделений и организация психологической подготовки

Психологический отбор сотрудников, направляемых для выполнения задач в экстремальных условиях, организуется в подразделениях и службах начальником органа или подразделения совместно с его заместителями и психологами. При отсутствии медико-психологических или иных противопоказаний к командировке психологический отбор и комплектование подразделений проводятся в соответствии с предъявляемыми к сотрудникам и военнослужащим профессиональными требованиями.

Непосредственный руководитель совместно с психологом подразделения готовит на каждого сотрудника служебно-психологи-

ческую характеристику, которая передается в центры психодиагностики и в службу, формирующую подразделение.

Для всего командного состава важно, а для прямых начальников обязательно наличие опыта работы с людьми. В большей степени, чем рядовой состав, руководитель должен иметь опыт работы в экстремальных ситуациях.

Кандидаты на должности руководящего состава и командира формируемого подразделения проходят углубленное психодиагностическое обследование, при котором оцениваются лидерские способности, психологическая готовность к действиям в экстремальных условиях, коммуникативные навыки.

Важнейший критерий отбора в подразделение — это *добровольность*. Согласие кандидата формируется в повседневной работе с сотрудниками, беседах и во время проведения служебных занятий. Комплектование подразделения должно проходить с учетом *специфики деятельности и уровня профессиональной подготовленности* сотрудников. Это необходимо для формирования нарядов, предназначенных для выполнения специальных задач.

Рекомендуемый профессиональный стаж командироваемых для выполнения служебно-боевых заданий сотрудников — не менее двух лет. У большинства личного состава должен быть *опыт работы в экстремальных условиях*, наличие в профессиональной автобиографии острых, стрессовых ситуаций, например, участие в захвате особо опасного преступника, освобождение заложников, работа с людьми, получившими тяжелые ранения, жертвами насилия или убийства и т. п. При этом у таких кандидатов обязательно учитывается степень выраженности посттравматической стрессовой симптоматики.

При комплектовании сводного отряда милиции (СОМ) необходимо, чтобы не менее 60 % сотрудников были из одного подразделения. У командироваемых должны отсутствовать взыскания или их наличие не должно увязываться как командирами, так и самим сотрудником с предстоящей командировкой. Перед отправкой личного состава необходимо выяснить характер взаимоотношений в их семьях. Включать в состав подразделения лиц, склонных к злоупотреблению спиртными напитками, запрещается.

Неблагоприятные для командировки обстоятельства: развод, затяжные конфликты в семье, ситуация, близкая к разводу, самовольный уход детей из дома, предродовое состояние жены, тяжелая болезнь близкого человека, которому требуется постоянный уход, резко отрицательное отношение близких родственников к предстоящей командировке и т. д. В этих случаях должны быть приняты меры по исправлению создавшегося положения.

В формируемое подразделение обязательно должен быть включен психолог или врач с психологической подготовкой.

Психодиагностическое обследование по отбору кандидатов проводится в специализированных центрах психологической диагностики с участием практических психологов. На этапе ознакомительной беседы с сотрудником оценивается степень выраженности таких черт характера, как импульсивность, агрессивность, неуравновешенность, потому что нежелательными проявлениями этих черт могут быть невыдержанное поведение, эмоционально-волевая неустойчивость в стрессогенных ситуациях, немотивированная агрессия и др.

С этой целью в беседе с кандидатом необходимо выявлять признаки, которые чаще всего сопутствуют описанным проявлениям и к числу которых относятся следующие комплексы показателей.

1. Особенности биографии:

- наличие у близких родственников тяжелых психических заболеваний, случаев суицида;
- приверженность некоторым фундаменталистским религиозным течениям или принадлежность к каким-либо религиозным сектам;
- пережитые ранее психические травмы (ранняя, трагическая потеря близких, родственников, пребывание в качестве заложника, гибель на его глазах друзей, детей и т.п.);
- участие в военных действиях;
- воспитание в неполной семье (особенно отсутствие отца), у бабушки и (или) у бабушки, в детском доме.

2. Внешние признаки:

- тремор кистей рук, мышц шеи, очень подвижная мимика лица, резкие неадекватные движения рук, чрезмерная скованность, потливость, резкие перепады настроения, частое изменение цвета лица;
- желтоватые белки глаз, часто изменяющиеся размеры зрачков, тусклый цвет и одутловатость лица, нездоровый румянец щек, «мешки» под глазами, покраснение или синюшность в области кожных покровов носа, желтизна кожи, желтые пальцы;
- татуировки на теле, следы глубоких ран, порезов, мозоли на запястьях.

3. Поведенческие и речевые особенности:

- наличие категорических, резких суждений (например, «я всегда», «никогда», «очень хороший», «никуда не годится» и т.п.);
- частый уход в разговоре на темы экстрасенсорики, НЛО, дистанционного влияния одних людей на других;
- явно поверхностный анализ фактов, событий, отсутствие системности в изложении материала, необоснованность выводов и заключений, неспособность понять переносный смысл шуток, пословиц, «вязкость» в общении;
- чрезмерная обидчивость из-за явно незначительных поводов;

- бессмысленное упрямство, конфликтность, попытки любыми способами обратить на себя внимание, цинизм, злобность;
- при попадании в неудобное положение — увеличение логически незавершенных выражений, возрастание количества слов-«паразитов», колебание темпа речи, снижение полноты и адекватности восприятия речевой информации, что в результате приводит к выраженным неадекватным речевым и поведенческим ответным реакциям.

Наличие этих проявлений у кандидата не является основанием для окончательного вывода о его пригодности к службе в подразделении, а служит предпосылкой для более углубленного изучения его личности.

Необходимо выделить *набор требований к личности кандидата* для участия в антитеррористической операции. Сюда можно отнести следующие психологические профессионально важные качества.

1. Коммуникативные качества:

- умение быстро устанавливать контакты с представителями других национальностей в условиях ограниченного владения языком;
- умение налаживать эффективные деловые партнерские отношения;
- способность к эмпатическому восприятию лиц других национальностей;
- отсутствие национальной неприязни, учет культуральной специфики местного образа жизни и пр.;
- тактичность — склонность к компромиссному и конструктивному поведению в ситуации конфликта (отсутствие соперничества и желания во что бы то ни стало настоять на своей точке зрения).

2. Интеллектуальные качества:

- хорошая общеобразовательная подготовка;
- быстрая обучаемость;
- достаточный уровень психической выносливости;
- гибкость мыслительных процессов;
- повышенный уровень произвольного внимания и наблюдательности;
- умение прогнозировать последствия своего поведения;
- отсутствие эмоциональной деструкции;
- выраженные способности к анализу и обобщению информации;
- умение принимать правильные решения в ситуации дефицита времени и неполной информации;
- умение выбирать оптимальную тактику действий.

3. Эмоциональные особенности:

- умеренная эмоциональная лабильность;

– способность к самоконтролю в ситуации повышенного нервно-психического напряжения.

4. Личностные особенности:

- отсутствие тревожно-мнительных черт;
- активность личностной позиции;
- высокая поисковая активность;
- упорство и гибкость в достижении цели;
- дисциплинированность (ориентация на сознательное выполнение инструкций с учетом меняющейся обстановки);
- отсутствие импульсивности в высказываниях и поведении;
- умеренный уровень агрессивности.

5. Мотивационно-ценностные особенности:

- интерес к культуре и местным обычаям;
- гуманистическая направленность;
- достаточный уровень профессиональной заинтересованности.

6. Функциональное состояние организма:

- хороший общий уровень физического состояния организма;
- отсутствие отклонений в деятельности сердечно-сосудистой системы;
- отсутствие соматических заболеваний.

Как уже отмечалось, подавляющая часть психических расстройств, выявляемая у сотрудников органов внутренних дел, относится к пограничным психическим состояниям, а среди них — к невротическим нарушениям.

В настоящее время в психологии существует большое количество объективных диагностических методов, позволяющих решать задачу изучения психологических особенностей человека.

Тесты, предлагаемые для обследования кандидатов, помимо стандартных психометрических (валидность, надежность и пр.), должны соответствовать следующим требованиям:

- быть достаточно компактными и удобными для применения в условиях групповых обследований;
- включать в себя существующий в настоящее время стандартный набор психодиагностических методик.

Исходя из сформулированных выше требований к психодиагностическому инструментарию для отбора кандидатов, определен ряд *методик*, которые, согласно традициям, в психологии компонуется в три группы:

- методики, направленные на изучение индивидуально-психологических особенностей личности: СМЛ, МИС — методика исследования самоотношения, КОТ — краткий отборочный тест, методика сложной аналогии, методика выделения существенных признаков, методика «воспроизведения текста», тест Сонди, счет по Крепелину, корректурная проба Бурдона;
- методики, направленные на изучение социально-психологических особенностей личности, в том числе особенностей поведе-

ния в конфликтных ситуациях (тест Лири, тест Томаса, тест «рисунок несуществующего животного»);

– методики, направленные на изучение мотивационно-ценностных структур личности, в том числе мотивов участия в антитеррористических операциях (методика «неоконченное предложение», методика изучения ценностных ориентаций — МИЦО).

Результаты психодиагностического обследования сотрудников органов внутренних дел не могут отражать точную нозологическую принадлежность к психическому заболеванию, а являются лишь дополнительным ориентиром в плане выявления «слабого» места в личностной структуре обследуемого.

Суждения о психических нарушениях, построенные на основе данных психодиагностического обследования, должны носить предположительный (вероятностный) характер и в дальнейшем сопоставляться с данными, полученными с помощью других методов.

Оценка резервных возможностей кардиореспираторной системы сотрудников может существенно дополнять результаты психологического и социально-психологического обследования.

В качестве таких методик целесообразно использовать нагрузочные пробы с задержкой дыхания на вдохе (проба Штанге) и на выдохе (проба Генча).

На основании служебно-психологической характеристики, результатов психодиагностического и психофизиологического обследования специалистами центров психодиагностики, психологами готовится *заключение о степени пригодности* сотрудника к выполнению задач в экстремальных условиях. Заключение по результатам психодиагностического обследования предоставляется руководителю органа внутренних дел, формирующего подразделение, для принятия решения о командировании. Сотрудник, не соответствующий предъявляемым требованиям, заменяется другим из резерва.

Подготовка сотрудников к деятельности в экстремальных условиях. Имеющийся опыт выполнения служебно-боевых задач сотрудниками в зоне боевых действий диктует необходимость комплексной подготовки личного состава, включающей конкретную информационную, специальную, боевую, физическую и психологическую подготовку.

Задачами психологической подготовки являются:

- обеспечение психологической устойчивости сотрудников;
- обучение их преодолению психологических трудностей;
- стимулирование активности в решении профессиональных задач;
- сплочение служебных коллективов;
- повышение уровня взаимовыручки, взаимопомощи, уверенности в себе и в своих товарищах.

Психологическая подготовка сотрудников должна включать в себя формирование:

- уверенности в законности выполняемой работы;
- убежденности каждого сотрудника в гуманности и необходимости предпринимаемых мер по локализации и устранению конфликта;
- чувства правовой и социальной защищенности сотрудника и его семьи;
- готовности к несению службы в различных погодных и сложных бытовых условиях;
- эмоциональной устойчивости при деятельности подразделения в ситуации социальной изоляции или даже враждебного отношения гражданского населения к сотрудникам;
- готовности к физическому и огневому противоборству;
- умения оказать первую доврачебную помощь пострадавшему;
- способности в случае необходимости принимать и реализовывать самостоятельные решения, действовать автономно;
- навыков общения с представителями конфликтующих сторон, предполагающих знание доброжелательных, привлекающих внимание, располагающих к беседе, означающих приветствие или извинение, а также и оскорбительных жестов и выражений;
- умения по внешним признакам определять готовность собеседника к агрессивным действиям, а также способности располагать к себе граждан в процессе общения, вызывать у них чувство уважения;
- готовности противостоять «мягкому нажиму», то есть устойчивости к просьбам гражданских лиц, высказываемых в форме приглашения в гости, подношения даров, «слезных» уговоров о помощи и т.п., связанных, как правило, с нарушениями должностных инструкций, отклонениями от установленного маршрута, игнорированием правил сохранения информации для служебного пользования и т.д.

По оценкам военных сотрудников, в период боевых действий армии США в Индокитае только 25 % личного состава оказались способны вести эффективный прицельный огонь на начальном этапе их участия в условиях интенсивного огневого противодействия со стороны противника. Также пришлось преодолевать барьер психологической неготовности к выполнению боевых задач сотрудникам в Чеченской Республике.

Приближение условий обучения к экстремальным проводится путем введения в учебные задачи различных воздействий, характерных для реальной обстановки. Отдельные элементы осваиваемой деятельности после их отработки в обычных условиях должны закрепляться в ситуациях, имитирующих различные экстремальные воздействия. В результате обучения действия каждо-

го сотрудника должны приобрести устойчивость к *психологическим стресс-факторам*, описанным ниже.

1. Опасность — оценка специалистом обстановки как угрожающей его здоровью и жизни.

2. Внезапность — неожиданные для человека изменения обстановки в ходе выполнения боевой задачи.

3. Неопределенность — отсутствие, недостаток или противоречивость информации о содержании или условиях выполнения профессиональной или боевой задачи, о противнике или характере его действий.

4. Новизна — наличие ранее неизвестных специалисту элементов в условиях выполнения или в самой боевой задаче. Она определяется профессиональным опытом сотрудника.

5. Увеличение темпа действий — сокращение времени на выполнение действий.

6. Дефицит времени — условия, в которых успешное выполнение задачи невозможно за счет простого увеличения темпа действий — необходимо изменение содержания структуры деятельности.

Кроме того, выделяются непосредственно *психотравмирующие факторы экстремальной ситуации*, которые вызывают негативные психические реакции, снижающие или же полностью ограничивающие боеспособность.

К ним относятся:

1. Факторы визуального (зрительного) ряда: разрушение зданий, техники, сооружений, ландшафта; огонь, возгорания, пожары, разрывы; вид трупов, раненых и пострадавших.

2. Факторы аудиального (слухового) ряда: грохот, рев, гул.

3. Факторы тактильного (осязательного) ряда: вибрации, удары воздушной волны, сотрясения, падения.

4. Факторы интерактивного ряда: смерть близких, товарищей; контакт с большим количеством раненых и искалеченных.

Для воссоздания в учебно-профессиональной деятельности этих факторов используют разные приемы, под которыми понимается способ моделирования психологических факторов, воздействующих на человека в экстремальных условиях.

Способы и приемы моделирования этих факторов подразделяются:

– на словесно-знаковые — воздействие осуществляется посредством слова, знаков, информативных жестов; это может быть рассказ о предстоящих действиях и связанных с ними трудностях, доведение различного рода «легенд» перед тактическими занятиями и учениями и т. д.;

– наглядные — воздействие осуществляется путем показа различных предметов, например, стрелкового и другого вооружения, кино- и видеофильмов, фотографий с реальными картинами боя

и присутствующими там психотравмирующими факторами, действий (показ способа преодоления психологической полосы, обкатки танками и т. п.);

– тренажерные — воздействие осуществляется путем моделирования психологических факторов чрезвычайной ситуации с использованием технических средств, спортивных снарядов, макетов, сооружений профессиональной подготовки для отработки необходимых навыков и умений;

– имитационные — воздействие осуществляется с использованием средств имитации внешних признаков экстремальной обстановки;

– реальные — воздействие осуществляется путем моделирования психологических факторов экстремальной ситуации с использованием реальной техники, вооружения и подручных средств, применяемых для организации и ведения боевых действий.

Наибольшей эффективностью с точки зрения психологической подготовки отличаются те занятия, где все перечисленные приемы моделирования факторов экстремальной ситуации применяются не разрозненно (то есть сегодня — один, а завтра — другой), а задействуется сразу весь их комплекс в тесной связи и взаимодополнении.

Кроме того, методы психологической подготовки сотрудников можно классифицировать по степени их включенности в деятельность, по которой осуществляется подготовка. Выделяется три группы методов.

Демонстрационные методы (показ действия снаряжения, оружия, боевых или защитных действий и др.). При использовании этих методов обучаемый выполняет деятельность, совершенно отличную от реальной. Их применение направлено на формирование у сотрудников общей ориентировки в экстремальных условиях профессиональной деятельности или в осваиваемых действиях.

Условно-ситуативные методы (решение различных задач, деловые игры, тактические учения, тренировки). При этих методах обучаемые действуют по составу элементов и частично по содержанию, соответствующих реальным, но они носят условный характер. Использование условно-ситуативных методов направлено на ознакомление с внутренней структурой и логикой профессиональной деятельности в экстремальных условиях, отработку взаимодействия сотрудников и подразделений.

Методы *«реальных ситуаций»*. Предполагается выполнение обучаемыми реальных действий в определенных условиях. Это не означает, что обязательно реальное использование снаряжения, техники, оружия, но ситуация должна восприниматься как реальная, и обучаемый должен находиться в состоянии готовности к выполнению определенной профессиональной задачи. Примене-

ние методов «реальных» ситуаций направлено на актуализацию мотивов, адекватных мотивам реальной деятельности, и на формирование у обучаемых ориентировки на осмысление выполняемых действий.

Результат тренировки — психологическая подготовленность сотрудников к реальной профессиональной деятельности в экстремальных условиях. В качестве основных элементов психологической подготовленности рассматривают следующие компоненты:

мотивационный компонент: гуманистическая направленность служебно-боевой деятельности; глубокое понимание и осознание государственного значения и важности выполняемых задач; гражданское мужество, принципиальность; сознательное стремление к преодолению трудностей;

эмоционально-волевой компонент: эмоциональная устойчивость к длительным напряженным нагрузкам; готовность к риску, опасности, вера в свои силы и в возможность оказания содействия со стороны сослуживцев; ответственность, самостоятельность и решительность при выполнении профессиональных задач;

когнитивный компонент: помехоустойчивость познавательных процессов, правильное представление о предстоящих трудностях, условиях, требованиях службы; умение правильно понимать и оценивать мотивы поведения товарищей и социально-психологические явления в коллективе; знание ухищрений, приемов, применяемых противоборствующей стороной;

регулятивный компонент: умение управлять своими эмоциями, снимать нервно-психическое напряжение и усталость; мобилизовываться на выполнение задач и поддержание высокой работоспособности; способность вызывать желательные психические состояния;

поведенческий (операционный) компонент: умение ориентироваться и адекватно вести себя в психологически сложной ситуации; адаптивность к изменяющимся условиям выполнения задач в экстремальных условиях; способность быстро анализировать и уверенно действовать при воздействии экстремальных стресс-факторов; внутренняя собранность, ответственность; уравновешенность, самооценка.

Достаточная развитость и выраженность этих компонентов и их целостного единства — показатели высокого уровня психологической подготовленности специалиста к деятельности в экстремальных условиях.

В комплекс подготовительных мероприятий включаются также занятия по мерам оказания первой (доврачебной) само- и взаимопомощи при ранениях, травмах, ушибах, ожоговых поражениях и воздействии низких температур, пищевых отравлениях ядами животного и растительного происхождения, укусах ядовитых животных и насекомых, возникновении простудных, паразитарных

или инфекционных заболеваний, а также по выполнению санитарно-гигиенических процедур.

Психологическое сопровождение деятельности сотрудников в экстремальных условиях — это комплекс психологических мероприятий, направленных на исследование, оценку, прогнозирование динамики и коррекцию психического состояния сотрудников, социально-психологических процессов, определение степени боеспособности и поддержание оптимального ее уровня в подразделениях в различные периоды профессиональной деятельности.

Психологическое сопровождение сотрудников осуществляется по месту временной дислокации подразделений психологами, командироваемыми в их составе. Ниже приведены основные направления психологического сопровождения сотрудников.

1. Мониторинг их психического состояния, выявление лиц, находящихся в состоянии эмоционального стресса, с дезадаптивными нервно-психическими состояниями.

2. Проведение мероприятий по коррекции психического состояния, профилактики синдрома посттравматических стрессовых нарушений (PTSD).

3. Психологический анализ причин неадекватного поведения сотрудников (проявления страха, паники, снижения мотивации, психического утомления и др.) и предупреждение их развития.

4. Изучение социально-психологического климата и межличностных отношений в коллективах, разработка рекомендаций по оптимизации структуры межличностных отношений «по вертикали» и «по горизонтали».

5. Оказание помощи руководителям подразделений в сплочении коллективов, повышении эффективности групповой деятельности сотрудников.

6. Психологическую подготовку сотрудников к выполнению наиболее сложных профессиональных задач.

7. Выявление факторов, негативно влияющих на психическое состояние сотрудников и эффективность их служебно-боевой деятельности.

8. Выработку рекомендаций по:

– предупреждению межличностных и межгрупповых конфликтов, нормализации социально-психологического климата в подразделениях;

– организации работы с личным составом с учетом психологических особенностей и психоэмоциональных состояний;

– временному освобождению сотрудников от исполнения обязанностей по службе или участия в специальных операциях для проведения краткосрочных восстановительных мероприятий в связи с расстройствами психического состояния и снижением работоспособности.

При необходимости психолог рекомендует руководителю, командиру подразделения направить таких лиц на медико-психологическую реабилитацию в специальные центры психологического обеспечения или эвакуировать к постоянному месту службы для оказания медико-психологической помощи в стационарных условиях.

Для психологической диагностики и мониторинга психологического состояния сотрудников в ходе психологического сопровождения используются психодиагностические экспресс-тесты САН, шкала реактивной и личностной тревожности, шкала астении, различные проективные и рефлексометрические тесты, ориентированные на текущую (оперативную) оценку динамики изменения актуального психологического состояния и психологических резервов организма.

При проведении психологической коррекции в этот период используется широкий арсенал психокоррекционных методов, среди которых наиболее часто применяются *психологическое консультирование, рациональная психотерапия, различные методы регуляции психологического состояния, а также социально-психологические и психологические тренинги.*

Кроме того, психолог подразделения участвует в обеспечении постоянного получения сведений различного характера из средств массовой информации, своевременно реагирует на сообщения негативного характера о деятельности подразделения, развитии ситуации в регионе и т.п. Следует помнить, что тенденциозная полуправда о деятельности подразделений ОВД в «горячих точках», тиражируемая средствами массовой информации, порождает у сотрудников противоестественное чувство вины, провоцирует у них сомнения в моральной оправданности собственного пребывания и проведения оперативных мероприятий в зоне командировки.

Важным является формирование у местного населения представления о дисциплинированном, боеспособном подразделении. С этой целью авторитет командиров любого ранга должен быть обеспечен как отношением к ним подчиненных, так и вышестоящих начальников. Каждый сотрудник должен быть принципиальным и профессионально грамотным специалистом.

В период «оперативного покоя» необходимо уделить внимание организации спортивных мероприятий и досуга личного состава (желательно с учетом интересов сотрудников), осуществлять групповой анализ случаев нарушения дисциплины, связанных с употреблением алкоголя, организовывать и проводить беседы психолога с личным составом.

Психологам в экстремальных условиях приходится сталкиваться с различными вариантами психических состояний, к числу которых относятся:

– переутомление — состояние, при котором уровень работоспособности резко снижен, деятельность осуществляется на уровне фазы субкомпенсации, нарушена смена фаз работоспособности;

– тревога — ощущение неопределенной угрозы, препятствующее формированию адаптивного поведения;

– страх — стереотип «аварийного» поведения, сложившегося в процессе биологической эволюции (разум полностью отключен, и человек действует нерационально, неконтролируемый страх заставляет дрожать, кричать, плакать, смеяться, при этом трясутся руки, становятся «ватными» ноги, звенит в ушах, застревают ком в горле, бледнеет лицо, учащается сердцебиение, перехватывает дыхание, расширяются зрачки, по спине бегут мурашки);

– паника — проявление массового страха перед реальной или воображаемой угрозой, бессмысленные метания, хаотические действия, поступки, абсолютно исключают их критическую оценку, рациональность и этичность.

Характерные признаки изменений психического состояния сотрудников и мероприятия по оказанию им психологической помощи.

1. Острое психическое или физическое утомление:

– ухудшение внимания, памяти, мышления;

– вялость или беспорядочная торопливость движений, ухудшение их точности и координированности, неуверенность походки;

– ослабление волевых усилий, решительности, настойчивости, активности;

– ухудшение самоконтроля, выдержки;

– жалобы на разбитость, общую слабость, невозможность надежно выполнять свои обязанности.

Мероприятия: временное освобождение от обязанностей службы; обеспечение условий для полноценного отдыха в течение не менее суток; телесно ориентированная и мануальная терапия; допуск к операции — после индивидуального психологического контроля.

2. Переутомление:

– усиление признаков острого утомления;

– беспричинные колебания настроения, раздражительность;

– скованность, напряженность, выраженная тревожность, беспокойство;

– безразличие к окружающему, угнетенность, отсутствие интереса к работе;

– расстройства сна (трудное засыпание и пробуждение, прерывистый, поверхностный, не приносящий облегчения сон, частые ситуационные сновидения, бессонница ночью, сонливость днем);

– покраснение (побледнение) кожных покровов, одышка, сердцебиение, потливость;

- снижение аппетита, тошнота;
- болезненные ощущения в области сердца, в мышцах, ломота в пояснице и суставах;
- головные боли, головокружение.

Мероприятия: временное освобождение от обязанностей службы; оказание первой психологической (при необходимости — доврачебной) помощи в соответствии с характером расстройств; эвакуация для проведения специализированных восстановительных мероприятий; психологическая поддержка, несуггестивная психотерапия; допуск к исполнению обязанностей повседневной службы — по заключению соответствующих специалистов.

3. Аффективные реакции, конфликтность:

- напряженность, беспокойство, раздражительность;
- мелочные придирки ко всему;
- «взрывное» реагирование на замечания, претензии.

Мероприятия: временное освобождение от обязанностей службы; психологическая экспресс-коррекция состояния; психологическая регуляция релаксирующего типа; щадящий режим индивидуальной работы со стороны руководства; направление на консультацию к психиатру, невропатологу.

4. Чрезмерная «предстартовая» мобилизация:

- необычные для данного сотрудника психоэмоциональная напряженность, возбуждение, разговорчивость, суетливость.

Мероприятия: временное освобождение от участия в подготовке к операции; индивидуальная психологическая регуляция и саморегуляция релаксирующего типа; наблюдение; допуск к работе — после индивидуального психологического контроля.

5. Недостаточная предстартовая мобилизация:

- равнодушие, отсутствие интереса к подготовке, целям и задачам операции (без психопатологических признаков, указанных в п. 1).

Мероприятия: временное освобождение от участия в подготовке к операции; индивидуальная психологическая беседа и экспресс-диагностика; при отсутствии признаков психической демобилизации — индивидуальная или групповая психическая регуляция активирующего типа; активное включение в процесс подготовки к операции; допуск к операции — после индивидуального психологического контроля.

6. Психологический шок (стрессовое состояние, непосредственно после события):

- поведение, неадекватное обстановке, безучастное отношение к окружающему;
- замкнутость, молчаливость;
- заторможенность реакций, рассеянность;
- тревожность, беспокойный сон;

- «отсутствующий» вид, затрудненная «включаемость»;
- сужение внимания, интересов, контактов.

Мероприятия: временное освобождение от обязанностей службы или участия в боевых операциях; индивидуальная психологическая беседа, мануальная и телесная терапия; при необходимости — эвакуация для углубленного исследования и оказания специализированной помощи; допуск к исполнению обязанностей службы — после индивидуального психологического контроля; направление на консультацию к психиатру, невропатологу.

7. Психическая демобилизация:

- утрата контроля над ситуацией, дезориентация в обстановке, растерянность;
- необычные для данного сотрудника характер речи, содержание высказываний, интонации, свидетельствующие о переживании страха;
- поспешные, хаотичные, некоординированные, ошибочные действия и поступки;
- замедленность или отсутствие необходимых действий и поступков;
- отсутствие волевых усилий, апатия, заторможенность, подавленность, сонливость;
- отсутствие самоконтроля, несдержанность, настроение, неадекватное ситуации;
- отказ от продолжения работы.

Мероприятия: временное освобождение от исполнения обязанностей; психологическая экспресс-коррекция состояния; наблюдение за состоянием, при необходимости — эвакуация для оказания специализированной помощи; направление на консультацию к психиатру, невропатологу.

8. Деморализация:

- снижение моральных и нравственных критериев;
- развязность, вульгарность, пренебрежение нормами служебной этики, субординации;
- озлобленность, немотивированная грубость;
- отказ от ухода за собой, запущенность, неопрятность;
- неконтролируемое пьянство.

Мероприятия: рациональная психотерапия, негипнотическое внушение; применение мер воспитательного характера; направление на консультацию к психиатру, невропатологу.

В случаях, если не имеется условий для проведения необходимых коррекционных и реабилитационных мероприятий, компетенция и квалификация психолога не соответствуют степени выявленных расстройств, мероприятия первой психологической помощи не приводят к нормализации психологического состояния и работоспособности, рекомендуется производить эвакуацию в места постоянной дислокации.

4.2.3. Психологическая помощь пострадавшим в результате террористических актов с захватом заложников

Оказание экстренной психологической помощи, направленной на работу с вновь возникшими в результате чрезвычайной ситуации (ЧС) негативными эмоциональными переживаниями, способствует поддержанию самочувствия пострадавших, решает задачи профилактики отсроченных реакций на чрезвычайную ситуацию.

К числу пострадавших относятся:

1. Жертвы, то есть пострадавшие, изолированные в очаге чрезвычайной ситуации.

2. Пострадавшие непосредственно физически, материально, люди, потерявшие своих родных и близких или не имеющие информации об их судьбе.

3. Очевидцы, «свидетели» — люди, с которыми трагедия произошла совсем рядом, поэтому они примеривают на себя, на своих близких случившееся, ставят себя на место пострадавших.

4. Наблюдатели, «зеваки» — люди, которые непосредственно не участвовали в ситуации, но, узнав о происшествии, прибыли на место ЧС (вторично пострадавшие).

5. Телезрители (вторично пострадавшие). Нагнетание эмоций, использование технологий манипулирования общественным сознанием представителями СМИ способствует снижению адапционных возможностей организма людей, блокированию механизма поиска рационального выхода из трудных жизненных ситуаций и тем самым провоцирует возникновение психосоматических и обострение хронических заболеваний (Андреев Н.В., 1998).

Внезапность угрожающих жизни ситуаций, массированность и предельная жестокость вооруженного насилия, сопровождавшиеся разрушениями, пожарами, ранениями, гибелью находящихся рядом заложников, криками, рыданиями, приводят к осознанию полной беззащитности и безнадежности, неминуемой смерти, определяют массивность острого психогенного воздействия на людей в ситуации непосредственной угрозы жизни.

Конечные цели захвата заложников бывают разные. В одних случаях захватчики стараются добиться тех или иных политических уступок, в других — освобождения незаконно (по их мнению) арестованных заключенных, в третьих — выдвигают экономические требования (выкуп) и т.д. Поэтому для достижения своих целей обычно жертвами выбираются лица (группа людей), захват которых по предположению захватчиков может иметь большой общественно-политический резонанс или за которых можно получить большой выкуп.

Захват заложников, как правило, проводится внезапно, при этом большое значение придается стремительности самого процесса захвата. В это время захватчики стараются решить несколько задач¹:

- захватить намеченные жертвы;
- заставить их беспрекословно подчиниться всем указаниям;
- подавить желание заложников предпринимать любые действия, направленные на освобождение, за исключением тех, которые захватчики считают необходимыми и приемлемыми;
- внушить заложникам мысль о том, что за любыми их действиями, направленными на освобождение, немедленно последует расправа;
- при захвате двух и более человек пресечь всякую возможность к самоорганизации группы с целью совместных действий, направленных на освобождение.

Таким образом, можно констатировать, что поведение заложников определяется следующими факторами².

1. Объективными условиями содержания заложников — ограничительными мерами, на выполнении которых настаивали боевики.

2. Непредсказуемостью действий боевиков.

3. Психическим состоянием заложников, субъективной оценкой угрозы собственной жизни и жизни своих близких, что в значительной мере определялось не только и не столько реальной угрозой, но и реакцией на ситуацию.

4. Субъективной оценкой и объективным состоянием физического здоровья заложников.

5. Альтруистическими установками части заложников, стремившихся оказать помощь лицам, находящимся в более тяжелом положении, чувством служебного долга лиц, которые по характеру своей профессии и служебному положению обязаны защищать граждан от произвола и (или) оказывать помощь пострадавшим (сотрудники правоохранительных органов, медицинские работники и др.).

Неожиданное возникновение жизнеопасной ситуации у заложников сопровождается возникновением тревожно-фобической реакции, неоднозначной в своих проявлениях. У большинства заложников тревожно-фобические реакции сопровождаются измененным состоянием сознания различной глубины (от оглушения до сумеречного помрачения сознания). Наиболее часто развивается оглушенность, выражавшаяся в заторможенности, вялости, обеднении психической деятельности, неполном осмыслении происходящего, затруднении восприятия окружающего, нечетком (не-

¹ Антонян Ю. М., Верещагин В. В. Захват заложников. — М., 2001.

² Там же.

адекватном) выполнении необходимых жизнеспасющих действий, инструкций, а также синдром растерянности с аффектом недоумения, расстройством самосознания, блуждающим взглядом, вопрошающим выражением лица, дезориентировкой в ситуации, тревогой, суетливостью, подавленным настроением, беспомощностью и бестолковостью (Антонян Ю. М., 2001).

Для заложников, находившихся в острой жизнеопасной ситуации в течение суток, по данным Ю. М. Антоняна, характерны: гипокинетические тревожно-фобические реакции (с оцепенением — 40,7 %, с гипокинезией — 17,0 %); гиперкинетические тревожно-фобические реакции (с ажитацией — 32,2 %, раптусом — 5,1 %, фугой — 1,7 %, целенаправленной гиперактивностью — 3,3 %).

У заложников, находившихся в острой пролонгированной жизнеугрожающей ситуации, в течение первых суток отмечались в основном тревожно-фобические реакции с гипокинезией. В ситуации пролонгированного стресса наиболее частыми были гипокинетические тревожно-фобические реакции (с оцепенением — 35,3 % и с гипокинезией — 47,1 %). Гиперкинетические тревожно-фобические реакции были представлены лишь состояниями с целенаправленной гиперактивностью (17,6 %).

При изменениях психического и физического состояния заложников возможны варианты проникновения в их среду медиков для оказания им неотложной помощи по согласию преступников. В таких случаях целесообразно преувеличение со стороны врачей угрозы опасности жизни и здоровью заложников с целью их быстрого вывода из опасной ситуации. Терапевт или психиатр может сослаться на внешний вид других заложников, которых они непосредственно не осматривали, а видели мельком (поза депрессии или тревоги, изменение цвета губ — выраженная синюшность, бледность лица, холодный пот и т. д.) при оказании помощи пострадавшему. Руководителю операции необходимо поощрять гуманное отношение преступников к заложникам, использовать любую возможность для организации отдельной непрерывной связи с заложниками.

Описание всех физических характеристик заложников доводится до сотрудников группы захвата. Такая информация сведет к минимуму возможность перепутать заложника с преступником. При этом следует помнить, что нельзя полностью полагаться на одежду, очки и подобные им предметы в описании заложника, так как они могут быть использованы в качестве камуфляжа.

Первое, с чем приходится сталкиваться сотрудникам после освобождения заложников, — это *необходимость получения показаний*, особенно если проблема освобождения заложников не решена полностью. Стресс, «стокгольмский синдром» и другие подобные факторы мешают получить достоверную информацию. По-

этому нужно знать особенности развития психики человека, так как приемы, используемые даже при опросе детей, могут быть применимы и при работе со взрослыми заложниками.

Необходимо учитывать, что при опросе детей их восприятие, мышление, память и т.п. отличаются от взрослого. Прежде чем начинать опрос ребенка, необходимо вывести его из стрессового состояния. И это еще раз показывает необходимость участия в переговорном процессе эксперта-психолога.

В возрасте 4—7 лет дети еще плохо определяют «на глаз» расстояние между предметами, размер помещения, размеры предметов и т.д. Цвета различаются, как правило, только основные, смешанные же просто не воспринимаются (например, фиолетовый) или, точнее, не определяются так, как они определяются взрослыми. Происходящие события ребенок воспринимает повествовательно, не выделяя главного и второстепенного, при этом придавая свою особую эмоциональную насыщенность всему увиденному и услышанному.

Так, к примеру, если преступник чем-либо сильно напугал ребенка, последний при определении его роста и телосложения может описать его как высокого, огромного, большого. Объективно же преступник может быть худой, щуплый и небольшого роста. В связи с этим при опросе ребенка необходимо предъявлять ему ряд людей различного роста, телосложения, веса и т.п. Ребенок же должен выбрать из них наиболее похожего на преступника по требуемым от него критериям (такого же роста, веса и т.п.).

В этом возрасте еще не сформировано и восприятие времени. Так, заполненное событиями время протекает быстрее. Пустое, незаполненное время переоценивается в большую сторону. Поэтому при опросе ребенку необходимо задавать конкретные, детализированные, наводящие вопросы, имеющие всегда альтернативный выбор.

Например: «Когда ты увидел этого дядю, в окнах домов уже горел свет или нет?». Альтернативность в вопросах обусловлена тем, что дети в этом возрасте склонны во всем соглашаться со взрослыми, особенно если спрашивающий имеет большое значение в глазах ребенка (милиционер, мама, учитель и т.д.).

Также следует учитывать такой факт, что в возрасте 4—7 лет дети склонны «играть на публику», если они становятся объектом внимания взрослых, особенно в напряженной, эмоциональной ситуации. И далее, в случае если преступник относился к ребенку хорошо, доброжелательно, то у последнего может произойти искажение восприятия действительности и он будет всячески «покрывать» преступника, представлять его в «лучшем свете».

Например, дети склонны играть во всевозможные «секреты», «тайны». И опытный преступник может использовать это в своих корыстных целях. Из вышесказанного следует, что опрос ребенка

необходимо проводить «один на один», в спокойной, доброжелательной обстановке. В поведении опрашиваемого не должно быть эмоциональных контрастов ни в голосе, ни в движениях, ни в одежде.

Особенностью памяти в этом возрасте является то, что она носит наглядно-образный характер, то есть мышление ассоциативно, причем с особенностями указанного выше восприятия. Ребенок не запоминает предметы просто так, он запоминает их в сравнении с чем-то и в связи с чем-то. Например: «Машина была большая, как дом».

Также следует отметить, что ребенок не старается запомнить происходящее для того, чтобы в дальнейшем рассказать увиденное, его память носит произвольный характер. Отвлеченные, абстрактные понятия и рассуждения вообще не запоминаются, так как не понимаются. К примеру, если ребенок слышал разговор двух преступников и они переговаривались на сленге, то он может просто не понять сказанного. Поэтому при постановке вопросов детям необходимо учитывать эти особенности детской памяти.

Внимание в этом возрасте также имеет отличительные черты. У детей оно произвольное, они еще не умеют поддерживать его в течение длительного времени в одном и том же направлении, не отвлекаясь от других предметов. В первую очередь внимание детей привлекает все яркое, броское, неизвестное. Однако иногда внимание может быть весьма интенсивным и устойчивым, но это происходит в том случае, если ребенок воспринимает все происходящее как игру.

Мышление в этот период характеризуется как конкретное, умение обобщать развито еще в недостаточной мере, поэтому важно задавать ребенку простые, конкретные, предметные вопросы, деля тем самым увиденные ребенком события на понятные ему операции и действия.

Следует выделить такую особенность детской психики, как чрезмерное использование своего воображения. В этом возрасте ребенок в большей мере отходит от действительности при пересказе увиденного, нежели взрослый, он смешивает воображаемое с действительным. Попросту говоря, для ребенка существует один мир. Воображаемое и действительное для него одно и то же, одно «вплетено» в другое, и с этим необходимо считаться. Поэтому при опросе достоверность полученной информации будет зависеть от умения правильно сформулировать и поставить вопрос перед ребенком.

При характеристике речи следует отметить, что у детей в этом возрасте словарный запас составляет порядка 2 000—3 000 слов. Это значит, что иногда ребенок понимает, что от него хотят услышать, но не может выразить этого достаточно понятно на

вербальном уровне. Как правило, в этом случае он прибегает к ассоциациям, образам. Полнота и достоверность получаемой информации будет зависеть в первую очередь от умения задавать вопросы, и здесь необходимо учитывать все перечисленные выше особенности психики. Поэтому вопрос должен отвечать следующим требованиям:

- а) конкретность;
- б) предметность;
- в) соответствие возрастным особенностям;
- г) альтернативность;
- д) наглядность (если вопрос о том, в какую куртку был одет преступник, то необходимо показать ребенку несколько курток, чтобы он выбрал наиболее похожую);
- е) отсутствие эмоциональной контрастности в поведении опрашиваемого.

Возрастная группа с 7 до 12 лет значительно отличается от первой, так как в этом возрасте продолжают развиваться и улучшаться все свойства психики (ощущение, восприятие, память, внимание, мышление, речь, воображение и т. п.).

Особенностью восприятия является более развитая детализированность событий, однако их эмоциональная насыщенность остается еще достаточно сильной. Увиденные или услышанные события трактуются в описательном характере («что вижу, то и говорю»).

Продолжает развиваться память, усиливается роль преднамеренного запоминания для последующего изложения. Запоминание становится более прочным. Чем старше становится ребенок, тем сильнее словесно-логическое запоминание начинает преобладать над наглядно-образным.

Объем, интенсивность и продолжительность внимания развиты еще не в полной мере. Вследствие этого восприятие поверхностно, и поэтому запоминаются в первую очередь эмоционально значимые моменты. Ребенок может хорошо запомнить не существенные для следствия детали и не запомнить главного. Однако продолжительное или повторное восприятие увеличивает внимание и, как следствие, запоминание.

Вот почему так важны именно простые, конкретные, детальные вопросы.

Речь к 7 годам уже достаточно развита, однако часто прерывается. Сказав об одном, ребенок может упустить многое другое. Поэтому в этом случае необходимо переспрашивать, уточнять, детализировать. Ближе к 12 годам происходит целенаправленная перестройка речи, она становится логически более связанной, сознательной.

Воображение также проходит подобное развитие. Если в 7–8 лет ребенок еще смешивает воображаемое с действительным, то

ближе к 10—12 годам уже появляются попытки более точно отразить воспринятое событие.

Уровень развития психических функций к 12 годам уже позволяет вести разговор с ребенком «на равных». Ребенок начинает понимать, что хочет узнать у него взрослый. Однако не следует забывать, что в этом возрасте психическое развитие еще отстает от биологического. И поэтому постановка вопроса при опросе ребенка 7—12 лет должна отвечать перечисленным выше критериям.

У подростков 12—15 лет существенных отличий их психического функционирования от взрослых нет. Достоверность и точность полученной информации от подростка будет зависеть от умения спрашивающего расположить его к себе.

Специалист, оказывающий экстренную психологическую помощь, применяет не один конкретный метод, а скорее набор техник, методик, которые сочетаются друг с другом и подходят конкретному человеку. В зависимости от конкретной ситуации, ее условий, индивидуальных особенностей пострадавшего выбираются или разрабатываются индивидуальная тактика работы с конкретным человеком.

В качестве *методов психологической диагностики* применяются методы наблюдения и беседы, как наиболее адекватные ситуации.

Одним из эффективных методов работы с пострадавшими является метод «дистрифинга стресса критического инцидента» (Critical Incident Stress Debriefing — CISD), разработанный американским психологом Дж. Митчелом в 1983 г. и получивший с тех пор широкое распространение.

Психологические дистрифинги как форма оказания помощи в кризисных ситуациях проводятся с группами людей, совместно испытывавшими стрессовые или трагические события. Дистрифинги не заменяют собой собственно лечения, которое бывает необходимо в некоторых случаях; их цель — минимизировать нежелательные психологические последствия и предупредить развитие синдрома посттравматических стрессовых расстройств. Эта цель достигается путем «вентиляции» впечатлений и эмоций; когнитивной организации опыта; уменьшения тревоги и напряженности; понимания универсального характера индивидуальных реакций, достигаемого в процессе интенсивного «обмена» чувствами; мобилизации ресурсов для социальной поддержки, усиления групповой солидарности и сплоченности; подготовки участников к правильному восприятию своего последующего состояния и использованию различных стратегий психологической помощи.

Таким образом, процесс дистрифинга состоит из трех основных частей: «вентиляции» чувств в группе и оценивания стресса ведущими; подробного обсуждения «симптоматики» и психологической

поддержки; мобилизации ресурсов, предоставления информации и планирования дальнейшей помощи. Выделяют от пяти до семи обязательных фаз, через которые проходят пострадавшие.

1. Вводная: представление ведущего, разъяснение целей, задач и правил, снятие тревоги у участников по поводу «необычности» процедуры. Основными правилами, которых придерживаются как ведущие, так и участники, являются:

а) не заставлять никого из группы говорить или обсуждать то, чего они не захотят. Единственное требование — это назвать свое имя и отношение к инциденту (характер участия). Все внимательно выслушивают то, что говорит каждый из участников;

б) соблюдать конфиденциальность: то, что происходит или обсуждается в группе, предназначено только для группы и не выносится вовне;

в) не допускать критических суждений в отношении другого: никто не должен рассматривать происходящее как «разбор» или «трибунал» — для них найдется другое место;

г) каждый может говорить лишь о своих переживаниях, поступках (от первого лица), а не о чужих;

д) участники предупреждаются о том, что могут вновь пережить отрицательные чувства, что естественно, так как речь идет о весьма болезненных вещах. Однако задача дибрифинга как раз и состоит в том, чтобы научиться справляться с реальными негативными эмоциональными состояниями;

е) группа работает без перерывов, что не означает невозможности покидать ее на время с тем, чтобы все же вернуться, если этому не мешают неотложные обстоятельства.

2. Факты: каждый рассказывает о том, что происходило с ним — что он видел, где находился и что делал. Восстанавливается полная картина происшествий и хронология событий. Согласие относительно фактов способствует когнитивной организации опыта. Выражения эмоций на этой фазе допускать не следует.

3. Мысли, эмоции, чувства: ведущий просит перейти от описания событий к рассказу о внутренних психологических реакциях на них. Очень важно припомнить самые первые впечатления, пронесшиеся в голове мысли, импульсивные поступки и эмоциональные реакции.

Несмотря на то, что рассказы могут приобретать весьма драматический характер, нельзя допускать, чтобы доминировали чувства кого-либо из участников, а все остальные превратились бы в слушателей: каждый должен получить возможность высказаться и постараться выразить свои переживания. Ведущий поддерживает в группе понимание того, что, высказываясь, участники вновь переживают сильный стресс, однако это происходит в ситуации, когда реальная опасность миновала, а их чувства находят понимание и поддержку группы.

4. Симптомы: обсуждаются актуальные эмоциональные, когнитивные и соматические проявления посттравматического стресса, отмечаемые участниками изменения в восприятии своего «Я» и поведении. Составляется перечень симптомов, описывающих спектр психологических последствий критического инцидента в данной конкретной группе. Каждый участник получает возможность лучше разобраться в своем состоянии, отмечая и те симптомы, о которых, в силу различных причин, он не высказывался.

5. Информирование: разъяснение участникам природы постстрессовых состояний как «нормальных реакций на экстремальную ситуацию»; обсуждение вариантов и способов преодоления имеющих место и возможных в будущем отрицательных психологических последствий.

6. «Закрытие прошлого» и новое начало: подводится своеобразный итог под тем, что было пережито. Прошлое нельзя просто забыть, оно требует активного к себе отношения, чтобы люди могли найти в себе силы для новой жизни. Ритуалы «закрытия прошлого» выработаны в культуре (поминовения, годовщины, посещения мест, связанных с событиями, и пр.). Однако предполагается и собственное творческое участие: например, многие из переживших катастрофу посвящают себя тому, чтобы помочь избежать новых катастроф или уменьшить их травматические последствия, используют свой опыт при оказании помощи, участвуют в деятельности добровольных спасательных бригад и т. п. Формально процедура дибрифинга завершается вопросами участников к ведущим, советами, как вести себя в будущем, где искать источники психологической поддержки или профессиональной помощи, раздачей памяток, листовок (если они заранее подготовлены).

Окончание дибрифинга всегда специально акцентируется, что придает процессу завершенность и логическую стройность. При этом ведущий разъясняет, в каких случаях следует обратиться за профессиональной помощью: это, во-первых, если состояние не улучшится в ближайшие шесть недель; во-вторых, если оно начнет внезапно ухудшаться; и, наконец, в-третьих, если появятся затруднения при выполнении привычной работы или понизится работоспособность.

По данным зарубежных авторов, до 75 % прошедших психологические дибрифинги отмечают их высокую эффективность и полезность. Достоинства метода заключаются в том, что он предоставляет возможность взаимного обучения людей тому, как лучше мобилизовать свои ресурсы для преодоления стресса; позволяет лучше понять природу травматического стресса, его проявления и способы преодоления, с тем чтобы использовать эти знания при возможных новых драматических инцидентах; предоставляет условия для самовыражения и обретения уверенности в себе в

условиях взаимной поддержки и профессионального участия специалистов-психологов.

Как правило, проведение дистрифинга в полном объеме возможно на реабилитационном этапе. Однако сам по себе дистрифинг не исчерпывает необходимости в оказании индивидуальной психологической помощи отдельным лицам. Выявление нуждающихся в продолжении психореабилитационных мероприятий предполагает более глубокую психологическую оценку последствий экстремальных событий. Она может проводиться в ходе индивидуальной психологической беседы, индивидуальной или групповой психодиагностики.

Целесообразно пользоваться как уже проверенными и зарекомендовавшими себя методиками (методика И. О. Котенева, методика Спилбергера-Ханина, тест САН и др.), так и методиками, специально предназначенными для диагностики постстрессовых состояний, посттравматических стрессовых расстройств (шкалой оценки воздействия событий Горовица, Миссисипской шкалой, SCL-90 и др.).

Важным представляется использование современных *стресс-протективных средств*. Основным их назначением является: защита организма от чрезмерного психоэмоционального напряжения; нормализация нейродинамических сдвигов, предотвращение формирования стойких нервно-психических и психосоматических нарушений; повышение психофизиологических адаптивных механизмов саморегуляции; повышение физиологических и психических резервов работоспособности.

Фармакологическими препаратами, предохраняющими от развития острого и хронического утомления, являются бемитил, пирацетам и сиднокарб. Препараты назначаются повторными 6-дневными курсами. Перерыв между курсами составляет 2 дня. Количество повторных курсов — до шести. Бемитил принимается внутрь 2 раза в день по 0,25 г на прием, после еды. Предпочтительным является использование препарата при проведении интенсивных физических тренировок.

Пирацетам принимается по 0,8—1,2 г на прием 2 раза в день. Его использование предпочтительнее при необходимости заучивания большого количества материала, освоения новых сложных навыков и умений. Сиднокарб может применяться только для экстренного непродолжительного облегчения обучения и выработки новых навыков, необходимости работать в вечернее и ночное время. Для интенсификации физических тренировок препарат не используется. Применяемая с этой целью доза сиднокарба — 20 мг однократно¹.

¹ Из материалов, представленных канд. психол. наук Н. И. Мягих, 2004, 2005.

Показания к применению средств фармакологической коррекции стресса определяются типом состояния.

В ходе реальных действий в чрезвычайной обстановке возможно заблаговременное выявление ситуаций, в которых вероятно возникновение острых стрессовых состояний. Общим признаком таких ситуаций является столкновение психологически неподготовленных лиц с эмоциогенными воздействиями стресс-факторов экстремальной выраженности.

Подобные обстоятельства могут возникать: при попадании в район стихийного бедствия; при встрече с преступником, выполнении деятельности с элементами опасности и риска (освобождение заложников); при осуществлении контртеррористических мероприятий.

В этих и других случаях при наличии резерва времени до 8 ч и более целесообразно проведение профилактической фармакологической коррекции с целью создания функционального резерва, некоторого избытка защитных ресурсов психики. Указанный эффект возникает за счет снижения интенсивности предстартового возбуждения и предотвращения преждевременного расходования энергетических запасов.

Коррекция достигается применением феназепама (0,5—1 мг внутрь однократно) непосредственно перед последним периодом отдыха, предшествующим возникновению стрессогенной обстановки. При необходимости вместо феназепама могут быть использованы другие препараты из группы производных бензодиазепина: сибазон (5—10 мг) или нитразепам (5—10 мг) перед сном. Если период для сна не предполагается, то для коррекции необходимо назначение дневных транквилизаторов.

Общей предпосылкой развития состояния острого эмоционального стресса является действительная или воображаемая угроза для жизни и здоровья человека при отсутствии заранее подготовленного реального плана преодоления опасной ситуации, а также при недостатке времени, необходимого для включения резервов волевой саморегуляции. Подобное стечение обстоятельств может возникнуть при появлении большого числа безвозвратных и санитарных потерь; при резких изменениях обстановки, а также неопределенности дальнейших действий; при вынужденном поддержании наивысшей готовности к действиям в течение многих часов, изматывающем ожидании активных действий, вызвавших обескураживающий эффект.

В перечисленных и других аналогичных случаях очень высока вероятность развития острого эмоционального стресса. С целью коррекции нарушений психоэмоциональной сферы и защиты от эмоционального стресса могут использоваться бензодиазепиновые транквилизаторы (феназепам в таблетках по 0,0005 г), а для лиц операторского или умственного труда — фенибут (таблетки

по 0,25 г), пирроксан (таблетки по 0,015 г), пирацетам (таблетки по 0,2 г или капсулы по 0,4 г), сиднокарб (таблетки по 0,005 или 0,01 г) или этимизол (таблетки по 0,01 г) — в зависимости от индивидуально-личностных особенностей. В этих случаях индивидуально подобранные препараты назначаются по 1—2 таблетки 1—3 раза в день (в зависимости от выраженности нарушений психоэмоциональной сферы или стрессорных расстройств). Препарат применяют в порядке самопомощи и взаимопомощи при появлении первых признаков чрезмерного психического напряжения. Первая однократная доза феназепама составляет 0,5—1 мг. При необходимости через 4—6 ч дозу повторяют. Вместо феназепама может использоваться фенибут (разовая доза 0,5—0,75 г) или сибазон (доза 5—10 мг).

Восстановление исходного функционального состояния после интенсивных стрессовых нагрузок, как правило, растягивается на несколько дней. Напряженные графики работы, характер современных катастроф не позволяют полноценно восстановить затраченные функциональные резервы.

Кроме того, в период последствий возможны отставленные реакции, связанные с внутренней проработкой прошедших событий, соответствующими неприятными переживаниями и нарушением сна. Значительная часть вегетативных, сосудистых кризов и других заболеваний, вызванных стрессом, также приходится на это время. Показанием к применению средств коррекции после выхода из-под влияния стрессогенных факторов является в таких случаях чрезмерная интенсивность, экстремальность прошлых переживаний. Каких-либо отклонений в состоянии и поведении может не определяться, поскольку следовые переживания быстро вытесняются в область неосознаваемых процессов. Однако несмотря на такое видимое благополучие, целесообразно применение индивидуально подобранных средств фармакологических средств коррекции на протяжении 3—20 дней после прекращения действия стрессового фактора. Конкретная продолжительность приема определяется с учетом выраженности перенесенной стресс-реакции, степени нервно-психической устойчивости и психологической и профессиональной адаптации. Наиболее частой причиной длительного стресса является многодневное непрерывное пребывание в опасных для жизни и здоровья условиях при невозможности полноценной эмоциональной разрядки и отключения от тревожно-депрессивных переживаний.

К типичным ситуациям, в которых развивается такое состояние, относятся:

- длительная работа в особо сложных условиях;
- многодневное пребывание в окружении при специальных операциях;

– несение дежурства во враждебных социальных или национальных условиях;

– вынужденное длительное пребывание в убежищах закрытого типа, особенно при нарушении контактов с внешним миром.

Коррекция длительного стресса достигается курсовым применением фенибута или пирроксана. Препараты принимаются ежедневно, желательнее во второй половине дня. Продолжительность курса — две недели и более. Для нормализации сна могут применяться феназепам (2 таблетки за 1 ч до сна) или фенибут (2—3 таблетки за 30 мин до сна), в плохо поддающихся коррекции случаях бессонницы — нитразепам 10 мг или оксипутират натрия 0,5 г¹.

Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства принадлежат к расстройствам аффективного спектра. Соответственно, основу их фармакотерапии должны составлять антидепрессанты и анксиолитики, а также нормотимические и вегетостабилизирующие средства.

Терапия данных расстройств требует учета характерной для них повышенной чувствительности к побочному действию психотропных средств. С другой стороны, шадящая терапия с применением относительно небольших, либо даже очень малых доз антидепрессантов, анксиолитиков, нормотимиков нередко оказывается достаточной для достижения терапевтического эффекта.

Вместе с тем, подобно принципам терапии «основных» аффективных расстройств, в большинстве случаев оправданным можно считать значительную продолжительность лечебного процесса.

Невротические расстройства характеризуются наличием комплекса аффективных (включая тревожные, депрессивные и дисфорические), соматоформных (включая вегетативные), поведенческих и обсессивных нарушений, сохраняющихся на всем протяжении болезни умеренную (амбулаторную) выраженность с возможными непродолжительными обострениями состояния.

Условия лечения: в большинстве случаев показано амбулаторное лечение. Стационарирование больных проводится при выраженных расстройствах и нарушениях адаптации, для удаления больного из актуальной психотравмирующей ситуации, а также для подбора адекватной терапии при резистентных состояниях.

Перечень необходимых обследований: до начала лечения необходимы консультации и заключения терапевта и при необходимости невролога, исключающие связь симптомов с выраженной соматической или неврологической патологией.

В случаях стационарного лечения проводятся обязательные лабораторные и инструментальные исследования (общий анализ кро-

¹ Из материалов, представленных канд. психол. наук Н. И. Мягких, 2004, 2005.

ви и мочи, биохимический анализ крови, кровь на сахар, ВИЧ-инфекцию, RW и др.).

Для выбора варианта терапевтических воздействий необходимо оценить следующие факторы:

- выраженность и длительность расстройства;
- выраженность дезадаптации в связи с расстройством;
- результаты предшествующего лечения;
- имеющиеся возможности поддержки со стороны близких;
- культуральные и социальные особенности больного.

Фармакотерапия в значительной части случаев проводится в форме коротких курсов или симптоматической терапии как предпосылки психотерапии.

Бензодиазепиновые транквилизаторы обладают быстрым анксиолитическим действием, однако малоэффективны при длительном применении и, кроме того, вызывают зависимость. Применяются кратковременные (предпочтительно до 3 недель и не более 3 месяцев) курсы. Суточная доза разбивается на несколько приемов и подбирается индивидуально с учетом эффективности и побочных действий.

В качестве снотворных средств предпочтительны производные циклопирролона (зопиклон) или имидазопиридина (золпидем) в виде кратковременных курсов, а при предполагаемой связи нарушений сна с аффективными (депрессивными и тревожно-депрессивными) расстройствами — антидепрессанты с седативно-гипнотическим компонентом действия (тразодон, миансерин) или нейролептики типа тиоридазина.

Трициклические антидепрессанты (ТЦА) эффективны при большинстве расстройств этой рубрики, но требуют осторожности в подборе адекватных доз в связи с выраженностью побочного действия. Эффект наступает постепенно, в течение 2—3 недель, поэтому особенно в начале лечения необходима комбинированная терапия с транквилизаторами и бета-адреноблокаторами для купирования проявлений тревоги, а также нарушений сна. Атипичные антидепрессанты (миансерин, тразодон, мапротилин, тианептин, моклобемид, пирлиндол, пипофезин) обладают значительно менее выраженными побочными эффектами при достаточной антидепрессивной активности. При этом моклобемид, реже — пирлиндол, мапротилин, тианептин на этапах подбора терапевтической дозы могут проявлять стимулирующее действие: в этих случаях достаточно временное присоединение транквилизаторов или гипнотиков типа зопиклона.

Селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (флуоксетин, пароксетин): большинство препаратов обладает отставленным действием (эффект наступает в течение 1,5—3 недель) и преимущественно стимулирующим эффектом, поэтому может быть применена комбинированная терапия с транквилизатора-

ми и бета-адреноблокаторами, особенно на начальных этапах терапии.

Тимостабилизаторы или нормотимики, среди которых предпочтителен карбамазепин в небольших и средних дозах.

Нейролептики (предпочтительны небольшие дозы и средства без выраженного побочного действия) назначаются в случаях, если тревога сопровождается выраженным психомоторным возбуждением и/или дезорганизацией мышления, а также в случаях неэффективности других анксиолитиков.

Транквилизаторы — альпразолам, клоназепам, клоразепат, дيازепам, тофизолам.

Бета-адреноблокаторы — обзидан, тразикор, пропранолол — обладают быстрым противотревожным эффектом, в отличие от транквилизаторов — без седации и возможных дисмнестических побочных эффектов. Рекомендуются для уменьшения выраженности соматовегетативных проявлений тревоги. Назначаются малые дробные дозы в течение суток.

При расстройствах, спровоцированных психотравмирующими ситуациями, проводятся следующие мероприятия:

- выявление возможных психологических причин и источников тревоги;
- выявление и расширение значимых для больного межличностных связей, необходимых для поддержки и помощи;
- удаление больного из травмирующей ситуации или дезактуализация самой ситуации;
- применение релаксационных методов (аутогенная тренировка, массаж, дыхательная гимнастика и др.).

Длительность стационарного лечения 30—40 дней с последующей амбулаторной (поддерживающей) терапией в течение от 3 недель до 6—12 месяцев в случае неустойчивой ремиссии. Для подбора более эффективной терапии может быть использовано помещение больного в полустационар, длительность лечения в котором в среднем 30 дней с последующей поддерживающей терапией.

Длительность амбулаторного, в том числе поддерживающего лечения варьирует от 3 недель до 12 месяцев.

Ожидаемые результаты лечения: полное или значительное обратное развитие клинических проявлений болезни. Необходимость закрепления полученного эффекта с помощью поддерживающей фармакотерапии с постепенным снижением суточной дозы и отменой препарата. Возвращение к предыдущей суточной дозе при возобновлении симптомов. Контроль стабильности ремиссии после отмены фармакотерапии.

Фармакотерапия посттравматических стрессовых расстройств:

- трициклические антидепрессанты (ТЦА);
- ингибиторы МАО (ИМАО);

– тианептин, пирминол, пипофезин, обратимые ингибиторы МАО (моклобемид) — при снижении активности, проявлениях апатии;

– миансерин, тразидон — при выраженности или частых эпизодах тревоги (в том числе на ночь при нарушениях сна);

– селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (пароксетин);

– карбамазепин;

– соли лития;

– нейролептики — тиоридазин, алимемазин, другие — только при наличии симптомов психоза;

– бензодиазепиновые транквилизаторы — кратковременно, для купирования тревоги.

Изложенный психофармакологический арсенал, используемый как при запредельных психоэмоциональных нагрузках, так и для снятия патологических последствий пребывания в экстремальной ситуации, себя не исчерпывает. В настоящее время разработан и используется в практической деятельности отечественный ноотропный препарат фенотропил.

Обладает следующими свойствами:

– корректирует функциональное состояние организма, повышает психофизическую устойчивость организма человека к стрессовым воздействиям, в том числе экстремальным факторам боевого стресса;

– предупреждает развитие утомления;

– способствует снятию тревожных и депрессивных состояний;

– улучшает качество сна при отсутствии эффекта последствия;

– улучшает самочувствие человека, перенесшего черепно-мозговые травмы и контузии;

– снижает потребление алкоголя, используемого для снятия напряжения;

– улучшает функции памяти и внимания;

– повышает устойчивость организма к холоду и недостатку кислорода.

Фенотропил не оказывает токсического воздействия на организм, быстро выводится, не вызывает привыкания и зависимости при регулярном потреблении, не имеет противопоказаний.

Для профилактических целей достаточно раз в полгода принимать фенотропил в течение месяца — по одной таблетке в первой половине дня.

Оснащение сотрудников, участвующих в контртеррористической операции, фенотропилем возможно с двумя целями.

Профилактической — для повышения функциональной устойчивости в экстремальных условиях профессиональной деятельности, перед направлением в зону ответственности в Северо-Кав-

казский регион или для потребления в течение первого месяца пребывания в экстремальных условиях.

Коррекционной, когда необходимо повысить бое- и работоспособность сотрудников в течение круглосуточного режима функционирования. В этом случае необходимо принять 1—2 таблетки в 21—22 ч вечера. Или при признаках переутомления и истощения (1—2 таблетки утром).

Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130 «О борьбе с терроризмом» определил правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений и организаций.

В соответствии с Законом «О борьбе с терроризмом» МВД России является одним из основных субъектов, участвующих в предупреждении, выявлении и пресечении террористических актов, в том числе играющих одну из ведущих ролей в деятельности по освобождению заложников в условиях совершения террористического акта.

Психологическая служба МВД России принимает активное участие в обеспечении контртеррористической деятельности сотрудников органов внутренних дел. Наиболее активно эта работа была начата в 1995 г., а с 1999 г. по настоящее время продолжается на новом организационном уровне.

В рамках этого направления деятельности с целью повышения его эффективности разработана специальная Программа медико-психологического обеспечения сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск, выполняющих служебно-боевые задачи на территории Северо-Кавказского региона. Программа регламентирует порядок организации психологического отбора, психологической подготовки, сопровождения, а также проведения реабилитационных мероприятий с личным составом.

В 2004 г. на основе результатов научных исследований и значительного опыта работы в условиях чрезвычайных обстоятельств, связанных с захватом заложников, взрывами домов, возникновением различных стихийных бедствий, разработано «Положение по организации психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в условиях чрезвычайных обстоятельств», в том числе по освобождению заложников в условиях совершения террористических актов. Данное положение определяет цели, задачи, функции и взаимоотношения психологической службы МВД России с организациями и ведомствами, участвующими в ликвидации чрезвычайных обстоятельств. Структура

Положения включает в себя организационные аспекты работы психологов, программу их специальной подготовки и материально-технического обеспечения.

Сводные группы психологического обеспечения в настоящее время созданы в каждом субъекте Российской Федерации, укомплектованы из числа наиболее подготовленных психологов органов внутренних дел, психотерапевтов лечебно-профилактических учреждений. Численность группы психологического обеспечения составляет не менее пяти психологов с обязательным включением в состав медицинского работника. Руководитель группы психологов может входить в состав рабочего аппарата оперативного штаба.

При затяжном и широкомасштабном характере чрезвычайного обстоятельства по решению руководителя группы при согласовании с оперативным штабом дополнительно привлекаются психологи и специалисты МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, находящиеся в резерве по месту возникновения чрезвычайных ситуаций, а при необходимости — специалисты других МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВДТ, образовательных учреждений профессионального образования МВД России.

Основные задачи и функции группы:

1. В области психологического обеспечения деятельности органов и подразделений внутренних дел:

– разрабатывает предложения по психологическому обеспечению деятельности органов и подразделений внутренних дел и представляет руководству оперативного штаба с целью пресечения массовых беспорядков, избежания паники, преодоления агрессивных проявлений среди населения;

– осуществляет сбор и анализ информации об источниках отрицательного информационно-психологического воздействия на сотрудников и население с выработкой предложений для руководства о мерах по их нейтрализации;

– осуществляет психологическое консультирование руководителей оперативного штаба и сотрудников, проводящих спецоперации;

– принимает участие во встречах с гражданским населением, представителями местной администрации, правоохранительных и других взаимодействующих органов, изучает социально-психологическую обстановку, проводит анализ и прогнозирует возможные направления ее развития;

– информирует оперативный штаб о выявленных правонарушениях среди граждан, о лицах, провоцирующих массовые беспорядки и панику, разрабатывает предложения по их профилактике;

– принимает участие в организации мероприятий по предупреждению распространения слухов, возникновения массовых негативных психологических реакций;

- своевременно информирует службу милиции общественной безопасности о нарушениях режима по ограничению доступа в места скопления населения лицами, не являющимися представителями ведомств и организаций, участвующих в оказании психологической и медицинской помощи пострадавшим;

- принимает участие в выработке стратегии ведения переговоров по психологическому обеспечению переговорной деятельности при освобождении заложников и угрозе совершения террористических акций.

2. В области организации и осуществления психологической, психотерапевтической помощи сотрудникам:

- проводит работу по психологическому обеспечению деятельности личного состава, определяет уровень работоспособности сотрудников, контролирует их функциональное состояние;

- оказывает психологическую, а в случае необходимости психотерапевтическую и реабилитационную помощь сотрудникам, проводит мероприятия по поддержанию высокого уровня психологической устойчивости, коррекции состояний переутомления и других неблагоприятных психических состояний;

- изучает группы оперативного построения в подразделениях, привлеченных к выполнению оперативно-служебных задач, осуществляет мероприятия по поддержанию в них благоприятного социально-психологического климата;

- консультирует руководителей органов и подразделений внутренних дел по вопросам организации работы с личным составом и поддержания работоспособности сотрудников.

3. В области организации взаимодействия с психологическими и иными службами различных министерств и ведомств:

- взаимодействует с психологическими и иными службами различных ведомств по психологическому консультированию, оказанию психологической помощи гражданам, оказавшимся в кризисных ситуациях;

- осуществляет работу по оказанию психологической и психотерапевтической помощи пострадавшим, выявлению лиц с неадекватным поведением, психическими отклонениями, находящимися в острых стрессовых состояниях, и применению к ним мер медико-психологической коррекции;

- изучает и проводит анализ социально-психологических процессов и явлений, возникающих среди населения;

- участвует в мероприятиях органов внутренних дел и психологических служб других ведомств по стабилизации негативных социально-психологических проявлений среди населения;

- совместно с психологами других ведомств разрабатывает рекомендации для гражданского населения по преодолению психологических трудностей и предотвращению неблагоприятных последствий пребывания в экстремальных условиях.

4. В области взаимодействия со средствами массовой информации:

- осуществляет взаимодействие со службой информации и общественных связей органов внутренних дел;
- разрабатывает предложения по взаимодействию представителей органов внутренних дел со средствами массовой информации;
- участвует в разработке проектов обращений представителей органов внутренних дел и местных органов власти к населению через средства массовой информации;
- анализирует содержание публикаций и передач средств массовой информации, выявляет возможные непосредственные и отдаленные негативные социально-психологические последствия от них.

Таким образом, как показывает опыт работы психологической службы органов внутренних дел последних лет, организационные вопросы деятельности психологов такого «силового» ведомства, как МВД России, в основном решены.

Это позволило психологам органов внутренних дел с 2004 г. принимать активное участие в деятельности по ликвидации последствий террористических актов. В каждом случае были организованы первоочередные мероприятия по оказанию психологической помощи родственникам пострадавших и психологическое сопровождение деятельности сотрудников, принимавших участие в ликвидации последствий трагических событий.

Эта модель активно использовалась при ликвидации последствий трагических событий, которыми печально памятны прошедшие годы: при захвате заложников в культурном центре на Дубровке, взрывах в столичном метрополитене, нападении незаконных вооруженных формирований на Республику Ингушетия, совершении террористических актов, связанных с захватом двух пассажирских авиалайнеров, вылетевших 24 августа 2004 г. из аэропорта Домодедово, и гибелью их пассажиров на территории Ростовской и Тульской областей.

Особое место в ряду трагических событий, безусловно, занимает террористический акт с захватом средней школы № 1 в г. Беслан Республики Северная Осетия-Алания, имеющий наиболее тяжкие последствия и поэтому требующий более подробного описания.

Перед психологами стояли четыре задачи:

- ликвидация психологических последствий теракта, оказание психологической помощи заложникам, их родственникам;
- работа в местах массового скопления людей, например на митингах;
- помощь личному составу в поддержании работоспособности и нормального психического состояния;
- работа по предотвращению межэтнических конфликтов.

1 сентября после получения информации о захвате заложников группа психологического обеспечения в составе девяти психологов МВД Республики Северная Осетия-Алания прибыла в г. Беслан.

В этот же день на первом этапе работы психологами совместно с оперативным штабом и местной администрацией был осуществлен комплекс организационных мероприятий по выделению помещений для проведения индивидуальной психологической работы с населением и сотрудниками, по созданию телефона «горячей линии». Была организована круглосуточная работа психологов в местах массового скопления населения, осуществлен сбор необходимой информации о настроениях гражданского населения, сотрудников органов внутренних дел, находящихся в оцеплении и на постах.

По указанию руководства оперативного штаба психологам МВД России была поставлена задача по организации координации действий специалистов психологического профиля различных ведомств с целью повышения эффективности психологической помощи родственникам заложников.

На втором этапе работы (2 сентября) Департаментом кадрового обеспечения МВД России дополнительно были привлечены психологи ГУВД Краснодарского, Ставропольского краев и ГУВД Ростовской области, а также психологи МВД Республики Северная Осетия-Алания, которые были разделены на три группы и направлены для работы с сотрудниками и населением в толпе, сосредоточенной в районе дома культуры. Общее число психологов по состоянию на 2 сентября составило 43 человека. Работа была направлена на снижение психоэмоционального напряжения, регулирование состояний, определение паникеров и лиц, провоцирующих массовые беспорядки.

На третьем этапе, самом сложном, — в момент активных боевых действий (3 сентября) — работа психологов была организована по двум направлениям. Одни работали по снятию острого стресса, шока и паники, другие — по нейтрализации агрессии, призывов эмоционального характера. Психологи приняли активное участие в доставке детей и пострадавших до автомобилей, в отправке раненых в больницы. Была организована работа среди сотрудников, взрослого населения, детей и школьников, пострадавших от теракта. В этот день по данным экспертных оценок у значительного большинства гражданского населения наблюдались:

- реакции острого стресса, шоковые состояния;
- повышенная агрессия, страх нападения на себя и детей, страх смерти, состояния психического истощения;
- отсутствие видения будущего, психосоматические боли, мышечная блокировка травмы, ощущение остановки жизни и др.

В то же время у сотрудников, принимавших участие в проведении операции по освобождению заложников и обеспечению общественного порядка в г. Беслан, можно было отметить:

- большое чувство вины;
- глубокие переживания своей профессиональной несостоятельности;
- непреодолимое ощущение агрессии со стороны гражданского населения;
- чувство изоляции.

В течение этого дня и 4 сентября была оказана психологическая помощь более чем 100 взрослым и 50 детям из числа заложников. Они находились в состоянии аффективного шока в ажитированной и ступорозной формах. У большинства бывших заложников наблюдалась атрофия мышц, тремор конечностей, страх закрытых помещений.

Пример 1. Пострадавшая, 34 года. Находилась с заложниками вместе с дочерью, была в состоянии шока. Реакция пострадавшей характеризовалась расстройством сознания, бессмысленными беспорядочными движениями. Не узнавала окружающих, отсутствовал адекватный контакт, была бессвязная речь. Звук, прикосновения еще более усиливали страх. С помощью психотерапевтических методов воздействия ее удалось вывести из фазы аффективного шока, переведя кризисное состояние в фазу реакции и переработки. Она смогла восстановить последовательность происшедшего, узнала и вспомнила мужа.

Пример 2. Ребенок 9 лет находился в захваченной школе вместе с бабушкой, которая погибла. Мальчик находился в ступорозном состоянии, у него наблюдалась обездвиженность, оцепенение, он не узнавал родных. Воспоминания о пережитом эпизодические, бессвязные. У ребенка присутствовало неприятие смерти бабушки, которая занималась воспитанием мальчика. При помощи психотерапевтических методов (арт-терапия, игровые методы с использованием пластилина, мыльных пузырей) ребенку удалось восстановить речь, память, он узнал мать, отца, других родственников.

Кроме того, в это же время психологи органов внутренних дел приняли активное участие в работе с гражданским населением, собирающимся на митинги на главной площади г. Владикавказ. Работа с митингующими была направлена на погашение эмоциональных всплесков, нормализацию ситуации с использованием психологического метода включенного наблюдения и воздействия.

Далее, с 6 по 13 сентября работа психологов была направлена на поддержание работоспособности сотрудников и предупреждение возможных межэтнических вооруженных конфликтов. Проводилась комплексная психологическая работа с сотрудниками 13 районных и поселковых отделов, отделений и стационарных постов милиции, осуществляющих, в том числе, охрану границ

между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия.

Мероприятиями психологического характера было охвачено более 1500 сотрудников МВД РСО-Алания.

С личным составом осуществлены восстановительные мероприятия, направленные на психологическую проработку впечатлений, нормализацию состояния через обсуждение чувств, познавательную организацию переживаемого опыта путем понимания событий, снижение индивидуального и группового напряжения, мобилизацию внутренних и внешних групповых ресурсов, усиление групповой поддержки и солидарности. Для этого проводились специальные групповые тренинги по сплочению служебных коллективов, снятию эмоциональной напряженности и повышению работоспособности, изучалось и корректировалось отношение сотрудников к трагическим событиям последних дней.

Психологическая работа с личным составом органов внутренних дел МВД Республики Северная Осетия-Алания и населением республики, направленная на снижение психологических последствий террористического акта, предотвращение межэтнических конфликтов, оказание психологической помощи пострадавшим, практической помощи в организации работы с сотрудниками, начатая 1 сентября 2004 г. после захвата заложников, была организована и продолжена в октябре.

С этой целью в МВД Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия были направлены еще две мобильные группы психологов. Психологическую работу осуществляли 25 специалистов.

В этот период времени, через 40 дней после первых жертв террористического акта, у значительного числа сотрудников были отмечены состояние хронического переутомления, повышенный уровень эмоциональной напряженности, тревожности, у многих были симптомы обострения хронических заболеваний.

В подразделениях МВД Республики Северная Осетия-Алания особое внимание уделялось личному составу, выполнявшему служебные задачи по ликвидации негативных последствий террористического акта, сотрудникам, получившим ранения, лицам, побывавшим в заложниках, а также членам их семей. Аналогичные мероприятия были проведены с личным составом органов внутренних дел Республики Ингушетия.

Одновременно в МВД Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия с руководящим составом были проведены беседы, психологические тренинги; с психологами — практические занятия по обучению формам и методам оказания психологической помощи сотрудникам и улучшению социально-психологического климата в служебных коллективах.

В результате работы были достигнуты позитивные результаты у большинства сотрудников милиции и населения. Всплеска эмоций и эскалации видения в соседях образа «врага» не было, люди вели себя спокойно. Социально-психологическая обстановка в МВД Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия была стабильна.

Психологической службой МВД России с 1 августа 2004 г. была организована комплексная работа по обеспечению траурных мероприятий, проводимых в связи с годовщиной террористического акта в г. Беслан Республики Северная Осетия-Алания.

На подготовительном этапе были разработаны план работы психологов с личным составом органов внутренних дел Республики Северная Осетия-Алания, график несения службы на объектах 1 — 4 сентября, включая территории школы и кладбища, где похоронены погибшие от террористического акта, постов по охране административных границ между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия.

Группы постоянно работали с личным составом, дислоцированным вдоль границ, на кладбище, где похоронены погибшие, целенаправленно — с личным составом органов внутренних дел г. Беслан, одна группа находилась в резерве. Время несения службы психологами на прилегающей территории и в помещениях школы до 4 сентября было круглосуточное, на кладбище — с 7 ч до окончания мероприятий.

Психологами было изучено морально-психологическое состояние сотрудников органов внутренних дел Республики Северная Осетия-Алания.

Установлено, что сотрудники длительное время несут службу в усиленном режиме ожидания активных действий. У большинства личного состава выявлены повышенное кровяное давление, высокий уровень тревожности, агрессивности, состояние переутомления.

С личным составом на постах проводились индивидуальные беседы, с помощью специальных методов и технических средств снималась усталость, нормализовалось психическое состояние, формировался положительный настрой на бдительное и качественное несение службы. Были проведены инструктажи со всеми сотрудниками постов по соблюдению мер личной и коллективной безопасности.

Психологами проводилось включенное наблюдение за поведением людей, определялся и анализировался их общий настрой, при необходимости оперативно перераспределялись силы и направление работ специалистов.

1 сентября взрослым и детям оказывалась целенаправленная психологическая помощь. С ними были проведены специальные психологические мероприятия по разделению тяжелого горя уг-

раты близких. Траурные мероприятия в основном прошли спокойно.

Таким образом, психологическая служба МВД России играет существенную роль в повышении эффективности деятельности органов внутренних дел при осуществлении антитеррористической деятельности, поддержании боеспособности подразделений, нормализации психологических состояний гражданского населения при проведении массовых митингов и демонстраций.

4.2.4. Методическое обеспечение психологической работы

Поддержание психического здоровья сотрудников, принимающих участие в проведении антитеррористических операций, может достигаться посредством комплексного применения различных методов и средств воздействия на функциональное состояние сотрудников, в том числе с использованием специальных психологических приборов. При этом применение современного психологического оборудования рассматривается не только как самостоятельное направление работы. Оно интегрировано в психотехнологии реализации основных психологических мероприятий (например, в сеансы обучения приемам саморегуляции или снятия нервно-психической напряженности, психокоррекционные сеансы).

В целях организации психологической работы с личным составом органов внутренних дел, в первую очередь в экстремальных условиях, нормативными правовыми актами МВД России предусмотрено использование психологами кадровых аппаратов специального психодиагностического и психокоррекционного оборудования: приборов «Релана», «Цветодин», «Активациометр», «АПЭК»; аппаратов «Voyager», ионизации воздуха.

Наличие подобного оборудования делает возможным полноценное проведение психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий. При этом работа психолога приобретает свои особенности.

Перед началом проведения психокоррекционных мероприятий необходимо оценить текущее психоэмоциональное состояние сотрудника. Для этого психолог использует различные методики (например, диагностические опросники и собеседование, методы визуальной диагностики).

Точное и оперативное получение информации о психоэмоциональном состоянии человека возможно с помощью прибора «Активациометр». Данный прибор может определять активацию и функциональную асимметрию полушарий головного мозга человека, находить акупунктурные точки и оценивать некоторые пси-

хофизиологические параметры организма (диагностика подвижности — инертности нервной системы, баланса нервных процессов по возбуждению и торможению; координации и асимметрии двигательных функций). Типовая схема применения прибора «Активациометр»: первичная диагностика психоэмоционального состояния сотрудника (работа с прибором) → психокоррекционная работа → оценка эффективности проведенной работы (работа с прибором).

Сочетание аппаратурных психодиагностических техник релаксации и восстановления психологического состояния позволяет проводить быстрое обучение сотрудников навыкам расслабления и мобилизации. К числу подобного психодиагностического оборудования относится прибор биологической обратной связи «Релана».

Принцип действия прибора «Релана» основан на непрерывном измерении поверхностного электрокожного сопротивления человека, которое в процессе релаксации увеличивается. Для установления условно-рефлекторной связи в ходе сеанса обучения навыкам расслабления и мобилизации величина электрокожного сопротивления отражается на шкале гальванометра и модулируется высотой звукового тона, генерируемого прибором. В процессе релаксации звуковой сигнал понижается до полного исчезновения. При этом стрелка гальванометра отклоняется в крайнее левое положение.

Наибольший релаксационный эффект достигается при комплексном использовании прибора и специальных упражнений на напряжение и расслабление мышц тела. Применение прибора с биологической обратной связью и специальных упражнений в комплексе с другими техническими средствами является своеобразной «психогигиенической методикой», предотвращающей накопление остаточных явлений психического перенапряжения, способствующей восстановлению сил, нормализации эмоционального фона деятельности.

Типовые схемы применения прибора «Релана».

1. Сеанс психокоррекции: первичная диагностика психоэмоционального состояния сотрудника (работа с прибором) → психокоррекционная работа → оценка эффективности проведенной работы (работа с прибором).

2. Обучающий сеанс: обучение навыкам саморегуляции → контроль процесса обучения в ходе практического выполнения сеанса саморегуляции сотрудником (работа с прибором).

Для повышения эффективности психокоррекционной работы целесообразно сочетать музыкальное сопровождение с *методами цветодинамического воздействия*. Так, применение прибора «Цветодин» позволяет не только снимать нервно-эмоциональное напряжение, восстанавливать профессиональную работоспособность

у сотрудников и оперативно снижать утомляемость, но и обучать их навыкам саморегуляции психических состояний.

Основной принцип визуального воздействия, используемый в методике цветодинамического воздействия, заключается в проецировании на экран обычного размера особых движущихся цветных пятен различного цвета, внутри которых происходит плавная смена цветов посредством постепенного заполнения текущего цветного пятна новым, причем такое движение происходит как от периферии к центру, так и наоборот. Сам цветовой набор чередующихся мозаичных пятен, режим смены цветовой гаммы изображений, его темпоритмика, направление эффектов движения, время экспозиции и освещенность подбираются специально в зависимости от задачи коррекционного воздействия по типу релаксации или активации.

Производимый эффект цветодинамического воздействия реализуется за счет разнообразия и декоративности экспонируемых изображений, заложенных в конструктивные возможности новых оптических принципов преобразования дискретных цветных рядов в цветодинамические изображения. Они обладают психореабилитирующим или активирующим эффектом, существенным отличием которых от традиционных визуальных средств являются динамизм, неповторяемость и абстрактность изображений, отсутствие конкретных образов на экране. Это вызывает активное включение в процесс коррекционного воздействия расширенного поля зрения, затормаживание мнемических и когнитивных процессов и приводит к снижению порогов внушаемости.

Цветодинамическое воздействие увеличивает период последовательной смены процессов торможения — активации и разрывает связанность негативно ориентированных ассоциаций.

Методика проведения сеанса цветодинамической регуляции предусматривает поэтапное использование двух режимов. *Релаксационный*, на котором применяется успокаивающая цветовая гамма и инструментальная музыка (минимальное время воздействия 6—8 мин). Для трансляции музыкального сопровождения цветодинамического воздействия используются как акустические системы, так и головные стереофонические телефоны (в том числе беспроводные).

По истечении времени релаксационного режима происходит переход к *режиму активации*, для чего используется цветовая комбинация красных, оранжевых тонов и их комбинации с добавлением 3—4 зон голубого, зеленого и сине-зеленого тонов при скорости перемещения цветового изображения от 1 до 2 мин (длительность — не менее 6 мин). Соответственно подбирается мобилизующая функциональная музыка для выведения из состояния релаксационного погружения.

Типовая схема применения прибора «Цветодин»: использование прибора в сочетании с другими психокоррекционными техниками. Данное специальное оборудование применяется, как правило, при групповых формах психологической работы.

Среди приборов индивидуальной психокоррекционной работы особое место занимают аппараты «АПЭК» и «Voyager».

Аппарат психоэмоциональной коррекции «АПЭК» предназначен для снятия у сотрудников психологической усталости, стресса и депрессии посредством воздействия на зрительный анализатор человека.

Принцип действия прибора «АПЭК» основан на том, что каждый цвет оптического спектра электромагнитного излучения оказывает определенное воздействие на психоэмоциональное и физиологическое состояние сотрудника. Так, красный, оранжевый и желтый цвета оказывают возбуждающее действие; зеленый, голубой, синий и фиолетовый — седативное действие.

Варьируя подбором очков с различными светофильтрами, психолог формирует необходимый психокоррекционный (мобилизующий, стабилизирующий, релаксационный) эффект. Однако при хромотерапии стрессов и психофизиологических расстройств, выбирая тот или иной цвет излучателей, необходимо учитывать не только текущее психоэмоциональное состояние сотрудников, но и сопутствующие заболевания.

Типовая схема применения прибора «АПЭК»: использование прибора в сочетании с другими психокоррекционными техниками (например, аудиальной и аромастимуляцией).

Многофункциональное назначение имеет прибор аудиовизуальной стимуляции «Voyager», который применяется для снятия нервно-эмоционального напряжения, восстановления основных психических функций, оперативного восстановления работоспособности и снижения утомляемости сотрудников, повышения функциональных возможностей организма, устойчивости к влиянию стрессовых факторов; обучения навыкам саморегуляции психических состояний.

Встроенные типовые программы прибора «Voyager» сочетают комбинацию ритмов и тонов определенной высоты, музыкальных звуковых эффектов с калейдоскопическими эффектами световой стимуляции, что в сумме оказывает необходимое психокоррекционное воздействие, регулируя психическое состояние человека и минимизируя стрессовое воздействие. Эффекты варьируются от «мобилизации» до «медитативных состояний» и «погружения в сон» (в зависимости от типа стимуляции).

Типовые схемы применения прибора «Voyager».

1. Сеанс психокоррекции: использование прибора одновременно с воздействием функциональной музыки и ароматерапии, а также в сочетании с методиками психокоррекции.

2. Обучающий сеанс: обучение навыкам саморегуляции → контроль процесса обучения в ходе практического выполнения сеанса саморегуляции сотрудником (работа с прибором).

Для усиления восстановительного и профилактического эффекта психологических методов с учетом особенностей психических состояний сотрудников рекомендуется использовать *арома-* и *фитотерапевтические методы*.

Комплексное психокоррекционное воздействие дополняется применением приборов *аэроионопрофилактики* (Люстра Чижевского), являющихся активными лечебно-профилактическими средствами воздействия на функциональное состояние. Они обладают успокаивающим действием, нормализуют суточные ритмы бодрствования, артериальные дистонии, снижают вредное воздействие воздушно-капельных инфекций.

В настоящее время в целях положительного влияния на функциональное состояние сотрудников ОВД широкое распространение получила *функциональная музыка*, а также ее сочетание со *световыми и цветовыми воздействиями*.

Музыка оказывает значительное воздействие на нервную систему человека, а через нее — на организм в целом. Прослушивание специально подобранных музыкальных программ может способствовать нормализации психического состояния, прежде всего сферы эмоциональных переживаний, а также поддерживать работоспособность, предупреждать развитие состояний утомления и монотонии, помогать скорейшему восстановлению сил во время отдыха после выполнения оперативно-служебных задач. Музыка может также помочь быстро мобилизоваться, собраться с силами или же, напротив, в ситуации тревожного ожидания, при чрезмерном волнении, эмоциональном напряжении — отвлечь, успокоить, поднять настроение.

Общие *требования для функциональной музыки* следующие.

1. Она должна быть незнакомой для прослушивающих и время от времени обновляться, так как воздействие ассоциаций из прошлого опыта человека, связанных со звучанием знакомой музыки, может вступать в противоречие с воздействием, осуществляемым при прослушивании ее в качестве функциональной.

2. Музыка должна быть достаточно легкой для восприятия, не содержать много непривычных для слуха звучаний, но и не чересчур упрощенной (не создавать впечатление «популярной» музыки).

3. По эмоциональной насыщенности эта музыка должна быть средней, с меньшим эмоциональным разнообразием в пределах одной композиции, нежели это бывает в музыке, прослушиваемой в концертном зале, так как функциональная музыка, как правило, бывает лишь «фоном» для повседневных занятий.

4. В музыке не должно быть резких перепадов громкости. Композиции, составляющие одну программу, должны быть похожи

по стилю, а соседствующие в программе (прослушиваемые одна за другой) композиции не должны резко контрастировать по тональности (лучше, если они звучат либо в одной тональности, либо в тональностях 1—2 степени родства), потому что резкие контрасты всегда бывают сами по себе сильным отвлекающим раздражителем, причем чаще всего — негативно эмоционально окрашенным.

5. В помещении с повышенным уровнем шума желательно, чтобы тональность музыки совпадала с основной тональностью шумов, причем предпочтительны электронные звучания. Чаще всего рекомендуется использовать инструментальную музыку или вокальную на незнакомом языке, с не слишком большим, но и не слишком малым числом участвующих инструментов (примерно столько, сколько их в камерном ансамбле).

Музыкальное сопровождение используется также при проведении сеансов психологической релаксации для формирования состояния аутогенного погружения на начальном периоде сеанса аутогенной тренировки, а также для выхода из этого состояния в завершающей стадии, активации дыхательной гимнастики и других активизирующих процедур.

Таким образом, технологии психологической работы с использованием специального психодиагностического и психокоррекционного оборудования объединяют разнородные стимулы, усиливающие общий эффект психокоррекционного воздействия за счет задействования различных сенсорных каналов восприятия. Они расширяют доступный инструментарий психологической работы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что такое «география толпы»?
2. Охарактеризуйте психологические приемы воздействия на толпу извне и изнутри.
3. Какие мероприятия по противодействию паническим настроениям в обществе вы знаете?
4. Какие приемы используются в борьбе со слухами?
5. Назовите признаки, по которым можно распознать террориста-смертника.
6. Какие мероприятия предотвращают теракт с участием террориста-смертника?
7. Какие психологические факторы влияют на деятельность сотрудников правоохранительных органов при выполнении боевых задач в экстремальных условиях?
8. Назовите и охарактеризуйте приемы психологической помощи пострадавшим в результате теракта.
9. Перечислите основные задачи и функции групп психологического обеспечения.

ГЛАВА 5

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРЕГОВОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

5.1. Виды переговоров

Нередко единственным средством предотвращения тяжких последствий при захватах заложников являются *переговоры* — диалоговое общение с преступниками и их представителями с целью достижения приемлемых соглашений, направленных на снижение общественной опасности и возможного вреда, получение необходимой оперативной информации.

Проблема ведения переговоров с преступниками возникла сравнительно недавно. Однако, начиная с середины 80-х гг., положение коренным образом изменилось. Участились случаи захвата транспортных средств из террористических, корыстных и других намерений, похищения людей с целью выкупа, массовых беспорядков и других опасных противоправных акций. Практически во всех подобных ситуациях приходится вступать в переговоры для предупреждения преступлений ради сохранения жизни и здоровья людей, материальных и других ценностей, решать задачи предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Поэтому появилась острая необходимость качественной подготовки специалистов к переговорной деятельности.

Вполне приемлемым является определение переговоров как метода приспособления конфликтных интересов путем нахождения компромиссов, которые для обеих сторон не являются полностью неприемлемыми (Фишер Р., Юри У., 1992).

К одному из видов переговоров в конфликтных условиях относятся переговоры в «ситуации заложника». Захват заложников осуществляется преступниками, как правило, с целью получения какой-либо выгоды, преимуществ, с целью обеспечения выполнения своих требований, намерений и т. п. Преступник идет на переговоры, так как понимает, что выполнение его требований за-

¹ При разработке раздела использованы опубликованные ранее материалы Н. В. Андреева.

висит от противоположной стороны. Переговоры ведутся с преступником исходя из того, что человеческая жизнь имеет непреходящую ценность, а сами переговоры — это, по сути, единственная, хотя и не очень надежная гарантия сохранения жизни заложников. Пока ведутся переговоры, есть надежда на их освобождение.

Переговоры с террористами считаются за рубежом вынужденной, но допустимой мерой, направленной на освобождение заложников, и не рассматриваются как отступление от принципиального курса на жесткое противодействие терроризму. Так, в США официальной позицией считается принцип «никаких уступок террористам». Вместе с тем правительство США заявляет, что, исходя из тактических соображений, «будет разговаривать с любыми лицами и использовать любые доступные средства для освобождения американских граждан, взятых в заложники».

Жесткой позиции до настоящего времени придерживались Израиль, Иордания, Сирия, Ирак, Аргентина, Колумбия, Уругвай, считающие, что ни в какие переговоры с террористами вступать не следует, и предпочитающие незамедлительное проведение полицейских или военных операций.

Достаточно гибкую позицию в вопросе ведения переговоров с террористами занимают Великобритания, Франция, Италия и Голландия. В этих странах, как и в большинстве других западных стран, переговоры рассматриваются как оптимальная форма разрешения кризисной ситуации, особенно в случаях, когда в инцидент вовлечено несколько государств.

За рубежом на основе многолетней практики борьбы с терроризмом выработался ряд основополагающих принципов организационно-тактического плана, которым должна следовать противостоящая террористам сторона, чтобы добиться реального успеха в деле освобождения заложников. Это использование в критических ситуациях, связанных с захватом заложников, специально подготовленных групп и отдельных квалифицированных специалистов, выбор соответствующего конкретным обстоятельствам *переговорщика* (переговорщиков); определение наиболее рационального в данных условиях способа общения с террористами, организация информационно-аналитической работы по оценке ситуации и ее различных аспектов в целях использования поступающей информации и результатов ее анализа для направления хода событий в благоприятное для освобождающей стороны русло; проведение четкой и согласованной работы с прессой во избежание нежелательного и неблагоприятного для освобождающей стороны освещения событий, постоянное взаимодействие переговорщиков с подразделениями, нацеленными на силовое подавление террористов, с тем чтобы выбрать наиболее подходящий момент для их нейтрализации (ликвидации); постоянная фиксация всех

аспектов обстановки для последующего объективного и детального анализа и выработки соответствующих выводов и рекомендаций на будущее.

Таким образом, в практику деятельности большинства стран в «ситуации заложника» прочно вошли переговоры с преступниками, основной целью которых является сохранение жизни и здоровья сограждан.

Тем не менее позиции в переговорах, занимаемые конкретными людьми, могут быть различными. Нужно ли в связи с этим говорить о том, что абсолютно жесткая позиция в переговорах («Никаких уступок преступникам!») в большинстве случаев будет приводить к смерти заложников. Однако следует предостеречь и от другой крайности, а именно от безоговорочной исполнительности всего того, что требует преступник. В этом случае происходит явление, которое можно охарактеризовать термином «эскалация желаний». Эскалация желаний преступника может достичь такого уровня, что его требования окажутся невыполнимыми, а резкий переход от уступчивости к отказу вызовет у него такую же реакцию, как и в случае абсолютно жесткой позиции. Необходимо помнить, что переговоры — это не только наука, но и искусство, то есть творчество, имеющее свои эвристические, этические и эстетические начала, неповторимые интеллектуальные достижения (Фишер Р., Юри У., 1992).

В связи с этим Н. В. Андреев¹ отмечает некоторые «стратегические» приемы ведения переговоров, которыми переговорщик должен уметь пользоваться на протяжении всего процесса переговоров.

Пожалуй, самым важным из них является умение вести торг. Уметь предлагать обмениваться за любое из исполняемых требований преступника — путь к успешным переговорам.

Другим важным приемом ведения переговоров является затягивание времени. Даже самое незначительное требование должно обговариваться, должны указываться трудности (или просто условия) его выполнения, «вскрываются» объективные причины невозможности уложиться в отведенные сроки и т. п.

Следующий прием заключается в умении большую проблему разбить на маленькие. Выполняя требования поэтапно, вы создаете у преступника ощущение положительной динамики происходящих событий и выигрываете время.

Умение при предложении альтернативы предоставлять несколько вариантов также является важным. Выбор всегда предпочтительнее в психологическом плане, нежели его отсутствие. Однако

¹ Андреев Н. В. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: метод. пособие / сост. В. В. Вахнина. — М., 2004.

предлагаемых вариантов альтернативного решения не должно быть слишком много: два — четыре вполне достаточно. Выбор предлагает преступнику задумываться и, следовательно, снижает вероятность иррационального поведения, снимает эмоциональную напряженность и служит интересам установления более глубокого психологического контакта (доверия) между переговорщиком и преступником, ведущим переговоры.

Необходимо не забывать и о том, что переговоры должны вестись по логике протекания процесса общения вообще. **Первый этап** — вхождение в контакт, этап накопления согласия, то есть поиск приемлемых тем для разговора, сходных оценочных суждений (например, начинать предложения с согласия, по типу: «Да..., но...» или с обращения к мудрости, опыту: «Вы же знаете сами..., Вы же опытный человек...»). **Второй этап** — основной, на котором излагается суть предложений, требований, просьб (варьируются стили ведения переговоров, применяются всевозможные психологические уловки, давление, заигрывание и т. п.). **Третий этап** — заключительный, здесь подводятся итоги, проговаривается то, о чем договорились (на этом этапе зачастую используется такой психологический прием, как перефразирование).

Безусловно, эффективность переговорного процесса зависит от умения переговорщика установить и использовать особенности характера преступников в целях оказания на них психологического давления.

Определение характерологических особенностей и установление психологического контакта с преступником начинается уже с первых моментов захвата заложников в связи с необходимостью классифицировать степень общественной опасности возникшей ситуации. Поэтому с целью выработки наиболее эффективного плана действий производится определение мотива, ситуации и типа преступника. В зависимости от мотива преступления Н. В. Андреев (2003) приводит *типологию террориста*, которую можно представить в следующем виде.

1. Ведущий мотив — уголовный.

1.1. Тип преступника — бегун.

Мотивировка поступка — избежание наказания.

Обстоятельства захвата заложников:

– преступник застигнут в момент совершения преступления, или захват заложников совершен в процессе преследования преступника;

– количество преступников — 1—2, редко больше;

– состояние преступников на момент захвата; возбуждение, растерянность, может быть страх, ощущение «загнанности в угол» (кроме того, в случае погони за ними — усталость, измученность); пытаются скрыться с места первоначального преступления, избежать задержания и остаться на свободе, однако слабо представля-

ют себе, «что же дальше», каковы возможные последствия их поступков, в действиях нет никакой заранее продуманной логики, преобладают импровизация и экспромт, уровень которых определяется интеллектуальными возможностями и их криминальным опытом.

1.2. Тип преступника — *вымогатель*.

Мотивировка поступка — получение выгоды, чаще всего выкупа в виде недвижимости (прав на недвижимость), валюты и т.п.

Обстоятельства захвата заложников:

– преступники, как правило, хорошо подготовлены, имеют несколько проработанных вариантов действий, даже если жертва вымогательства становится заложником в ходе неудавшейся попытки получения выкупа немедленно;

– кроме открыто действующей группы исполнителей возможны сообщники, например группа прикрытия, руководители и т.п., которые действуют скрытно;

– состояние преступников: отчетливое осознание своих действий и их возможных последствий, готовность к различным вариантам развития событий, самообладание, хладнокровие, смелость, решительность, напористость.

1.3. Тип преступника — *боевик*.

Мотивировка поступка — добиться освобождения или изменения условий своего заключения.

Обстоятельства захвата заложников:

– заключенный действует сознательно, по заранее продуманному и тщательно отработанному плану;

– преступник, он же заключенный, как правило, один, тем не менее не исключена вероятность и группы;

– состояние преступника: собран, уравновешен, имеет высокие волевые качества, чаще всего с большим уголовным опытом, хорошо ориентируется в обстановке, знает сильные и слабые стороны и возможности правоохранительной системы в целом, в том числе конкретного учреждения и его отдельных сотрудников, способен организовать и, как правило, имеет сообщников вне конкретного места действия, не испытывает особых переживаний по поводу возможного продолжительного лишения свободы.

2. Ведущий мотив — *политический*.

2.1. Тип преступника — *социальный протестант*.

Мотивировка поступка — социальный протест.

Обстоятельства захвата заложников:

– захват заложников является последним средством после долгих и безуспешных «мирных» усилий добиться определенных, как правило, личных социальных улучшений;

– социальный протестант почти всегда один;

– состояние преступника: возбужден, раздражителен, не критичен, маниакальное упорство в отстаивании своей истинной или воображаемой правоты, может иметь (завоевать) моральную поддержку у части населения, признаки невротизации вследствие изнурительной «борьбы за правду», сутяжные черты характера, убежденность в способности добиться поддержки и даже соучастия со стороны членов семьи, родственников, друзей, знакомых, слабое понимание правовых последствий предпринимаемой акции по захвату заложников; логичность, последовательность и предсказуемость действий определяются, с одной стороны, интеллектуальными качествами преступника, с другой — степенью его невротизации.

2.2. Тип преступника — *преобразователь*.

Мотивировка поступка — осуществление необходимых преобразований в обществе.

Обстоятельства захвата заложников:

– действия по захвату и удержанию заложников, ведению переговоров тщательно спланированы, организованы, координируются и контролируются «вышестоящим руководством», которое в акции не принимает участия;

– преступники — политические единомышленники, как правило, делятся на две — три группы, например, исполнители (боевики), группа прикрытия и руководящий центр;

– состояние преступников: главная цель — запугать общественность, политических противников и тем самым заставить их выполнить предъявляемые политические требования (предоставление прав, прекращение преследования, освобождение единомышленников и т.п.); чрезвычайно опасны, так как по убеждению и совершенно сознательно пошли на столь радикальную меру; имеют хорошую теоретическую, методическую и материально-техническую подготовку к акции; круг интересов и пристрастий ограничен рамками политических убеждений и стремлений; если это группа, то присутствует жесткая дисциплина и строгая подчиненность вышестоящему руководству, однако не исключена вероятность ситуативно обусловленного неистовства, сопровождающегося утратой способности критического восприятия реальности и контроля собственного поведения; необходимо помнить, что предсказуемость поведения затруднена в состоянии психофизического истощения и нервно-психического срыва;

– к личностным характеристикам каждого из преступников можно отнести следующее: фанатически предан определенной идее, агрессивен в ее отстаивании, убежден, что законы, противоречащие отстаиваемой идее, не имеют никакой силы и не должны соблюдаться, нетерпим к инакомыслию, «чуждым» взглядам, склонен к демагогии, откровенному цинизму, может иметь (завоевать) моральную поддержку у части населения, целеустремлен,

настойчив, решителен, упрям, неистово самоотвержен, смел, вынослив, аскетичен, привычен к самоограничениям и лишениям, может длительное время обходиться без сна, еды и т. п.

3. Ведущий мотив — психологический.

3.1. Тип преступника — самоубийца.

Мотивировка поступка — доказать свою правоту.

Обстоятельства захвата заложников:

– толчок к совершению преступления — ярко выраженный аффект;

– преступник — протестующий самоубийца;

– состояние преступника: старается привлечь к своему уходу из жизни (или к демонстрации такового) как можно больше внимания, особенно когда на «спокойное и достойное» расставание с жизнью недостает решимости; характерно полное отрицание ценности собственной жизни; восприятие реальности, рациональных доводов затруднено или невозможно, не исключена вероятность психического заболевания.

3.2. Тип преступника — психически больной.

Мотивировка поступка — освобождение от личностной проблемы.

Обстоятельства захвата заложников:

– преступник, как правило, действует бессознательно, нелогично, непредсказуемо;

– преступник — психически больной человек;

– состояние преступника: повышенная тревога, двигательная гиперактивность, страх, возможное помутнение сознания, проявляющееся в галлюцинациях, бреде (преследования, воздействия и т. п.), поведение в значительной мере определяется особенностями течения болезненного психопатологического процесса.

3.3. Тип преступника — мститель.

Мотивировка поступка — субъективно мучительное чувство обиды, стыда, униженного достоинства вследствие причиненного или воображаемого морального или материального вреда.

Обстоятельства захвата заложников:

– действия целеустремленны, продуманы, логичны настолько, насколько позволяет интеллект преступника;

– преступник — личность, действующая из чувства мести;

– состояние преступника: гипертрофированные переживания обиды, унижения, стыда.

Рекомендации переговорщику по тактике ведения переговоров в зависимости от позиции преступника.

1. При нейтрально-оборонительной позиции:

– сообщить о полномочиях, вести переговоры уверенно и спокойно;

– наводящими вопросами попытаться выяснить степень принадлежности к группе и степень осведомленности;

– строго предупредить об уголовной ответственности, попытаться перевербовать.

2. При наступательно-агрессивной позиции:

– сообщить о полномочиях, вести переговоры уверенно и спокойно, накапливать элементы согласия;

– попытаться заставить преступника идентифицировать себя с переговорщиком;

– вызывать к гуманности, объективности и логике;

– проявлять готовность к обмену, но не предлагать выкуп сразу;

– не давать преступнику взять инициативу, попытаться успокоить, прислушаться и говорить его языком на вербальном и невербальном уровне;

– показывать заинтересованность в собеседнике, если «напирать», то напор должен быть вежливым и убедительным;

– помнить, что противник не является подчиненным, поэтому при неудачных переговорах может закрыться и уйти;

– предупредить об уголовной ответственности;

– задавать как можно больше уточняющих вопросов, расчленяющих проблему на более мелкие;

– передать условия и договориться о следующей встрече.

Выбор кандидата из числа предварительно подготовленных переговорщиков необходимо осуществлять по следующим приведенным ниже характеристикам.

1. По возрасту: например, при переговорах с молодым человеком в возрасте 18—25 лет желательный возраст переговорщика — 30—40 лет. Если будет ровесник, то возможно неприятие переговорщика преступником («...не воспринимают серьезно наши намерения, возраст-то не соответствует полномочиям, стараются затянуть время...»), если старше 45 лет и более, то может возникнуть ощущение давления, следствием чего может быть агрессия. Также из-за большой разницы в возрасте переговорщик и преступник могут говорить на разных языках и иметь большое различие в шкале ценностей, вследствие чего трудно достигнуть взаимопонимания.

2. По одежде: желательна гражданская одежда, костюм указывает, что данный человек с уважением относится к себе, а также к тому человеку, к которому он пришел на встречу. Однако может быть и наоборот, то есть форменная одежда может восприниматься как серьезность подхода.

3. По внешним данным: желателен средний рост, так как высокий человек ассоциируется с желанием подавлять, смотреть свысока, а человек ниже среднего роста, возможно, будет стараться компенсировать разницу в росте своими полномочиями, и диалог может не получиться. Телосложение желательно среднее или спортивное, ведь человек в «хорошей форме» следит за собой, уважает себя, а значит способен с должным вниманием отно-

ситься к другому человеку, подсознательно это вызывает симпатию и уважение.

4. По речевым навыкам и навыкам психологического контакта: предпочтительны спокойный голос, уверенный тон, мягкий тембр голоса, хорошо развитая и поставленная речь, желательна способность легко вступить в контакт и удерживать его, умение извлекать и использовать информацию по ходу беседы, обладать искусством слушания, то есть уметь не только для себя извлекать информацию, но и показать на вербальных и невербальных уровнях общения свою заинтересованность проблемами собеседника.

5. По профессиональному опыту общения с различными категориями граждан (в том числе с представителями криминальных структур): для того, чтобы кандидат с первых минут общения умел определить, к какой социальной (криминальной) группе относится данный человек, его социальные ценности, и, исходя из этого, умел строить беседу, используя слова и обороты речи, которые будут понятны собеседнику и найдут у него отклик.

Кроме того, переговорщика необходимо оснастить радиомаячком, «мечеными» деньгами (если требуются), сам переговорщик должен иметь при себе аудиозаписывающую аппаратуру. Место встречи должно быть в поле обзора видеокамер, нужно по возможности изменить внешность переговорщика, предусмотреть пути его отхода и варианты прикрытия.

Особое внимание необходимо уделить психологическому состоянию будущего переговорщика, особенно если предстоят переговоры «лицом к лицу».

Переговоры «лицом к лицу».

Этот способ одновременно является и самым эффективным в отношении психологического воздействия на преступника, и самым сложным, опасным с точки зрения личной безопасности переговорщика, речевой нагрузки, выдерживания смыслового контекста ведомого диалога, так как любая оговорка, попадание в логическую ловушку, простая несдержанность могут свести на нет все усилия.

Контакт «лицом к лицу» требует предварительной проработки ситуации. Так, если переговорщик должен идти на открытый контакт в ходе развивающихся событий, то предварительные условия ведения переговоров уже должны быть оговорены (в основном в отношении безопасности переговорщика и сохранности жизни заложников, по крайней мере во время самих переговоров). Если до переговоров есть время, то нужно использовать его для максимального сбора информации о преступниках, заложниках, самой ситуации и учесть все это при организации процесса переговоров.

Безусловно положительным при переговорах «лицом к лицу» является то, что у преступника часто открыто лицо, но даже если

лицо спрятано под маской, то жесты, руки, мимика, выражение глаз, как правило, успешно дешифруются переговорщиком, чему способствует прямой зрительный контакт. Кроме этого, практически неискаженная эмоциональная окраска речи может служить опытному переговорщику ориентиром при применении тех или иных приемов психологического давления на преступника. Можно попытаться использовать логические ловушки, неожиданные повороты в диалоге, просить согласия на решение некоторых вопросов и т. п.

Однако все это может быть направлено и против переговорщика, особенно если последний неопытен, психологически менее устойчив (слабее духом), чем преступник, не сумел расположить его к себе, оказался неавторитетным. Ведь дешифрация личности происходит не только в отношении преступника, но и в отношении самого переговорщика. Поэтому перед открытым контактом необходимо позаботиться об изменении, камуфлировании внешних данных переговорщика, если переговорщик и преступник лично незнакомы.

Следует также отметить, что при переговорах «лицом к лицу» использование лично значимых для преступника граждан (безусловно, под строгим контролем органов внутренних дел) наиболее желательно. Ими могут быть: родственники, учителя, соседи, сотрудники органов внутренних дел, соприкасавшиеся когда-либо с преступником (чаще всего это следователи, сотрудники уголовного розыска), просто друзья и др.

При организации переговорного процесса в условиях личного контакта с преступником(ами) оптимальным считается ведение диалога один на один, однако если ситуация не позволяет этого, то желательно, по крайней мере, добиваться того, чтобы в переговорах участвовало равное количество человек как с одной, так и с другой стороны. При этом нужно стремиться к тому, чтобы собственно разговоры велись только между одним переговорщиком и одним преступником.

Между людьми, непосредственно ведущими диалог, образуется так называемая зона эмоциональной вовлеченности, границы которой определяются вполне реальными вещами, такими как громкость и тембр голоса, четкое изложение своих мыслей, мимика лица, выразительность жестов, эмоциональность речи и т. п.

Важным является вопрос о личном оружии переговорщика. За рубежом исследователи проблем переговорной деятельности отмечают, что оружие у переговорщика может быть, однако ему категорически запрещается его применять, иначе сам институт переговорщиков как таковой, базирующийся на психологическом контакте, просто рухнет. Тем не менее определенные меры предосторожности должны быть предприняты, например, организация снайперского прикрытия, путей отхода или ухода с места перего-

воров, запрещение переговорщику использования жестов или поз, которые могут быть истолкованы как подготовка к нападению. Кроме этого, сам переговорщик не должен приступать к собственно переговорам, пока преступник сильно возбужден (необходимо постараться его успокоить) или оружие преступника направлено на переговорщика (нужно попросить опустить оружие).

В заключение рассмотрения этого вопроса отметим особенность контакта с душевно неуравновешенными людьми. В переговорах с ними лицом к лицу задача успокоения преступника становится чрезвычайно важной. Есть несколько *правил*, которые должен соблюдать переговорщик:

- не делать резких движений, предупреждать о каждом своем последующем действии;
- принимать философию преступника, но не идти у него на поводу;
- не поворачиваться к нему спиной;
- внимательно следить за его поведением, так как некоторые душевно неуравновешенные люди не выдерживают контакта глаз, и, как следствие, возможна импульсивная реакция;
- выражать свои мысли при помощи четкой, по возможности незамысловатой, без подтекста речи.

Переговоры с помощью технических средств связи.

Переговоры могут вестись по телефону, через мегафон, при помощи портативного радиопередатчика или в письменном виде.

Однако нужно помнить о некоторых недостатках использования того или иного вида связи. Например, использование мегафона неудобно, так как преступника слышно плохо, а неоднократные просьбы повторить ответ могут его заставить замолчать совсем или вызвать неожиданные импульсивные действия с его стороны. Переговоры по радио быстро становятся известны средствами массовой информации. Кроме того, преступник может не уметь пользоваться радиопередатчиком, что создаст дополнительные трудности. Переписка приемлема, когда нет возможности воспользоваться другими средствами.

Общим недостатком в использовании технических средств связи является то, что современный уровень развития электроники позволяет прослушивать переговоры без обнаружения себя переговаривающимися сторонами достаточно длительное время.

В этой связи необходимо отметить, что содержание переговоров с преступником не должно быть открыто полностью для средств массовой информации даже некоторое время спустя. Это обусловлено тем, что пресса может подвергнуть непрофессиональной критике сам стиль ведения переговоров, что отрицательно сказывается на психологическом состоянии переговорщика (понижает уверенность в своих силах, вызывает чувство обиды за неоцененный труд, снижает мотивацию деятельности сотрудника как пе-

переговорщика и т. п.). Щеголяя своей осведомленностью, журналисты могут раскрыть широкой публике (и даже самим террористам, если переговоры ведутся несколько дней) используемые в таких ситуациях приемы оперативно-розыскных мероприятий. Пресса может усилить психологическое напряжение ситуации, негативно приукрашивая обстоятельства захвата преступниками заложников, особенно в части характеристик, даваемых прессой преступникам.

Несмотря на вышеизложенное, наиболее оптимальным способом, гарантирующим безопасность переговорщика, наиболее полное использование психологических приемов и установление возможно более тесного контакта с преступником, является телефонная связь.

Установлено, что для переговоров лучше всего выделять группу из 2—4 человек. Сотрудник, ведущий переговоры, должен иметь двустороннюю связь с преступником. Переговоры при этом должны записываться на магнитофон, подключенный к линии связи.

Желательно, чтобы лица, ведущие переговоры, находились в отдельном помещении. *Обязательным условием* является то, что они не должны быть посвящены в планы дальнейших действий в рамках специальных операций, чтобы случайно не выдать их преступнику.

Необходимо, чтобы переговорщики имели связь со своим руководителем по отдельной телефонной линии. Прослушивать линию, по которой ведутся переговоры, должен только командир подразделения. Ее следует снабдить приборами, позволяющими осуществлять прослушивание при опущенных телефонных трубках.

В ходе переговоров сотрудникам необходимо быть готовыми к любым неожиданным действиям преступников, так как требования и ожидания преступников могут изменяться под воздействием времени и обстоятельств.

Особенностью переговоров с использованием технических средств связи является то, что применение преступником технических средств преследует цель как можно большего сокрытия, маскировки своей личности. Поэтому важнейшей задачей эксперта-переговорщика, психолога становится помощь оперативным службам в идентификации личности преступника. Для этого необходимо уметь «разговорить» преступника, иметь как можно больше записей разговоров с ним, когда он находился в различных состояниях, анализировать его действия и имеющиеся кино- и видеоматериалы.

Затягивание переговоров может в определенных условиях быть обоюдоострым оружием. Во-первых, с течением времени проходит эмоциональная напряженность первых моментов, и преступники начинают мыслить более рационально, однако среди сотрудников специальных подразделений, привлекаемых для лик-

видации происшествия, могут оказаться недостаточно эмоционально устойчивые личности, которые не выдержат длительного напряжения и попытаются спровоцировать разрешение ситуации силовым путем. Во-вторых, если между заложниками и преступниками начинает формироваться так называемый «стокгольмский синдром» (заложники и преступники начинают испытывать по отношению друг к другу положительные чувства, а по отношению к правоохранительным органам — негативные), то у сотрудников правоохранительных органов к заложникам нарастает равнодушие, что, безусловно, играет отрицательную роль при проведении силовой операции по их освобождению. В-третьих, с одной стороны, с течением времени между переговорщиками и преступниками развиваются взаимоотношения, углубляется психологический контакт как необходимое условие успешных переговоров; с другой стороны, у переговорщиков нарастает усталость, снижается самоконтроль, и, кроме того, может возникнуть тот же «стокгольмский синдром» между переговорщиком и преступником, что отразится на объективности информации, получаемой от переговорщика; возможно также проявление открытого пособничества переговорщика преступнику.

Ведение переговоров голосом при отсутствии контакта глаз.

Такой способ ведения переговоров в «ситуации заложника», как правило, используется в так называемых локальных ситуациях, возникающих, например, при бытовых конфликтах (в заложниках чаще всего оказываются родственники, знакомые преступника), при преследовании убегающего преступника или когда преступник застигнут на месте преступления (заложники — случайно оказавшиеся рядом люди), при попытках освободиться из-под стражи, мест заключения (заложники — сотрудники, служащие системы ОВД) и т. п.

В таких случаях прежде всего должны быть соблюдены наиболее важные организационные моменты подготовки и ведения переговоров. При этом основной задачей сотрудников, оказавшихся или прибывших на место происшествия, является стабилизация ситуации. Для этого необходимо следующее:

а) немедленно определить внутренний периметр (линию, условно разграничивающую зоны действия преступников и сотрудников правоохранительных органов);

б) сужая периметр, приблизить его настолько к месту происшествия, насколько это возможно, не вызывая, однако, ответных насильственных действий со стороны преступников;

в) место происшествия изолировать и взять под наблюдение, основные пути бегства преступника перекрыть (первые минуты инцидента бывают наиболее опасными, поэтому необходимо дать людям какое-то время на то, чтобы успокоиться и осмотреться, прежде чем приступить к действиям);

г) для обеспечения безопасности населения организовать и обеспечить охрану внешнего периметра (линию, за которую не допускаются прохожие, транспорт, представители прессы и т.п.);

д) в ключевых пунктах внешнего периметра расположить вооруженные снайперскими винтовками и приборами наблюдения группы сотрудников;

е) обеспечить безусловную опознаваемость личного состава, участвующего в специальной операции по освобождению заложников.

После того как проведены необходимые мероприятия, можно приступить к переговорам.

Процесс переговоров через преграду с помощью только собственного голоса и при отсутствии контакта глаз имеет свои особенности. Безусловно, человек, ведущий подобные переговоры, должен обладать хорошо поставленным голосом, говорить четко, громко, небольшими и понятными предложениями, аргументы должны произноситься убедительным тоном с чувством собственного достоинства. Тем не менее это не исключает применение в процессе переговоров таких тактических приемов, как, например, «заикание», «тугоухость», повторение фраз преступника, перефразирование сказанного и т.д. Кроме того, при переговорах через преграду (дверь, стена, окно, угол дома и т.п.) чаще всего можно и нужно пользоваться подсказками консультанта, стоящего рядом. Подсказки могут передаваться визуальным, письменным или вербальным способами.

В большинстве случаев подобные обстоятельства захвата заложников характерны для мест лишения свободы, учреждений, предназначенных для временного задержания граждан, или являются результатом межличностных конфликтов в быту. Из этого можно сделать следующий вывод: тип преступников, встречающихся в этих ситуациях, имеет по крайней мере одну общую психологическую особенность. Она выражается в том, что эти люди в большей или меньшей степени оказались лишенными внимания и положительного отношения к себе окружающих.

В связи с этим психологические приемы, используемые при ведении переговоров, должны основываться на сочувствии и сопереживании. К таким приемам относятся:

1. Высокий уровень теплоты в отношении переговорщика в ответ на то, что говорит и делает преступник. Это может проявляться различными путями, например: голосовыми оттенками слов и предложений, активной демонстрацией заинтересованности и попыток понять преступника, озабоченностью достижения взаимоприемлемого решения и верой в существование этого решения и т.п.

2. Высокий уровень проникновения в ответ на то, что говорит и делает преступник. Переговорщик должен показать ему, что способен понять его чувства и мысли, что может поставить себя на

его место на какое-то время и увидеть мир так, как он видит его. Это достигается, например, демонстрацией согласия с ним, отражением его чувств, использованием речи, понятной преступнику, помощью ему осмысливать свои чувства и действия, осознавать свои мысли.

3. Самораскрытие (некоторая информация о себе). Человек, ведущий переговоры, в свободной беседе обсуждает свои собственные чувства, интересы, предпочтения и даже аспекты своей профессиональной и личной жизни. Кроме того, нельзя забывать, что самораскрытие оказывается полезным и как информационная тактика, то есть откровенный разговор переговорщика часто вызывает откровения преступника.

Необходимо помнить и о другой не менее важной психологической черте таких преступников, заключающейся в том, что их обычный стиль общения — это демонстрация своей силы, причем как физической, так и психологической.

Поэтому при переговорах с ними важно помнить два «нельзя»:

1) нельзя в диалоге занимать психологическую позицию «под» (только равная позиция, и иногда, даже в качестве приема, пробуются «наезд»);

2) нельзя недооценивать преступника, даже если он выглядит как ребенок в своей неспособности контролировать гнев, упрямство и желания, нельзя морализировать, критиковать, читать нотации, так как если он почувствует, что его не принимают всерьез, то вероятность неуправляемого, буйного поведения преступника может многократно возрасти.

Еще одной особенностью преступников подобного рода является то, что в связи с условиями, предшествующими захвату заложников, они, как правило, менее всего обеспечены необходимым, на их взгляд, инструментарием для успешного достижения своих замыслов. Это приводит к тому, что типичными требованиями таких преступников являются оружие, транспорт и (особенно когда ситуация затягивается, а преступники психологически к этому не были готовы) наркотики и спиртное. Однако переговорщикам и здесь нужно придерживаться определенных правил:

- не предлагать обмен сотрудников правоохранительных органов и администрации госструктур на заложника;
- исключить передачу преступнику наркотиков или оружия;
- не вести переговоры с преступником, находясь на слишком близком расстоянии от него (угроза попадания в заложники самого переговорщика);
- не поручать переговоры постороннему лицу;
- контролировать ситуацию, эмоциональный фон переговоров и стараться не допускать их развития в нежелательном для правоохранительных органов направлении;
- на этапе переговоров избегать демонстрации силы.

Разбирая особенности подобных «ситуаций заложника», нужно отметить, что чаще всего они все-таки заканчиваются задержанием преступника, однако весь вопрос в том, с какими «издержками производства» будет подведена окончательная черта. Поэтому работа переговорщика на заключительном этапе не менее важна и сложна, чем на других этапах развития ситуации.

Чтобы избежать нежелательных последствий на заключительном этапе, переговорщиками используется такой психологический прием, как «сохранение лица». Этот прием может быть реализован по двум направлениям:

а) в случае, когда преступник чувствует озабоченность быть публично побитым или униженным и может ответить неожиданным взрывом неуправляемого поведения, задача переговорщика — попытаться убедить преступника, что возможно представление дел таким образом, будто он был арестован намного превосходящими огневые силы, а не взят спокойно и тихо (то есть силой, а не сам);

б) в случае, если у преступника обострено чувство заброшенности, несправедливого отношения и недостатка внимания к нему и к его проблемам со стороны родственников, госструктур, коммерческих организаций и т.п., то организация шумихи с прессой, телевидением, встреч с родственниками и переговорами с ними под контролем общественности (роль объективного и беспристрастного судьи) вполне могут нейтрализовать ситуацию.

Еще раз останавливаясь на вопросе о сути такого важного психологического приема, как помощь преступнику «сохранить лицо», укажем, что он базируется на удовлетворении (пусть даже минимум!) основных социальных потребностей человека: не потерять уважения, не уронить своего авторитета в значимом для себя окружении (особенно если это окружение — преступный мир), добиться внимания, уважения к себе самой широкой общественности, доказав тем самым свою значимость в этой жизни самому себе и людям, которые его обычно не ценят, отстаивать свою правоту, добиться справедливости как сверхцели, на жертвенный алтарь которой кладется уже не только своя жизнь, но и жизнь других и т.п.

Поэтому использование психологических приемов воздействия на преступника должно основываться на знании экспертом-переговорщиком их сути, в каждом отдельном случае надо действовать по обстоятельствам и нельзя следовать каким бы то ни было правилам догматически.

В большинстве случаев захвата заложников фактор времени психологически работает против преступников:

– преступники устают, испытывают голод, жажду, у них появляется необходимость отправления естественных физиологических надобностей, потребность в лекарствах, алкоголе, наркотиках и

т.п., вследствие этих причин с течением времени преступники становятся все более «зависимыми» от изолировавших их правоохранительных органов;

– с течением времени могут быть целенаправленно сформированы необходимые взаимоотношения «преступник — переговорщик» и «преступник — заложник», которые повышают вероятность несилового разрешения ситуации, уменьшают риск для жизни и здоровья заложников и участников специальной операции при проведении силовых мероприятий;

– в процессе переговоров добываются информация и время, необходимые для планирования, подготовки и проведения соответствующих оперативно-тактических мероприятий.

В заключение отметим критерии успешности проводимых переговоров. Переговоры оцениваются положительно, если: а) категоричность и резкость выдвигаемых требований снижается; б) количество угроз, агрессивных действий, например, по отношению к заложникам, переговорщикам и т.п. уменьшается; в) продолжительность контактов, диалога увеличивается, а в разговорах со стороны преступников появляются личные темы; г) с момента начала ведения переговоров не происходит насилия или убийства заложников, переговорщиков, сотрудников правоохранительных органов, случайных граждан; д) заложники освобождаются; е) преступник(и) отказывается от реализации своих замыслов. Необходимо также подчеркнуть, что эти критерии применимы как в совокупности, так и по отдельности.

Фактический опыт показывает, что обязательное осмысление чрезвычайной ситуации захвата заложников и ведение переговоров значительно расширяют возможности правоохранительных органов по пресечению преступных действий, в том числе с применением силы, а также помогают избежать неоправданных человеческих жертв.

5.2. Стабилизация психологической обстановки

На первоначальном этапе переговоров решается задача стабилизации ситуации путем вступления в оперативную игру до прибытия профессиональной группы ведения переговоров.

В соответствии с этим необходимо:

1. Вступить в переговоры, продемонстрировать готовность к ведению диалога, выслушать требования террористов и под различными объективными предлогами («отсутствие начальника», «необходимостью времени на прибытие старшего начальника», «неисправности линии связи» и т.д.) максимально затянуть срок выполнения первого требования преступников. При этом, ведя переговоры, обговаривая возможности разрешения ситуации пу-

тем различного рода компромиссов, делать это следует таким образом, чтобы у преступников не возникло мысли о слабости позиций руководителей специальной операции. Недопустима и другая крайность — демонстрация силы, что может натолкнуть преступников на необходимость ответной «демонстрации». Поэтому сотрудников милиции в форме, милицейские машины, оружие и т. п. лучше удалить из поля зрения преступника.

2. Убедиться в наличии заложника. Выяснить, жив он или нет. Если возможно увидеть его, зафиксировать внешние данные и передать их в штаб операции. Особое внимание следует уделить тому, чтобы побеседовать с заложником для оценки его психического, физического и морального состояния. Это необходимо не только для получения информации, но и может позволить последнему сохранить психическую устойчивость, удержаться от необдуманных действий.

3. Определить тип преступника, группы, мотивы и их психологические характеристики.

Решение этих задач поручается группе ведения переговоров, укомплектованной, как правило, из четырех человек, включая психолога-консультанта.

Диагностика типа преступников позволяет переговорщикам предусмотреть набор аргументов и действий, стиль ведения с ними диалога по разрядке конфликта, снижению агрессивности преступного поведения и расширению возможностей освобождения заложников.

При составлении психологической характеристики преступника и при изучении возможностей воздействия на него большую роль играет его речь. Из особенностей речи необходимо выделять: скорость, длину фраз, типичные конструкции, частоту использования различных частей речи, наклонения, употребление жаргонных слов, ударения, грамматические ошибки, характерность выговора (акцент). По указанным признакам можно определить уровень образования, место проживания, этническую принадлежность.

Кроме того, связность или бессвязность речи, ее аргументированность, логичность, краткость или многословность, монотонность или модулированность зависят от психического состояния преступника. Например:

- бессвязность речи встречается у лиц, находящихся в состоянии психоза или опьянения наркотиками;
- лаконичность, аргументированность, логичность речи указывает на образованность и здравомыслие;
- бедность фраз, их излишняя краткость говорит о недостатке образования или же о сильном волнении человека;
- многословность, лишние фразы, их повторяемость могут свидетельствовать о значительных органических изменениях мозга, вызванных травмой, старением или заболеванием эпилепсией;

– монотонность, немодулированность речи говорит о возможной депрессии, снижении настроения и работоспособности.

Необходимо учитывать, что преступник может занимать различные позиции по отношению к самой возможности ведения переговоров:

а) согласен на ведение переговоров без предварительных условий;

б) отказывается от переговоров;

в) согласен на ведение переговоров только в том случае, если будут присутствовать лица, от которых зависит исполнение его требований;

г) согласен на ведение переговоров в ограниченное время;

д) угроза особых последствий, если не все требования выполнены в определенный срок.

Готовность преступника к переговорам требует соблюдения определенных психологических правил ведения переговоров.

В целом процесс переговоров развивается по следующей схеме:

– выяснение позиции преступника по отношению к переговорам и лицу их ведущему;

– построение взаимоотношений, развивающихся с течением времени;

– применение приемов психологического убеждения.

Переговорщик поэтапно реализует заранее отработанную линию поведения по отношению к преступнику, которую уточняет в соответствии с конкретным типом личности и сложившимися условиями. Выделяются следующие этапы взаимодействия с преступниками.

А. Сотрудничество — реализуется путем непрерывного диалога с противоборствующей стороной, целенаправленного использования всех возможных приемов и средств организационно-тактического, психологического и разумно-интуитивного воздействия на преступников для установления доверительных отношений и достижения в конечном счете взаимоприемлемого соглашения.

Б. Уклонение — используется в тех случаях, когда преступники выдвигают резко противоречащие закону требования и настаивают на безусловном их выполнении в установленные сроки. Переговорщик путем уступок преступникам, постепенным удовлетворением их потребностей и требований, не противоречащих закону, максимально затягивает время, с тем чтобы, с одной стороны, попытаться вернуться к первому этапу взаимодействий, а с другой — дать возможность подготовиться к операции группе захвата.

В. Вынужденный компромисс — применяется в исключительных случаях и только тогда, когда жизни заложников угрожает неотвратимая опасность, устранить которую с использованием вы-

шеназванных приемов невозможно. Тогда ведутся переговоры для прикрытия с применением запугиваний, угроз, обмана и других, парадоксальных для преступника, средств. Цель данного этапа можно считать достигнутой, если преступниками выполнена договоренность об освобождении всех или части заложников в обмен на удовлетворение их противозаконных требований, обеспечена безопасность других граждан, подготовлена операция силовых мероприятий.

В любом случае переговорщик должен стремиться к построению взаимоотношений. Большинство исследователей, занимающихся проблемой переговоров, пришло к выводу, что время работает в пользу правоохранительных органов, против преступника. Взаимоотношения развиваются с течением времени. Развитие отношений между переговорщиком и преступником означают больше доверия, бóльшую вероятность того, что предложения сотрудника будут восприняты серьезно, заложник будет освобожден.

Развитие отношений между преступником и заложником означает уменьшение вероятности того, что преступник убьет или покалечит заложников. С течением времени развиваются не только отношения, снижается степень драматичности восприятия возможных последствий захвата заложников.

Усталость, голод, жажда и другие неудобства вынуждают преступников становиться более податливыми к переговорам. Переговорщики пользуются их ошибками, оговорками, которые закономерно происходят в течение развития взаимодействий.

5.3. Психологические приемы и позиции переговорщика

Существуют специально выработанные приемы построения благоприятных взаимоотношений.

1. Самораскрытие — некоторая информация переговорщика о себе, своих чувствах, интересах, предпочтениях, аспектах профессиональной жизни — может помочь выстроить связь с преступником, отношения с ним. Тактика самораскрытия оказывается эффективной, так как откровенность с одной стороны часто вызывает аналогичную реакцию с другой.

2. Вживание — проникновение в личность преступника, показ ему того, что переговорщик способен понять его чувства и мысли, что он может поставить себя на место преступника на какое-то время и увидеть мир таким, как видит его тот.

Сотруднику, ведущему переговоры, не следует делать акцент на то, что ситуация действительно такая, какой видит ее преступник.

Высокий уровень проникновения достигается путем банального согласия с высказываниями преступника или отражением чувств.

Прием «отражение чувств» заключается в том, что переговорщик должен концентрировать усилия на том, что говорит и делает преступник, с тем чтобы правильно понять его чувства и эмоциональное состояние, которые выражает ему в сопереживании.

3. Теплота — доброжелательность, мягкость, проявляемая переговорщиком в ответ на то, что говорит и делает преступник. Теплоту можно проявлять различными путями: голосом, интересом, активной демонстрацией попытки понять преступника, своей озабоченностью в достижении взаимоприемлемого решения, своей верой в существование взаимоприемлемого решения, поддерживая надежду преступника о полном или частичном удовлетворении его требований.

4. Взаимодействие на равных. Необходимо избегать недооценки преступника, даже если он ведет себя по-детски непосредственно, не способен контролировать свои эмоции. Если преступник почувствует, что его не воспринимают всерьез, возможность неуправляемого, буйного поведения может возрасти.

5. Демонстрация стабильности и спокойствия. Избегайте критики, угрозы, проявления нетерпения, агрессии. Попытки быстрого решения проблемы силовым давлением используются в последнюю очередь.

6. Знание техники общения, чтобы не зависеть от счастливого стечения обстоятельств; нужно владеть техникой общения для установления доверительного контакта. Если у преступника предубеждение к личности переговорщика и к его предложениям, то целесообразно воспользоваться следующими рекомендациями по обеспечению положительного эмоционального климата общения:

6.1. Проявляйте доброжелательность. Начало беседы облегчает использование таких приемов, как улыбка, радушное обращение, мимика участия, ориентация корпуса в сторону собеседника. Постоянно поддерживайте «контакт взглядов» при обращении к собеседнику. Демонстрируйте сочувственное понимание (эмпатия) к проявляемым интересам и личным затруднениям собеседника. При этом важно избегать нажима, чтобы не вызвать ответного: «Не лезьте мне в душу!»

Доброжелательность обращения предполагает и повышенное внимание к нюансам, свидетельствующим об изменениях психологического состояния собеседника. Его взгляд, интонация, жесты не должны оставаться незамеченными. Движения рук при дружеском отношении собеседника свободны, жестикуляция дополняет его слова. При негативном отношении движения рук, выражения лица закрепощены.

6.2. Добивайтесь положительных ответов. В начале установления контакта следует касаться нейтральных тем или вопросов, на которые можно получить положительный ответ да.

6.3. Втягивайте в диалог. Если вы будете проявлять постоянную активность в беседе, не передавая инициативу преступнику, то психологический контакт затрудняется. Обращения к собеседнику по интересующему вопросу должны побуждать его высказываться. Проявляйте уважение и внимание к его взглядам, занимаемым позициям.

6.4. Постарайтесь снять психологическую напряженность. Пока эмоциональная напряженность собеседника не снята и не сформировано поле взаимного интереса, говорить следует о вещах, составляющих область повышенных интересов преступника, вызывающих позитивные реакции. Выражайте согласие с высказываниями собеседника не только словесно, но и жестами, мимикой восхищенного удивления.

6.5. Относитесь критично к своему поведению. При установлении психологического контакта контролируйте свои поведенческие реакции. Вам не следует выражать несогласие со взглядами собеседника, делать неситуативные комплименты, допускать неопределенные и сложные словесные высказывания, торопиться с переходом к развитию отношений, если не достигнуто взаимное согласие, проявлять неуверенность и заискивание.

6.6. Распоряжайтесь инициативой. Проявляя инициативу и наступательность при установлении и развитии доверительных отношений, следует помнить, что распоряжаться инициативой в контакте намного продуктивнее, чем владеть ею. Необходимо уступать лидерство преступнику в определенных аспектах отношений (прежде всего в поисках практической реализации неразрешимых проблем). Авторитарный стиль инициативы в общении оправдан в экстремальной ситуации, когда необходимо реализовать замысел, который не должен быть известен преступнику.

6.7. Говорите на одном языке. Полное взаимопонимание достигается, когда собеседники ведут диалог, пользуясь единой системой знаков, и одинаково понимают ситуацию общения. Манера беседы переговорщика должна соответствовать представителю той социальной группы, к которой принадлежит преступник. Тогда снимаются коммуникативные барьеры, порождаемые социальными, политическими, религиозными и профессиональными различиями.

6.8. Находитесь в зоне комфорта при непосредственном контакте. У каждого человека есть своя зона комфорта в беседе со знакомыми и незнакомыми людьми. Если нарушить эту зону, то в реакции преступника проявится его отношение к вам. Во многих случаях эти признаки очевидны — преступник отходит на шаг,

отсаживается, переставляет стул и прочее. Если вы высказываете симпатию, располагаете к доверию, то даже незнакомый человек принимает дистанцию, свойственную ему при контактах с кругом знакомых людей.

Основным требованием к организации связи является ее надежность, а также возможность воспринимать передаваемую информацию без каких-либо усилий и искажений.

7. Психологическое воздействие на преступника. Основными параметрами эффективности любого практического общения являются умения и навыки человека в использовании так называемых понимающих и директивных приемов реагирования при взаимодействии с другими людьми. А основными параметрами неэффективности любого реального общения являются склонности и привычки человека прибегать во взаимодействии с собеседником к принижающе-уступчивой и защитно-агрессивной формам поведения как неадекватным заместителям понимающего и директивного общения.

В связи с этим рекомендуются некоторые психологические приемы убеждения преступника пойти на уступки:

7.1. Согласитесь частично с точкой зрения преступника; начните свое воздействие с принятия его точки зрения. Презентация в самом начале переговоров взглядов, которых, как вы считаете, придерживается преступник, предоставит вам шанс уменьшить его сопротивление вашим последним аргументам.

7.2. Начинайте с малого (простого). Постарайтесь создать обстановку успеха переговоров, решая более легкие и незначительные вопросы в первую очередь. Начиная с более легких для переговоров вопросов, таких как выбор каналов связи, продукты питания и лекарства, вы повышаете возможность выяснить точку зрения преступника на центральные (главные) проблемы, включая освобождение заложника.

7.3. Формулируйте заключения. Не давайте преступнику возможность почувствовать вашу надежду на то, что он коренным образом изменит свое решение. Излагайте точно и специфично, к каким выводам и заключениям ведут факты, которые имеют место в конкретной ситуации.

7.4. Помогайте преступнику быть внимательным слушателем. Побуждайте преступника активно представлять воображаемую или условную ситуацию, в которой вы стараетесь его убедить. Задавайте ему вопросы типа: «Как бы было, если...». Пассивное выслушивание не способствует изменению мышления, активизация процесса повышает шансы убедить противника.

7.5. Представляйте обе стороны вопроса (свою и его). Проявление понимания стороны преступника в деле поможет убедить его в том, что его воспринимают серьезно, что вы рассматриваете его аргумент, как имеющий объективные основания, и это даст воз-

возможность попытаться опровергнуть его в сравнении с вашими собственными взглядами. Предваряя аргументы преступника таким образом, вы увеличиваете силу убеждения.

7.6. Считайтесь с мотивацией преступника. Убеждая преступника, учитывайте его нужды и цели. Взывайте к чувству гордости, любви к близким, общественному положению, политическим взглядам, ко всему, что вам удалось узнать или тому, что, по вашему предположению, занимает значимое место в его жизни.

7.7. Выступайте против себя. Это увеличит веру преступника в вас. Если вы выступите против незначительного аспекта своей позиции, то произведете впечатление открытого и справедливого человека, что возложит на преступника груз моральной ответственности, поэтому он будет вынужден согласиться на уступку какого-то пункта своих требований.

7.8. Отмечайте сходство. Укажите преступнику на какие-либо сходства между вами и им. Люди легче поддаются убеждению, если чувствуют сходство между собой и убеждающим человеком. Поэтому ведущему переговоры нужно дать преступнику почувствовать сходство с ним в происхождении, этнической группе, расе или чем-то другим в ясно выраженных характеристиках.

7.9. Предлагайте замедленное согласие, особенно в случае, когда вы предсказываете преступнику, что будет трудно сдаться (уступить или согласиться). Продолжайте убеждать его так, чтобы он не принимал немедленных решений, обдумал сначала и, может быть, принял ваш взгляд на следующий пункт. Побочная польза от замедленного согласия в том, что оно дает время для проведения переговоров.

7.10. Сводите к минимуму контраргументы. Включайте в свои доводы ослабленные версии аргументов, на которые преступник, возможно, ответит. Таким образом можно увеличить шансы, что преступник примет вашу позицию.

7.11. Старайтесь убеждать постепенно, изменять образ мышления и поведение преступника очень медленно, шаг за шагом. Когда вы стараетесь переубедить преступника сразу, то можете получить эффект бумеранга. Вместо того чтобы согласиться с вами, его сопротивление может возрасти.

7.12. Вводите новые темы для переговоров сами, с тем чтобы вы могли уступить их позднее как способ поощрения согласий со стороны преступника.

7.13. Вознаграждайте уступки преступника, любые его высказывания и шаги, предпринимаемые им для успешного решения положения заложника.

7.14. Используйте фактические свидетельства. Пользуйтесь четкими, недвусмысленными фактами, чтобы поддержать свою позицию. Пункты, по которым вы совсем не можете пойти на компромисс, постарайтесь представить преступнику, предъявив ему

ясные доказательства в поддержку своей позиции, твердости. Чем более убедительные доказательства вы представите, тем больше вероятность доказать преступнику, что ваша позиция не изменится.

7.15. Избегайте вызова. Не бросайте вызова преступнику и не побуждайте его к действию. Оставьте преступнику возможность маневрировать. Если он почувствует, что его прижали к стене или загнали в угол, то может впасть в неистовство. Воспользуйтесь созданием обстановки, решающей проблемные ситуации, которую мы описали. Не угрожайте преступнику, не обвиняйте его в обмане и других грехах, что поставит преступника в положение необходимости «спасти свое лицо» экстремальными действиями (буйным поведением). Выиграв спорный вопрос, вы потеряете своих заложников;

7.16. Постарайтесь снизить уровень нелогичности (иррациональности) преступника. Преступник часто нервничает, он напуган, рассержен и эмоционально неустойчив. Все это оборачивается нелогичным образом мышления, которое осложняет попытки вести переговоры и вряд ли приведет к успеху. Любые шаги, предпринятые вами для снижения нелогичности мышления преступника, облегчат ведение переговоров, увеличат их продуктивность и повысят вероятность успеха.

7.17. Соглашайтесь с явной демонстрацией нежелания отвечать на требования, которые фактически идут на пользу милиции. Могут быть такие требования преступника, которые фактически, стратегически или практически идут на пользу милиции, а не преступнику. Чтобы получить эти «пункты» для обмена на последующие выгоды в пользу милиции, переговорщик должен согласиться на них с явно выраженным нежеланием (очень неохотно).

7.18. По возможности задерживайте (притормаживайте) принятие требований в пользу преступника. Не укрепляйте позицию преступника в переговорах. Если согласие на одно из таких требований имело бы такой эффект, как, например, затруднение доступа к заложникам, то оптимальная реакция переговорщика может быть такой — остановить, задержать, отклонить. Он должен прибегнуть к смягчающему ситуацию климату (обстановке) на переговорах, ясно показывая свою готовность изучить решения, альтернативные высказанным требованиям. Стараясь избежать гнева или непостоянства преступника, переговорщик не должен уступать, если возможно, требованиям преступника, ухудшающим ситуацию.

7.19. Выдвигайте только те предложения, которые явно необходимы, так как любые предложения могут изменить фактор времени не в вашу пользу.

8. Важнейшей функцией переговорщика является сбор информации. Для этого тоже существуют психологические приемы.

Открытые законченные вопросы — это те вопросы, которые дают преступнику возможность дать длинные ответы: «Что... Почему... Как...».

Например: «Что случилось здесь?», «Что вы имеете в виду, говоря о несправедливости?», «Как, по-вашему, мы можем прийти к соглашению?» и т. п.

Закрытые законченные вопросы — это вопросы, на которые вы можете получить ответ «да» или «нет». Эти общие вопросы — важная часть попытки посредника собрать информацию, но они не могут заменить информацию, собранную при помощи открытых законченных вопросов, так как они более эффективны.

Например: «Вы приняли к сведению, что я сказал?», «Это те лекарства, которые вы спрашивали?», «Вы готовы сдать?».

9. Для осуществления более эффективного сбора информации, которая используется при ведении переговоров в «ситуации заложника», применяются следующие психологические приемы.

Слушание. Попытка получить информацию от преступника, внимательно выслушивая его — искусство слушать. Насколько внимательно слушает переговорщик преступника, настолько открыты и подробны будут его ответы. Высокое искусство слушать включает как умение делать то, что следует, так и умение не делать того, что не следует. Искусный слушатель делает замечания преступнику, которые показывают его заинтересованность к тому, что говорит преступник. Пример: «Непонятно, что вы имеете в виду», «Я могу понять это».

Попытка получить информацию, используя *переутверждение согласия*, которое состоит из проговора, повтора преступнику его же утверждений другими словами (перефразирование). Эта процедура изложения полученной информации другими словами, как и искусство хорошо слушать, показывает ваш интерес, внимание и понимание того, что излагает преступник и поощрение его к даче информации.

Отражение чувств. Попытка получить информацию от преступника путем отражения чувств. Отражение чувств — это внимание к его эмоциональному состоянию. Чтобы отразить чувства преступника, переговорщик должен обращать внимание на то, что преступник говорит, и на то, как он говорит (сила, интонация, скорость, эмоциональность).

Конфронтация, основанная на разногласии, противоречиях. Попытка разъяснить, прояснить информацию, которую вы получили от преступника, указывая на противоречия, которые возникли при его сообщениях. На этом можно строить вопросы. Конфронтация, основанная на разногласиях, означает указывание преступнику на противоречия двух вещей или двух его сообщений (конфронтация разногласие — разногласие), или между тем, что он ска-

зал, и тем, что он по этому поводу чувствует (конфронтация разногласие — чувство).

10. Поддержка надежды преступника на освобождение. Постоянно нужно помнить о возможности ошибок в процессе переговоров, способствующих поступкам отчаяния. Такие ошибки включают любые заявления, которые ведут преступника к ощущению, что ему нечего терять, если он убьет заложников.

Решая общую проблему, нужно заставить преступника верить, что он получит в результате то, что задумал, когда захватывал заложников. Кроме того, по возможности поддерживайте его надежды на побег, освобождение до тех пор, пока все заложники не освобождены.

Освобождение преступника. Будьте готовы к возможности позволить преступнику уйти в обмен на жизнь заложников. Ваша главная ответственность в ситуации с заложниками — безопасное их освобождение. Если это может обсуждаться вместе с вопросом сдачи преступника, это хорошо. Если заложников освободят за преступника — это лучшее, что может быть достигнуто, такое решение должно быть принято. Возможность захвата преступника позже велика. В переговорах такой обмен, однако, приемлем, только если более желаемые выходы (решения) не достигнуты.

Помощь преступнику «сохранить лицо». Когда преступник чувствует озабоченность публично быть побитым или униженным, он может ответить неожиданным взрывом поведения. Если вы чувствуете, что такая ситуация развивается, тогда ваша задача погасить ее как можно быстрее. Следует попытаться убедить преступника, что возможно его проведение через «ситуацию заложника» таким образом, будто он был арестован намного превосходящими огневыми силами, а не взят спокойно и тихо (силой, а не сам).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какие виды переговоров с террористами, захватившими заложников, применяются на практике?
2. Каковы мотивы преступлений с захватом заложников?
3. Охарактеризуйте психологические приемы, используемые при переговорах с преступником, захватившим заложника(ов).

ГЛАВА 6

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эффективность борьбы с терроризмом зависит от совокупности многих взаимосвязанных факторов (полнота и объективность выявления и учета причин и условий, порождающих и благоприятствующих терроризму, и, напротив, сдерживающих это явление; степень технической и специальной оснащенности и профессиональной подготовки подразделений, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом; психологической готовности личного состава ОВД; уровень развития и действенности общегосударственной системы противодействия террористическим угрозам; степень осознания обществом тех опасностей, которые исходят от терроризма, и т. д.). Одним из ведущих обстоятельств, определяющих в правовом государстве успех предупреждения, выявления и пресечения возможных проявлений террористического характера, является создание адекватного социально-политической и криминальной обстановке в стране национального антитеррористического законодательства¹.

Правовую основу борьбы с терроризмом в России составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», другие федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. В большинстве из них находит отражение психологическая составляющая борьбы с терроризмом.

Безопасность Российской Федерации, включающая обеспечение целостности и неприкосновенности ее территории, достига-

¹ Назаров А. Ю. Организационно-правовые и тактические основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом. — М., 2002.

ется единой государственной политикой в данной области, системой мер экономического, политического, правового, организационного и иного характера (в том числе психологического), адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Особая роль в сфере правового обеспечения борьбы с терроризмом принадлежит Федеральному закону от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ, который определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц и отдельных граждан, а также права, обязанности и гарантии граждан в связи с осуществлением борьбы с терроризмом. Законодательно закреплены следующие понятия: терроризм, террористическая деятельность, международная террористическая деятельность, террористическая акция, преступления террористического характера, террорист, террористическая группа, террористическая организация, борьба с терроризмом, контртеррористическая операция, зона проведения контртеррористической операции и заложники.

К числу других законодательных актов, составляющих правовую основу борьбы с терроризмом, относятся: Закон Российской Федерации от 18.04.1991 г. № 1026-1 «О милиции», Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Закон РФ от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности», Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон от 27.05.1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», Федеральный закон от 06.02.1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», Федеральный закон от 20.04.1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Элементом правовой системы борьбы с терроризмом являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в этой сфере. Международное сотрудничество, как правило, находит свое конкретное выражение в следующих формах:

- введение международных санкций в отношении стран, использующих террористические приемы в своей внешней политике;
- оперативный обмен информацией относительно террористической деятельности, затрагивающий интересы той или иной страны;

– использование миротворческих вооруженных формирований для нормализации отношений внутри отдельных стран, население которых страдает от сепаратизма, использующего террористические методы;

– экстрадиция террористов и др.

Механизм реализации законодательных норм о борьбе с терроризмом содержится в подзаконных актах.

Учитывая возросшую угрозу терроризма для национальной безопасности страны, Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24 утвердил Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, которая представляет систему взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Концепция указывает, что криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма создают широкий спектр угроз национальной безопасности страны. Масштабы терроризма и организованной преступности возрастают вследствие зачастую сопровождающегося конфликтами изменения форм собственности, обострения борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов. Отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений, недостаточная правовая и материально-техническая обеспеченность деятельности по предупреждению терроризма и организованной преступности, правовой нигилизм, отток из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров увеличивают степень воздействия этой угрозы на личность, общество и государство.

Важным подзаконным актом, направленным на повышение эффективности борьбы с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, является Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2001 г. № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». Так, Президент своим Указом постановил создать Оперативный штаб (ОШ) по управлению контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона России, а также определил его руководителя и состав ОШ, в который вошли руководители десяти федеральных органов исполнительной власти и их структурных подразделений. Указ возложил на ОШ руководство Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона.

В целях реализации неотложных мер по усилению общественной безопасности, защите населения от терроризма, обеспечению надежной охраны объектов особой важности, расположенных в крупных городах и других населенных пунктах Российской Федерации, было принято Постановление Правительства Россий-

ской Федерации от 15.09.1999 г. № 1040 «О мерах по противодействию терроризму». Этим постановлением предусмотрен ряд организационных мер, направленных на противодействие терроризму. Так, был образован Межведомственный оперативный штаб и утвержден его состав. Главной задачей оперативного штаба является координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по противодействию терроризму.

Таким образом, в Российской Федерации сформирована нормативная правовая база обеспечения борьбы с терроризмом, позволяющая определенным образом решать актуальные задачи повышения безопасности граждан Российской Федерации.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите статьи Конституции РФ, в которых определены правовые основы борьбы с терроризмом.
2. Какие еще существуют законодательные акты, направленные на повышение эффективности антитеррористической деятельности?

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Акт терроризма — конкретное действие террористических организаций, групп и отдельных террористов.

Борьба с терроризмом — деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности.

География толпы — параметр пространственной и эмоциональной неоднородности. В некоторых разновидностях толпы, особенно в толпе агрессивной, обычно выделяется более плотное и эмоционально нагруженное ядро, где аккумулированы эффекты эмоционального кружения, и разреженная периферия. Часто наблюдается несколько градаций периферийности, так что, например, агрессивно действующее ядро окружено кольцами активно поддерживающих, пассивно сочувствующих и просто любопытных «зевак».

Группа социальная — множество людей, связанных общностью целей и позиционно-ролевой структурой.

Гуманитарная экспертиза — комплексная междисциплинарная оценка масштабного социального проекта (технического, экономического и т.д.), вероятного соотношения положительных и отрицательных последствий его реализации. Задачи Г. Э. следует отличать от задач маркетинга, продвижения проекта и рекламной кампании.

Деанонимизация — прием воздействия, направленный на то, чтобы лишить индивидов, составляющих агрессивную толпу, свойства анонимности и тем самым способствовать их отрезвлению.

Диалогическое общение — метод обучения, воспитания и пропаганды, построенный на сопоставлении точек зрения, открытой дискуссии и доброжелательной критике. Составляя альтернативу авторитарным приемам воздействия, Д.О. способствует формированию гибкого многомерного мышления и, как правило, препятствует образованию социально-политических стереотипов.

Заложник — физическое лицо, захваченное и (или) удерживаемое в целях понуждения государства, организации или отдельных лиц совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения удерживаемого лица.

Закон поляризации — эмпирическое обобщение опыта социальных катастроф. В обстановке массового стресса чувства и реакции людей поляризуются. С одной стороны, наблюдается всплеск отчаяния и ожесточения, самоубийств, умственных расстройств и нравственных патологий; с другой — напряжение творческих сил, «альтруистическое перевоплощение» и самопожертвование. З.П. был впервые отчетливо сформулирован российско-американским социологом П.А. Сорокиным.

Заострение — одна из тенденций, реализующихся в процессе циркуляции слуха. Детали сюжета, особенно существенные для данной аудитории и потому не подверженные сглаживанию, увеличиваются в размере, количестве и социальной значимости; фабула становится функциональнее.

Зона проведения контртеррористической операции — отдельные участки местности или акватории, транспортное средство, здание, строение, сооружение, помещение и прилегающие к ним территории или акватории, в пределах которых проводится указанная операция.

Коммуникация (синоним: общение) — смысловое взаимодействие между людьми; осуществляется посредством знаков (языка) того или иного типа. Для политической психологии существенно различие трех форм: К. межличностной, К. публичной и К. массовой.

Коммуникация массовая — опосредованное техническими средствами воздействие на анонимную рассредоточенную аудиторию с отсроченной обратной связью.

Коммуникация межличностная — обмен сообщениями, при котором адресатами служат одно или несколько конкретных лиц. Чаще всего осуществляется при непосредственном устном контакте, но в современном обществе может быть опосредована телефонной, факсовой, почтовой или электронной связью.

Коммуникация публичная — воздействие на анонимную, сосредоточенную и открытую аудиторию с непосредственной обратной связью: митинг, лекция и т.д.

Конверсия — функция пропаганды, состоящая в том, чтобы радикально преобразовать представления, стереотипы и установки аудитории. Включает также своевременное прикрытие и коррекцию потенциально неблагоприятных (для данной аудитории) аспектов образа, предупреждение и оперативное устранение нежелательных слухов и т.д.

Конверсор — психолог-консультант, отвечающий за успешное выполнение в пропагандистской кампании задач конверсии.

Контртеррористическая операция — специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также на минимизацию последствий террористической акции.

Личностный статус — позиция личности в структуре неформальных связей; степень уважения, внимания со стороны окружающих.

Международная террористическая деятельность — террористическая деятельность, осуществляемая:

- 1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства;
- 2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;
- 3) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств.

Международная террористическая организация — тайное сообщество, действующее на постоянной основе на территории более чем одного

государства и добивающееся достижения поставленных политических идей террористическими методами.

Методы террористической деятельности — совокупность приемов и способов достижения террористическими организациями (группами), отдельными террористами поставленных политических, корыстных или любых других целей. В основе лежат прежде всего устрашение и запугивание политических противников, отдельных групп населения путем применения или угрозы применения насилия. В зависимости от объектов воздействия и его характера выделяют методы: физического и психологического воздействия, причинения материального ущерба, организационного характера.

Невротический страх — навязчивое эмоциональное состояние индивида или общества, часто беспредметное, побуждающее к неадекватной реакции на реальные или мифические опасности.

Незаконное вооруженное формирование — не предусмотренное федеральным законом общественное объединение (соединение, отряд, дружина и др.), имеющее на вооружении огнестрельное оружие, деятельность которого не подпадает под все признаки бандитизма, но общественно опасна и противоправна.

Паника — состояние ужаса, сопровождающееся резким ослаблением волевого самоконтроля. Субъектами паники могут оказаться отдельный индивид, малая группа, большая группа или толпа. Может выразиться энергичными, но беспорядочными действиями («вихрь движений»), лишенными сознательной планомерности, или, наоборот, ступором.

Паника массовая — паника, охватившая множество людей и усиливаемая механизмом эмоционального кружения. Может принять форму толпы панической или бездействия в критической ситуации, вызванного парализацией воли. Наконец, способна превратиться в фиксированное эмоциональное состояние, оказывающее долгосрочное влияние на всю общественную жизнь.

Периферия толпы — пространственно внешняя часть толпы, где эффект эмоционального кружения сказывается слабее, чем в ядре, наличие П. Т. (имеющей иногда несколько градаций) придает ядру силу эмоциональной мотивации, дополненную ощущением анонимности.

Превращаемость — свойство толпы сравнительно легко эволюционировать из одного вида или подвида в другой. На свойстве П. построены основные приемы управления и манипуляции толпой.

Преступления террористического характера — преступления, предусмотренные статьями 205—208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. К преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях. Ответственность за совершение таких преступлений наступает в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации.

Пиар (PR, Public Relations) — на русский язык обычно переводится как «связи с общественностью». 1. Теоретическая и прикладная дисциплина, изучающая механизмы формирования привлекательного образа политического лидера, партии, органа власти, фирмы, товара и т.д. 2. Комплекс целенаправленных действий по формированию привлека-

тельного (или, наоборот, непривлекательного) образа соответствующего социального объекта.

Примат зрения — свойство человеческого восприятия, состоящее в том, что зрительная информация оценивается как более достоверная, чем информация, получаемая по другим каналам (слуховому и проч.). На этом свойстве построена характерная иллюзия электронных СМИ: зритель склонен принимать искусно выстроенный, в том числе и монтированный, видеоряд за непосредственное (эмпирическое) наблюдение.

Приспособление — тенденция, реализующаяся в процессе циркуляции слуха. Детали сюжета «подстраиваются» к преобладающим в данной культуре стереотипам и установкам, иногда приобретая содержание, противоположное первоначальному.

Продвижение — задача рекламной (пропагандистской) кампании, состоящая в том, чтобы представить в привлекательном для данной аудитории виде выигрышные свойства товара. В качестве товара может выступать предмет, фирменный знак, политическая фигура, партия, идеология и т.д. (ср.: усиление, конверсия).

Пропаганда — целенаправленное распространение в обществе определенных идей, ценностей, норм и программ поведения. Термин изобретен католической церковью (в 1622 г.) в связи с миссионерской деятельностью — распространением христианства среди языческих народов. Поэтому в странах романской языковой группы (Франции, Испании, Италии и др.) термин не носит того негативного оттенка, какой он приобрел в странах германской языковой группы (Германии, Англии, США и др.). В последних термин П. часто сопряжен с ложью, умышленным искажением фактов и т.д., по аналогии с действиями геббельсовского «Министерства П».

Психическая инерция — влияние предыдущего сообщения на последующие. Люди непроизвольно ищут подтверждения первой версии событий, которая закрепились в памяти.

Психологический момент — краткий отрезок времени, следующий обычно за шокирующим стимулом, когда индивид и (или) масса находятся в состоянии «оторопи» и готовы следовать первому внешнему импульсу. Момент, наиболее подходящий для перелома ситуации, установления контроля и предотвращения или ликвидации паники.

Психосоматическая медицина — направление медицины, изучающее влияние психических состояний на физиологические процессы в организме.

Публика — здесь: социальная группа, собравшаяся на ограниченном пространстве для совместного восприятия классического искусства, научной лекции и т.д. или для делового обсуждения интересующей проблемы. Отличается от толпы конвенциональным механизмом поведения.

Реклама — понятие, близкое к пропаганде, но чаще применяемое к задачам торговли, продвижения товаров, товарных знаков или фирм. Поскольку в качестве товара могут выступать идеология, политическая программа, партия, конкретный персонаж и т.д., постольку технологические, выработанные в торговой Р., широко применяются в политической пропаганде.

Самоосуществляющееся пророчество — прогноз (чаще негативный), который произвел настолько глубокое впечатление на индивида или группу, что в последующем люди своими действиями бессознательно способствуют его осуществлению.

Сглаживание — тенденция, реализующаяся в процессе циркуляции слуха. Состоит в том, что детали сюжета, лишённые значимости в глазах данной аудитории, исчезают; фабула становится проще.

Системно-экологическая модель — представление информационных процессов в обществе как единой взаимосвязанной системы по аналогии с биоценозом. В социально-информационной системе образуются пустующие ниши, которые могут заполняться своего рода «неспецифическими видами» — слухами.

Слух — передача предметных сведений по каналам межличностной коммуникации.

Слух агрессивный — одна из разновидностей слуха по экспрессивной классификации. Отражает эмоцию ненависти к какой-либо социальной общности (этнической, конфессиональной, сословной) и в ряде случаев способствует формированию агрессивной толпы.

Слух-желание — одна из разновидностей слуха по экспрессивной классификации. Отражает оптимистические настроения и ожидания и часто приводит к благодушному бездействию; общество, пораженное эйфорией, впоследствии может стать жертвой деморализации и паники.

Слухоустойчивая среда — оптимально организованная информационная среда, в которой ниши своевременно и регулярно заполняются авторитетными для данной аудитории источниками. В такой среде вероятность появления слухов снижается, а появившийся слух легко ликвидируется. Условием слухоустойчивости служит также эмоциональный баланс в жизни и деятельности группы.

Слух-пугало — одна из разновидностей слуха по экспрессивной классификации. Отражает преобладающую эмоцию страха или социального пессимизма и усиливает вероятность массовой паники.

Стереотип — чрезвычайно обобщенный образ некоторого предмета (обычно той или иной социальной общности и ее представителей), опосредующий восприятие данного предмета индивидом или группой. Предметом может служить и та общность, к которой принадлежат носители С. (авгостереотип).

Стихийное массовое поведение (англ. collective behavior) — несколько расплывчатый термин социальной и политической психологии, которым обозначают различные формы поведения толпы, циркуляцию слухов, иногда также моду, коллективные мании, общественные движения и пр. Характеризуется следующими признаками: вовлеченностью большого числа людей, одновременностью, иррациональностью (ослабление сознательного контроля), а также слабой структурированностью, то есть размытостью позиционно-ролевой структуры, характерной для нормативных форм группового поведения.

Ступор — оцепенение, паралич воли, проявляющийся резким ограничением (вплоть до полного блокирования) подвижности мышц и мыслительной способности.

Сублиминальное (подпороговое) воздействие — совокупность технических приемов, обеспечивающих воздействие на адресата помимо его внимания и сознания. Включает многочисленные разновидности эффекта двадцать пятого кадра в прямой или косвенной (усложненной) форме.

Терроризм (ст. 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом») — насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

Терроризм (ст. 205 УК Российской Федерации) — совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти.

Террорист — лицо, участвующее в осуществлении террористической деятельности в любой форме.

Террористическая акция — непосредственное совершение преступления террористического характера в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

Террористическая группа — группа лиц, объединившихся в целях осуществления террористической деятельности.

Террористическая деятельность — деятельность, включающая в себя:

- 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции;
- 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях;
- 3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции;
- 4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- 5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им.

Террористическая организация — организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации.

Террористический центр — руководящее звено преступной организации, занимающееся общими организационными вопросами, разработкой стратегии и тактики террористической деятельности и организацией ее осуществления.

Толпа — скопление людей, не объединенных общностью целей и единой позиционно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием.

Толпа агрессивная — разновидность толпы действующей; эмоциональной доминантой являются ярость, злоба, стремление к разрушению.

Толпа действующая — толпа, выражающая то или иное эмоциональное состояние энергичными действиями. Включает несколько подвидов с соответствующими эмоциональными доминантами (см.: Толпа агрессивная; Толпа паническая, Толпа повстанческая; Толпа стяжательная).

Толпа конвенциональная — скопление людей в определенном месте и в определенное время по поводу заранее объявленного события. Доминирующей эмоцией служит интерес или любопытство.

Толпа окказиональная — относительно случайное скопление людей по поводу неожиданного происшествия. Доминирующей эмоцией служит любопытство.

Толпа паническая — разновидность толпы действующей, в которой эмоциональной доминантой становится ужас, состояние паники.

Толпа повстанческая — разновидность толпы действующей, которая по ряду эмоциональных и поведенческих признаков сходна с толпой агрессивной, но отличается от нее социально справедливым характером возмущения. Т. П. способна превратиться в социальную группу при наличии организующего ядра.

Толпа стяжательная — разновидность толпы действующей, эмоциональная доминанта — жадность, стремление обладать некоторой предметной ценностью или информацией, по поводу чего возникает неорганизованный конфликт.

Толпа экспрессивная — толпа, ритмически выражающая ту или иную эмоцию: радость, энтузиазм, возмущение и т.д.

Толпа экстагическая — экстремальная форма толпы экспрессивной.

Усиление — функция пропаганды, состоящая в том, чтобы подкрепить сложившиеся у аудитории представления, стереотипы и социальные установки.

Установка социальная (англ. attitude) — обобщенный инертный образ реагирования на определенный тип социальных ситуаций, социальную общность (и ее представителей) или личность. Не следует путать с другим психологическим понятием — моторной установкой (set).

Фасцинация — эмоциональное кружение умеренной интенсивности, повышающее групповую сплоченность.

Феномен Ла Пьера — характерное для данной культуры расхождение вербальных и поведенческих установок населения. При ответах на вопрос люди склонны утверждать (более или менее искренне), что в определенной предметной ситуации станут действовать определенным образом, а в реально сложившейся ситуации действуют иначе.

Фрустрация — психическое состояние, вызываемое непреодолимыми (или принимаемыми за таковые) препятствиями, неожиданно возникшими на пути к желаемой цели. Как правило, влечет за собой одну из двух характерных реакций: либо апатию и депрессию, либо всплеск агрессии.

Цель — модель потребного будущего, на достижение которого направлено действие.

Цель общая — такая цель, достижение которой каждым из участников взаимодействия положительно зависит от достижения той же цели каждым другим участником.

Циркулярная реакция — синоним эмоционального кружения.

Чрезвычайная ситуация — нарушение нормальных условий жизни и деятельности людей на объекте или определенной территории, вызванное аварией, катастрофой, эпидемией, опасным природным явлением, стихийным или иным бедствием, приведшее или могущее привести к значительным людским и материальным потерям. Чрезвычайные ситуации могут возникать в результате реализации или угрозы осуществления террористических, диверсионных акций и акций технологического терроризма.

Эволюционная регрессия — актуализация филогенетически ранних пластов психики под влиянием сильной эмоции.

Эйфория — радостное, благодушное настроение, не соответствующее объективным обстоятельствам. Обычно сопровождается повышенной двигательной активностью и легко сменяется фрустрацией.

Эмоциональное кружение — обоюдное заражение, передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне контакта между организмами. Превышение оптимальной интенсивности Э. К. (см. Фасцинация) ведет к деградации социальной группы в толпу.

Эмоциональный баланс — оптимальное насыщение жизни положительными и отрицательными эмоциями. Длительное нарушение Э. Б. влечет за собой всплеск неспецифической активности, нацеленной на бессознательный поиск соответствующих эмоций. Одним из источников могут стать виртуальные псевдособытия в процессе циркуляции слухов.

Эффект бумеранга — эффект воздействия (обычно коммуникативно-го), противоположный замыслу.

Эффект двадцать пятого кадра — явление, впервые продемонстрированное американским психологом Дж. Вайкери в 1957 г. Исходный эксперимент состоял в том, что при скорости киноплёнки 24 кадра в секунду ежесекундное мелькание одного и того же 25-го кадра (никак не связанного с содержанием фильма) не фиксировалось сознанием, но возбуждало определенное желание. В последующем демонстрировались многочисленные модификации данного эффекта, задействующие не только зрительный, но и прочие каналы восприятия. В современной политической и психологической литературе термин приобрел более широкое метафорическое значение, включая все варианты сублиминального (подпорогового) воздействия на психику для формирования стереотипов и социальных установок.

Ядро толпы — функционально центральная часть толпы агрессивной, в которой аккумулируются эффекты эмоционального кружения и проявляется наибольшая сила эмоциональной мотивации.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев В. В.* Психологические основы повышения эффективности деятельности работников ОВД в экстремальных ситуациях. — М., 1989.
- Александровский Ю. А.* и др. Психогении в экстремальных условиях. — М., 1991.
- Андреев Н. В., Вахов В. П., Козловский И. И.* Психологическое обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: метод. рекомендации. — М., 1995.
- Андреев Н. В., Свирская И. Б.* Переговоры в «ситуации заложника»: характеристика мотивов, личности и групп преступников: лекция. — М., 1995.
- Андреев Н. В.* Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: метод. пособие / сост. В. В. Вахнина. — М., 2004.
- Антонян Ю. М., Верещагин В. В.* Захват заложников. — М., 2001.
- Антитеррор. Адекватна ли правовая база? Интервью с проф. М. П. Кириевым // Журнал российского права. — 2002. — № 1.
- Антонян Ю. М.* Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М., 1998.
- Бадров В. А.* Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы. — М., 1995.
- Бриллиантов А. А., Смирнов В. В., Яковлева Л. В.* Комментарий к Федеральному закону «О борьбе с терроризмом». — М., 2001.
- Буданов А. В.* Практические рекомендации по ведению переговоров с преступниками в ситуации захвата заложников (по материалам опыта правоохранительных органов США): учебно-методические материалы для слушателей 1, 2, 5 факультетов. — М., 1995.
- Будницкий О. В.* История терроризма в России. — Ростов н/Д, 1996.
- Галкин А. А.* Германский фашизм. — М., 1967.
- Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б.* Политическая психология. — Ростов н/Д, 1996. — Только гл. 11, написанная Л. Я. Гозманом.
- Денисов С. А.* Уголовно-правовая характеристика терроризма // Вестник МВД России. — 2001. — № 2—3.
- Дикаев С. У.* Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дис. д. ю. н. — СПб., 2004.
- Дмитриев А. В.* Слухи как объект социологического исследования // Социологические исследования. — 1995. — № 1.
- Долгова А. И.* Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность. — М., 2002.

Егоров В. С. Психология групповых нарушений общественного порядка: учеб. пособие. — М., 2000.

Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). — М., 2000.

Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. Секретное досье на террориста, которого разыскивает весь мир. — М., 2002.

Закон РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. (с изменениями и дополнениями от 18.02.1993, 01.07.1993, 15.06.1996, 31.03.1999, 06.12.1999, 25.07.2000, 07.11.2000, 29.12.2000).

Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1.

Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. — М., 1981.

Изард К. Эмоции человека. — М., 1980.

Илларионов В. П. Переговоры с преступниками. Библ. сотр. ОВД. — М., 1993. — Вып. 3, 4.

Казакова В. А., Фирсаков С. В. Нормативное регулирование борьбы с преступлениями террористического характера // Право и политика. — 2000. — № 12.

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. — М., 1983.

Краткий психологический словарь. — М., 1986.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 25 апреля, 25 июля, 30, 31 октября, 31 декабря 2002 г., 30 июня, 4 июля, 11 ноября, 8, 23 декабря 2003 г., 9 мая, 26, 28 июля, 20 августа, 25 октября, 28, 30 декабря 2004 г., 7, 21 марта 2005 г.).

Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. — М., 1997.

Конституция (Основной закон) Российской Федерации.

Котенев И. О. Опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий несения службы сотрудниками органов внутренних дел в экстремальных условиях: метод. пособие для практических психологов. — М., 1996.

Котенев И. О. Психологическая диагностика постстрессовых состояний: метод. пособие для практических психологов. — Пермь, 1998.

Коупленд Н. Психология и солдат. — М., 1960.

Кофман Б. И., Миронов С. Н., Сафаров А. А., Сафиуллин Н. Х. Терроризм: история и современность. — Казань, 2002.

Кофман Б. И., Миронов С. Н., Сафиуллин Н. Х., Демидов Ю. Н., Курушин В. И. Борьба с терроризмом. Теория и практика. — М., 2005.

Кошель П. А. История российского терроризма. — М., 1995.

Ланцов С. А. Террор и террористы: Словарь. — СПб., 2004.

Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. — М., 1989.

Лебедев В. И. Экстремальная психология. — М., 2001.

Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психопрофилактика стрессов. — М., 1993.

Лебон Г. Психология толп. — М., 1998.

Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1995.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.

Лунеев В. В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право. — 2002. — № 6.

- Манфред А. З.* Великая французская революция. — М., 1983.
- Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: сборник документов / сост. В. С. Овчинский. — М., 2003.
- Мисюра В. Ф.* Управление психологическими состояниями сотрудников в условиях воинской деятельности: учебно-метод. пособие. — М., 1994.
- Михайлов В.* Правовое обеспечение противодействия экстремизму // Российская юстиция. — 2002. — № 7.
- Моджорян Л. А.* Терроризм: правда и вымысел. — М., 1986.
- Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс: Пер. с фр. — М., 1998.
- Назаретян А. П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. — М., 1996.
- Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании: учеб. пособие. — М., 2005.
- Назаров А. Ю.* Организационно-правовые и тактические основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом. — М., 2002.
- Оганян Р. Э.* Ответственность за терроризм в уголовном праве России: лекция. — М., 2002.
- Ольшанский Д. В.* Психология терроризма. — СПб., 2002.
- Ольшанский Д. В.* Психология масс. — СПб., 2002.
- Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. — М., 2002.
- Ольшанский Д. В.* Афганистан на рубеже национального примирения: борьба за расширение социальной базы революционной власти: (Политико-психологический и страноведческий очерк) // Ислам и политика. — Вып. 5. — М., 1988.
- Организация психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях: метод. пособие / под общ. ред. В. М. Бурькина. — М., 2004.
- Панов В. П.* Международное уголовное право: учеб. пособие. — М., 1997.
- Петрищев В. Е.* Заметки о терроризме. — М., 2001.
- Правовое обеспечение противодействия терроризму: учеб. пособие / Б. И. Кофман, С. Н. Миронов, Н. Х. Сафиуллин. — Казань, 2003.
- Правовое обеспечение деятельности в области борьбы с терроризмом: Сборник нормативных информационно-аналитических документов и справочных материалов. — М., 2002.
- Приказ МВД России от 12.01.96 г. № 20 «О совершенствовании подготовки органов внутренних дел и внутренних войск МВД России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах».
- Психологический словарь. — М., 1983.
- Психологическое обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: метод. рекомендации. — М., 1995.
- Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях: метод. пособие. — М., 2001.
- Психологическое обеспечение деятельности сотрудников органов внутренних дел, принимающих участие в контртеррористической операции. — Красноярск, 2002.

Психологи о терроризме // Психологический журнал. — 1995. — № 4. — Т. 16.

Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: сборник статей / под ред. проф. М. М. Решетникова. — СПб., 2004.

Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. — Мн., 2004.

Почебут Л. Г. Социальная психология толпы. — СПб., 2004.

Почебут Л. Г. Психология социальных общностей. Толпа, социум, этнос. — СПб., 2002.

Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Избранное. — М., 1990.

Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма. — М., 2000.

Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. — М., 1998.

Силкин Н. Н. Теория и практика оптимизации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел к служебной деятельности в условиях повышенного риска: Монография. — СПб., 2001.

Советский энциклопедический словарь. — М., 1982.

Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова. — М., 2000.

Соловьев И. В. На войне как на войне: заметки психолога. — М., 1998.

Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. — М., 2002.

Столяренко А. М., Карпов В. С. Морально-психологическое обеспечение деятельности личного состава органов внутренних дел и внутренних войск при чрезвычайных обстоятельствах: учеб. пособие. — М., 1998.

Свирская И. Б., Андреев Н. В. Переговоры: психологическая характеристика и методы отбора инструкторов по переговорной деятельности: лекция. — М., 1995.

Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. — М., 1998.

Тард Г. Социальная логика. — СПб., 1991.

Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социс. — 2001. — № 5.

Уголовный кодекс Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — М., 2002.

Устинов В. В. Обвиняется терроризм. — М., 2002.

Формирование групп и работа с личным составом ОВД в особых условиях: метод. пособие / под общ. ред. Н. В. Андреева. — М., 1996.

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. — М., 1992.

Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.

Фрейд З. Психология бессознательного. — М., 1989.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Избранное. Т. 1. — М., 1969.

Черепанова Е. М. Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях: Руководство для спасателей и другого персонала служб быстрого реагирования. — М., 1995.

Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовой коммуникации. — М., 1973.

Шестопал Е. Б. Политическая психология: учебник. — М., 2002.

Щекин Г. В. Визуальная психодиагностика. Познание людей по их внешнему облику. Библиографическое содействие. — М., 1992. — Вып. 11.

Щербатых Ю. В. Психология страха: Популярная энциклопедия. — М., 2001.

Юри У. Преодолевая «нет», или Переговоры с трудными людьми: Пер. с англ. — М., 1993.

Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа // Социология преступности. — М., 1966.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Современные подходы к исследованию терроризма	6
1.1. История исследования проблемы терроризма	6
1.2. Общая характеристика терроризма	10
1.3. Некоторые причины и условия терроризма	17
Глава 2. Психологические особенности лиц, совершающих террористические акты	24
2.1. Мотивация террористической деятельности	27
2.2. Личность террориста	29
2.3. Логика, мышление и эмоции террориста	38
2.4. Террористы-смертники	44
Глава 3. Психологические процессы, сопровождающие террористические акты (стихийное массовое поведение)	47
3.1. Поведение больших масс людей (толпы) в экстремальных условиях	47
3.2. Виды толпы	49
3.3. Основное свойство толпы	51
3.4. Масса и ее вожаки	54
3.5. Влияние толпы на психику человека	57
3.6. Индивидуальная и массовая паника	62
3.7. Феномен слухов и его изучение	67
Глава 4. Психологическое обеспечение контртеррористической деятельности	73
4.1. Психологическое воздействие на процессы, сопровождающие террористические акты	73
4.1.1. Воздействие на толпу	73
4.1.2. Воздействие на поведение людей во время паники	77
4.1.3. Работа со слухами	82
4.1.4. Выявление террориста-смертника	85
4.2. Психологическое сопровождение антитеррористической деятель- ности	92
4.2.1. Психическое состояние сотрудников в условиях антитеррористической деятельности	96
4.2.2. Психологический отбор, формирование подразделений и организация психологической подготовки	112

4.2.3. Психологическая помощь пострадавшим в результате террористических актов с захватом заложников	127
4.2.4. Методическое обеспечение психологической работы	151
Глава 5. Психологическое обеспечение переговорной деятельности	157
5.1. Виды переговоров	157
5.2. Стабилизация психологической обстановки	173
5.3. Психологические приемы и позиции переговорщика	176
Глава 6. Правовое обеспечение антитеррористической деятельности	184
Основные понятия	188
Литература	197

Учебное издание

**Михаил Иванович Марьин
Юлия Григорьевна Касперович**

**Психологическое обеспечение антитеррористической
деятельности**

Учебное пособие

Редактор *О. Ю. Ашмарина*
Ответственный редактор *Н. В. Менщикова*
Технический редактор *Н. И. Горбачева*
Компьютерная верстка: *В. А. Крыжко*
Корректоры *О. Н. Тетерина, Т. С. Власкина*

Изд. № 101112459. Подписано в печать 28.09.2006. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3506.

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (495)330-1092, 334-8337.

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат» 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

